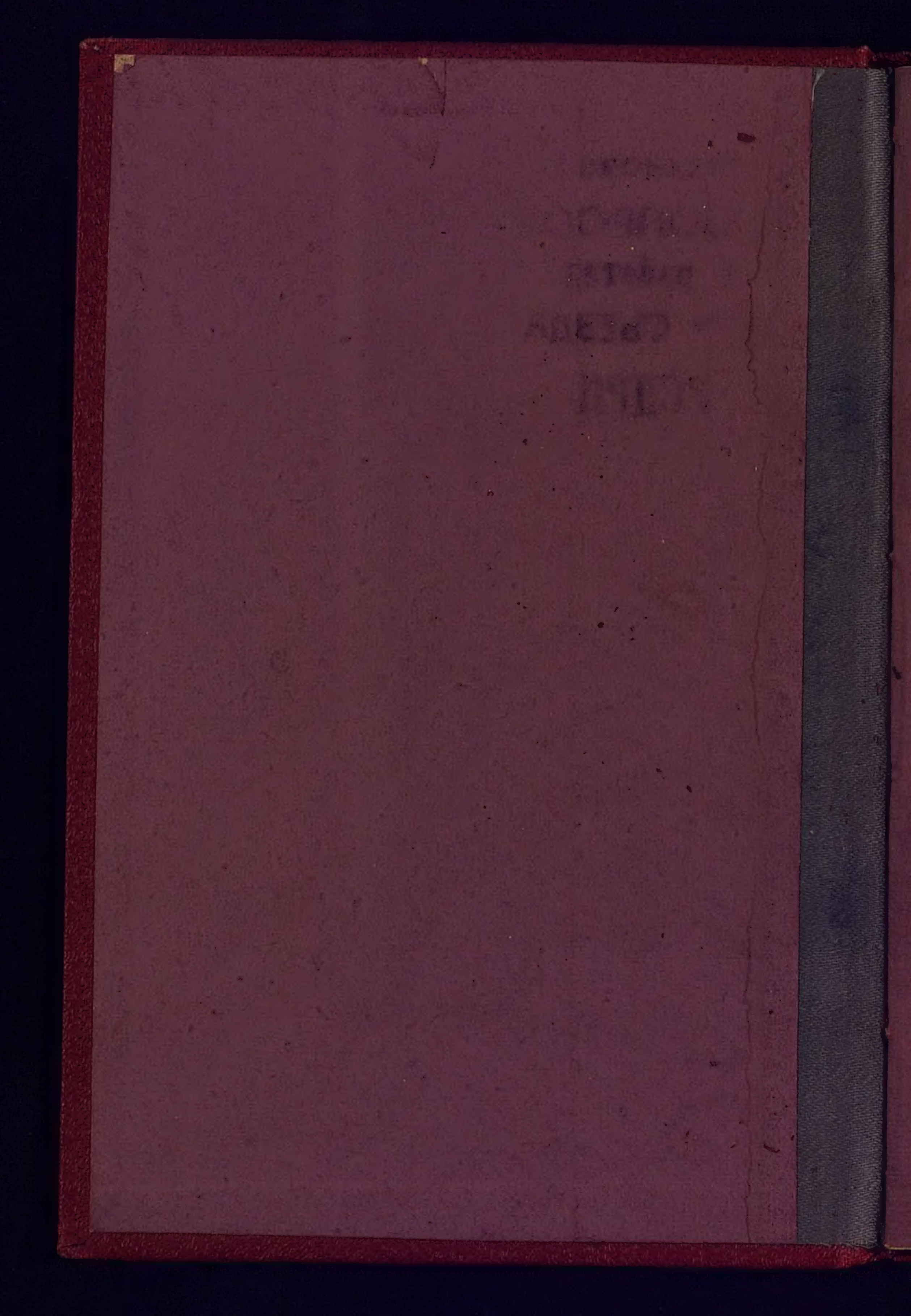
Махновец

К ВОПРОСУ о работах 2-го СЪЕЗДА РСДРП

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

АКИМОВЪ. КЪ ВОПРОСУ О РАБОТАХЪ ВТОРОГО СЪѢЗДА РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. ЖЕНЕВА 1904 г.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

АКИМОВЪ. КЪ ВОПРОСУ О РАБОТАХЪ ВТОРОГО СЪѢЗДА РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. ЖЕНЕВА 1904 г.

Въ іюнѣ 1902 группа „Искры" опубликовала въ № 21 своей газеты проэктъ программы Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Въ теченіе года никакихъ „критическихъ замѣчаній" и „проэктовъ поправокъ" никѣмъ опубликовано не было (кромѣ маленькой статьи въ „Жизни" латышскихъ товарищей). Но за то были приняты „резолюціи", кажется, пятнадцатью комитетами въ томъ смыслѣ, что комитеты вполнѣ согласны со взглядами „Искры".

Уже это обстоятельство показывало, что товарищи не отнеслись съ должнымъ вниманіемъ и осторожностью къ такому сложному, трудному и важному дѣлу, какъ выработка программы партіи.

„Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи" — писали совершенно справедливо авторы проэкта, публикуя его; „это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи". На самомъ же дѣлѣ ни одна группа кромѣ группы „Искры" не приняла — въ теченіе года—участія въ дѣлѣ выработки проэкта, и работа, долженствовавшая быть коллективной, оставалась индивидуальной.

Приходилось ждать съѣзда. Можно было надѣяться, что по крайней мѣрѣ тамъ коллективная мысль партіи, исходя изъ критики проэкта, создастъ свое credo.

Но и эти надежды уже очень скоро начали терять основаніе. О. К., возникшій въ октябрѣ того же года и имѣвшій созвать съѣздъ, былъ составленъ исключительно изъ крайнихъ сторонниковъ „Искры", изъ него были устранены ея противники, а потому стало естественнымъ опасаться, что идейные интересы многочисленныхъ разрозненныхъ противниковъ „Искры" не будутъ достаточно представлены на съѣздѣ.

На основаніи постановленія Бѣлостокской конференціи въ IV 02 г. О. К. долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: русской и заграничной, въ которую входилъ, между прочимъ, делегатъ Союза Рус. С.-Д., завѣдомо стоявшаго на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ „Искра". Но на октябрьскую конференцію, на которой былъ реконструированъ О. К., Союзъ Р. С.-Д. не былъ приглашенъ и тѣмъ произвольно отстраненъ отъ важнаго общепартійнаго дѣла.

Въ докладѣ О. К. съѣзду сказано, будто бы „петербургскій комитетъ обратился съ приглашеніемъ съѣхаться къ тѣмъ организаціямъ, которыя были участниками первой конференціи". Это не вѣрно, такъ какъ Союзъ Р. С.-Д. никакого приглашенія не получилъ.

Въ работахъ апрѣльской конференціи принималъ участіе также делегатъ Петерб. Ком., который въ то время рѣзко расходился съ „Искрою". Сторонники „Искры" въ Петерб. Ком., убѣдившись въ томъ, что они не могутъ обратить комитетъ на „путь истинный", произвели въ немъ лѣтомъ 1902 г. переворотъ, приведшій къ расколу. Съ осени 1902 г. въ Петербургѣ поэтому были двѣ организаціи, изъ которыхъ каждая называла себя комитетомъ партіи.

Но на октябрьской конференціи присутствовалъ только представитель „искровской" организаціи (Протоколы стр. 20). Кто имѣлъ право и каковы были основанія устранить вторую организацію? Кто, по крайней мѣрѣ, разбиралъ споръ между двумя петербургскими организаціями о правѣ называться комитетомъ пар-

тіи? Октябрьская конференція была дѣломъ „Искры“, и потому эти вопросы тамъ не возникали.

„Представитель Бунда не явился“ на октябрьскую конференцію, какъ сказано въ докладѣ О. К. съѣзду. Такимъ образомъ всѣ антиискровскіе элементы были отстранены отъ дѣла подготовки съѣзда.

„Было рѣшено, читаемъ мы дальше въ докладѣ, образовать О. К. изъ представителей тѣхъ организацій, которыя вошли въ составъ О. К. по постановленію апрѣльской конференціи“. „Апрѣльскій О. К. былъ составленъ изъ представителей трехъ организацій: Искры, Бунда и Союза южныхъ комитетовъ“.

Это опять таки невѣрно, при томъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-ыхъ потому, что апрѣльская конференція избирала въ О. К. *лицъ*, а не представителей организацій; и во 2-ыхъ потому, что Союзъ южныхъ комитетовъ уже не существовалъ въ это время, что по словамъ доклада стало извѣстнымъ иниціаторамъ новаго О. К. лишь во время октябрьской конференціи.

Какъ бы то ни было, но и въ О. К. не вошло ни одного представителя антиискровскаго теченія.

Воронежскій комитетъ тогда же протестовалъ противъ этихъ явныхъ нарушеній постановленія апрѣльской конференціи и требовалъ, чтобы О. К. былъ пополненъ представителями Заграничнаго Союза Р. С.-Д. и СПБ. Союза Борьбы. Онъ жестоко поплатился за эту дерзость — его не пустили на съѣздъ. На цѣлой страницѣ докладъ О. К. описываетъ какъ долго О. К. возился съ одесскою группою „Рабочая Воля“, „возникшей, правда, еще до 1 мая прошлаго года, но не проявлявшей почти никакой дѣятельности до осени прошлаго года“ (Протоколы стр. 23). Организація, носящая теперь имя Воронежскаго Комитета, возникла еще въ 94 году и все время непрерывно вела работу, пережила нѣсколько разгромовъ, выпустила за послѣдній годъ девять прокламацій, къ тому же это единственный комитетъ, состоящій изъ рабочихъ, — но съ нею разговоръ былъ коротокъ.

Семнадцати организаціямъ О. К. сообщилъ, что онѣ не могутъ послать делегатовъ на съѣздъ, въ томъ числѣ значится и Вор. Ком.; но на самомъ дѣлѣ онъ этого сообщенія не получилъ и потому не могъ прибѣгнуть къ третейскому суду, какъ это сдѣлали 9 другихъ организацій.

Предвидя опасность быть устраненнымъ со съѣзда, В. К. задолго до съѣзда просилъ Союзъ Р. С.-Д. потребовать для него третейскаго суда въ случаѣ, если его постигнетъ месть со стороны О. К. Но Союзъ Р. С.-Д. самъ не былъ увѣдомленъ до послѣдняго момента о томъ, какія организаціи были приглашены на съѣздъ, какія были отстранены и когда состоится съѣздъ.

Такая же судьба постигла и заграничную группу „Борьба“ Это была единственная группа, выпустившая до съѣзда нѣсколько брошюръ по вопросу о выработкѣ программы. Эта группа имѣла съ В. К. только одну общую черту: она была антиискровской. Слѣдовательно, не осталось ни одной антиискровской группы, которая не была бы отстранена въ большей или меньшей степени отъ дѣла съѣзда или отъ дѣла его подготовки. Протесты противъ

этого не могли ни къ чему привести: въ коммиссію по провѣркѣ мандатовъ были избраны исключительно искровцы, кромѣ тов. Юдина изъ Бунда.

Но въ уставѣ съѣзда, выработанномъ О. К. былъ „либеральный“ пунктъ, оставлявшій возможность проникнуть на съѣздъ и несогласно мыслящимъ элементамъ. Каждый комитетъ имѣлъ два мандата, чтобы можно было — какъ разъяснялось въ уставѣ — представить на съѣздъ взгляды не только большинства комитета, но и его меньшинства: представитель антиискровскихъ взглядовъ могъ попасть на съѣздъ, какъ делегатъ организаціи, которая въ своемъ большинствѣ стояла на искровской точкѣ зрѣнія.

Однако, если сторонники „Искры“ въ О. К. нашли нужнымъ и полезнымъ отстранить по мѣрѣ возможности отъ съѣзда представителей „смуты“ въ нашей партіи, то внутри комитетовъ они тѣмъ болѣе придерживались этого правила. Тов. Костичъ выразился на этотъ счетъ на съѣздѣ такъ: я спеціально интересовался этимъ вопросомъ, и оказалось, что всѣ комитеты, въ которыхъ есть большинство и меньшинство, послали обоихъ делегатовъ отъ большинства. Въ Протоколахъ (стр. 259) эти слова тов. Костича переданы такъ: „...большинство выберетъ всегда своихъ двухъ делегатовъ“. Но приведенная мною выше мысль Костича, взятая мною изъ моихъ личныхъ записокъ на съѣздѣ, подтверждается протоколами въ рѣчахъ тѣхъ, кто тогда же отмѣтилъ эти слова Костича. (См. рѣчи Гольдблата, Либера и мою стр. 260, 261, а также въ „Отчетѣ делегаціи Бунда“ стр. 52.) Слова Костича не вызвали опроверженія ни съ чьей стороны.

Наконецъ, оставался еще одинъ путь для того, чтобы дать возможность меньшинству партіи защищать свои взгляды на съѣздѣ. По уставу съѣзда О. К. могъ пригласить съ правомъ совѣщательнаго голоса товарищей, оказавшихъ нашему движенію особыя услуги и являющихся выразителями различныхъ теченій. Такими заслуженными товарищами оказались опять таки одни только искровцы за исключеніемъ одного члена Бунда. Бунду, такимъ образомъ, былъ удѣленъ и почетъ въ той же пропорціи какъ и вліяніе — 10 процентовъ.

О. К. не счелъ своей обязанностью пригласить на съѣздъ и выслушать хотя бы, напримѣръ, тов. Кричевскаго. Кричевскій принималъ участіе въ соц.-демократической работѣ въ Россіи еще въ концѣ 80-ыхъ годовъ. Будучи вынужденъ бѣжать по выходѣ изъ тюрьмы, онъ сейчасъ же занялъ видное мѣсто въ международной соц.-дем. литературѣ. Уже въ 90-мъ году онъ писалъ въ издававшемся Гр. Осв. Труда „Соціальдемократѣ“ и помѣстилъ рядъ статей въ Die Neue Zeit. Позже, разойдясь съ Гр. Осв. Труда, онъ принялъ руководство изданіями „Соц.-Дем. Библіотеки“ и въ 94-96 гг. далъ намъ нѣсколько своихъ брошюръ, пользовавшихся большимъ успѣхомъ, а также перевелъ „Эрфуртскую программу “Каутскаго, „Трудъ и капиталъ“ и „18-ое брюмера“ Маркса. Съ 98-го года онъ былъ членомъ редакціи Союза Р. С.-Д., а одно время и единственнымъ его редакторомъ. Под [illegible]-

кимъ образомъ, было издано 72 выпуска брошюръ, листковъ и книжекъ „Рабочаго Дѣла". Въ какой мѣрѣ онъ являлся выразителемъ тогдашнихъ взглядовъ русскихъ соц.-демократовъ видно изъ того, что „Искра", начавшая борьбу съ этими взглядами, вела ее именно, главнымъ образомъ и прежде всего противъ Кричевскаго.

Въ то же время Кричевскій продолжалъ сотрудничать въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ. Семь лѣтъ состоялъ онъ постояннымъ сотрудникомъ центральнаго органа нѣмецкой соц.-демократіи Vorwärts и продолжалъ писать въ научномъ органѣ этой партіи Die Neue Zeit. Уже послѣ того, какъ полемика „Искры" съ Кричевскимъ была перенесена въ западно-европейскую прессу, Каутскій просилъ его снова писать въ его органѣ. Кричевскій на это отвѣтилъ, что онъ могъ бы сотрудничать только въ томъ случаѣ, если бы ему было обѣщано, что его статьи будутъ печататься безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій. Каутскій и на это согласился.

Кромѣ всего этого Кричевскій былъ ко времени съѣзда представителемъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро — выборъ его былъ утвержденъ въ 1900 году всѣми комитетами нашей Партіи.

Но очевидно, все это уничтожалось тѣмъ фактомъ, что Кричевскій велъ борьбу съ искризмомъ, и его присутствіе на съѣздѣ было признано излишнимъ.

Съ своей стороны мы не поднимали вопроса о Кричевскомъ, во 1-ыхъ, потому, что это было въ интересахъ дѣла безполезно: наше предложеніе было бы все равно отклонено; во 2-ыхъ, потому, что намъ было бы тяжело выслушать по адрессу Кричевскаго рядъ оскорбленій и насмѣшекъ, такихъ, какія позволили себѣ члены съѣзда и особенно его предсѣдатель тов. Плехановъ по адресу тов. Рязанова: по поводу тов. Рязанова возгорѣлась борьба, показавшая, что лидеры съѣзда не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы „выбросить", по выраженію Ленина, неугодные имъ элементы.

То же самое произошло и съ другимъ товарищемъ К. (см. брошюру Павловича) „Одинъ изъ представителей „Искры" въ О. К., тов. З. вноситъ предложеніе пригласить нѣкоего К., извѣстнаго организаціи лишь своими „перебѣгами" рабочедѣльца. З. мотивируетъ необходимость приглашенія К. тѣмъ, что.... во 2-хъ, З. солидаренъ съ К. во всѣхъ тѣхъ взглядахъ, въ которыхъ К. расходится съ Искрой". (стр. 8) По словамъ Павловича „эта декларація удивила и возмутила всѣхъ членовъ орг. Искры. Мартовъ „энергично протестовалъ" (стр. 7). Изъ протоколовъ съѣзда Лиги мы узнаемъ (стр. 56), что З. — представитель Искры въ О. К., считалъ тов. К. хорошо знакомымъ съ программными вопросами и потому настаивалъ на его приглашеніи. Тамъ же Мартовъ объясняетъ, почему онъ „энергично протестовалъ" противъ приглашенія К.:

„Я не согласенъ въ оцѣнкѣ этого лица, имѣю основаніе думать, что онъ ближе къ рабочедѣльцамъ, чѣмъ къ Искрѣ".

Мною и Мартыновымъ было передано предсѣдателю коммиссіи

по провѣркѣ мандатовъ, тов. Кольцову, предложеніе пригласить на съѣздъ съ правомъ совѣщательнаго голоса тов. Парвуса, но и это предложеніе не имѣло успѣха.

Очевидно, наши вожаки такъ мало надѣялись на своихъ сторонниковъ, что боялись присутствія на съѣздѣ своихъ идейныхъ противниковъ хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній способъ привлечь къ общему дѣлу всѣ силы партіи былъ отвергнутъ. Дѣло партійное было превращено въ дѣло групповое.

* * *

Съѣзду предстояло рѣшить два кардинальныхъ вопроса: выработать программу партіи и создать ея организацію. Съѣздъ безусловно не выполнилъ ни одной изъ этихъ задачъ.

Что касается партійной организаціи, то съѣзду совершенно не удалось ее создать. Едва ли когда-нибудь въ нашей партіи царила такая анархія, какъ теперь. Созданный съѣздомъ Ц. К., это несомнѣнно для всѣхъ, не имѣетъ ни авторитета ни силы, необходимыхъ для этого важнаго партійнаго учрежденія. Его должна будетъ заново создать сама жизнь, точно такъ же, какъ и всѣ другія учрежденія партіи и ихъ взаимныя отношенія. Это случилось, конечно, потому, что школа „Искры", которая была представлена на съѣздѣ большинствомь делегатовъ, не могла и не желала считаться съ историческимъ ходомъ развитія нашей партіи: школа „Искры" привыкла относиться съ презрѣніемъ и ненавистью къ „стихіи" и хотѣла противопоставить ей свой планъ развитія. Товарищъ Мартовъ дошелъ до того, что назвалъ исторической аномаліей быстрый и мощный ростъ Бунда, и тѣ формы, которыя приняла организація еврейскаго пролетаріата. Т. Мартовъ былъ подобенъ тогда человѣку, который смотритъ на роскошное зарево зари и говоритъ: „Какія яркія краски! Это даже неестественно!"

Каковы были основныя черты развитія нашей партіи? Какія задачи ставило оно передъ „сознательными выразителями этого безсознательнаго процесса"? Какой типъ организаціи исторически подготовлялся самимъ ходомъ этого развитія?

Самая постановка этихъ вопросовъ невозможна была для представителей школы „Искры"; а то теченіе, которое только и могло ихъ поставить и сдѣлать по крайней мѣрѣ попытку ихъ разрѣшенія, какъ я уже сказалъ, было отстранено отъ дѣла строительства нашей партіи.

Въ другой брошюрѣ я постараюсь дать мой посильный отвѣтъ на эти вопросы и можетъ быть тѣмъ внести свою лепту въ это насущное для нашей партіи дѣло. Эта же брошюра посвящена вопросамъ программы.

Прежде всего я печатаю здѣсь свой докладъ съѣзду о дѣятельности Союза. Съѣзду не угодно было выслушать этотъ докладъ даже тогда, когда онъ принималъ рѣшеніе уничтожить Союзъ. Доклады съѣзду не напечатаны также и при протоколахъ, и я не

знаю, будутъ ли они когда нибудь изданы. Поэтому я привожу здѣсь мой докладъ.

Онъ былъ составленъ мною при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя опредѣляли и содержаніе моихъ рѣчей: у меня не было никакой надежды убѣдить въ чемъ нибудь съѣздъ! Не только у съѣзда было предвзятое мнѣніе о нашихъ — делегатовъ Союза — взглядахъ, но не было даже охоты насъ выслушивать. Поэтому всякія сообщенія мои о той огромной работѣ, которую выполнилъ Союзъ за 4 года, были бы излишни. Въ глазахъ делегатовъ, чѣмъ больше сдѣлалъ Союзъ, тѣмъ хуже, потому что то, что онъ дѣлалъ —есть зло. Въ виду этого я ставилъ себѣ цѣлью своимъ докладомъ вызвать принципіальное обсужденіе той позиціи, на которой стоялъ Союзъ. Можетъ быть это мнѣ и удалось бы, если бы не „стойкая политика“ „ежевыхъ рукавицъ“.

Дальше я разбираю три пункта принципіальной части нашей программы, которые мнѣ кажутся особенно важными. Внѣшнія причины—недостатокъ матеріальныхъ и техническихъ средствъ—заставляютъ меня ограничиться этими тремя вопросами. Вся программа мнѣ кажется до крайности неудачною. Она принята только потому, что не comme il faut не имѣть программы, но съѣздъ принялъ ее совершенно безсознательно.

Въ программѣ-минимумъ есть также въ высшей степени важныя отклоненія отъ международной программы, но обсужденіе ихъ не можетъ быть краткимъ. Достаточно указать для примѣра на вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ. Въ Бельгіи былъ созванъ ради одного только этого вопроса спеціальный съѣздъ партіи; враги соціалдемократіи предсказывали чуть не расколъ рабочей партіи по этому поводу. На нашемъ съѣздѣ т. т. Посадовскій и Плехановъ совершенно правильно поставили этотъ вопросъ на принципіальную почву, и при этомъ высказали чрезвычайно интересные и цѣльные взгляды. Но только одинъ т.Егоровъ въ принципѣ въ нѣсколькихъ словахъ возразилъ имъ, да т. Гольдблатъ высказалъ свое осужденіе. Съѣздъ молчалъ и молчаливо поддержалъ—въ поправкѣ Мартова—мнѣнія т. т. Посадовскаго и Плеханова. Я глубоко убѣжденъ, что русская соціалдемократія отмѣнитъ это рѣшеніе и, въ частности, т. Мартовъ откажется отъ своей поправки.

Въ рабочемъ законодательствѣ помѣщены такія требованія, которыя навѣрно не будутъ поддерживать какъ разъ авторы программы. Это покажетъ, какъ небрежно, наспѣхъ, былъ составленъ проэктъ программы, только ради того, чтобы сказать громкую фразу: „Партія сознательнаго пролетаріата отнынѣ имѣетъ свою программу“. Такъ напр. § 15 о промысловыхъ судахъ проводился въ жизнь Мильераномъ во Франціи, Тьебо въ Швейцаріи, и защищался Vorwärts'омъ, но горячо оспаривался какъ разъ ортодоксальными соціалдемократами. § 3, о полномъ запрещеніи сверхъурочныхъ работъ, представляется совершенно невыполнимымъ для каждаго, кто сколько нибудь знакомъ съ этимъ вопросомъ.

Такимъ образомъ, вся наша программа, отъ основныхъ принципіальныхъ положеній и до мельчайшихъ практическихъ требо-

ваній должна быть заново передѣлана. Этимъ я не хочу сказать, что 2-ой съѣздъ нашей партіи прошелъ безслѣдно для дѣла выработки программы. Напротивъ, это былъ первый важный шагъ, этимъ актомъ партія приступила къ выработкѣ своей программы. Въ настоящее время каждый членъ партіи тѣмъ самымъ считается сторонникомъ ея программы; поэтому каждый сознательный членъ партіи теперь вынужденъ приняться за изученіе своей программы; мысль многихъ и многихъ товарищей будетъ работать надъ критикой однихъ и тѣхъ же тезисовъ, и эта критическая работа только одна и сможетъ создать правильную формулу для выраженія коллективной мысли партіи. Моя брошюра поэтому имѣетъ цѣлью не умалять работу съѣзда, а наоборотъ, продолжать едва начатое дѣло; въ молекулярной работѣ живыхъ силъ нашей партіи—сила соціалдемократіи.

Докладъ Делегаціи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ Второму Съѣзду Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Съ 1895 г. соціалдемократія въ Россіи начала переходить отъ кружковщины къ пріемамъ массовой агитаціи. Это создало между прочимъ потребность въ агитаціонныхъ брошюрахъ для распространенія въ рабочихъ массахъ. Между тѣмъ, въ ней ощущалась крайняя нужда: брошюръ было очень мало и тѣ, которыя были, имѣлись въ очень ограниченномъ количествѣ. Тогдашній Союзъ Р. С.-Д. издавалъ едва нѣсколько брошюръ въ годъ и не смогъ поставить сколько нибудь удовлетворительно дѣло доставки своихъ изданій въ Россію.

Выходившіе заграницей „Листки Работника“ (съ мая 96 по октябрь 98 года 8 выпусковъ) никого не удовлетворяли, при чемъ изданіе ихъ привело къ столкновенію Г. О. Т. съ большинствомъ „молодыхъ“ товарищей. Вслѣдствіе этихъ столкновеній „молодые“ съѣхались въ ноябрѣ 98 года и рѣшили потребовать отъ Г. О. Т., чтобы она уступила имъ самостоятельно издавать „Листки Раб.“ и агитаціонныя брошюры. Въ противномъ случаѣ предполагалось приступить къ изданіямъ внѣ Союза. „Молодые“ хотѣли, чтобы Г. О. Т. продолжала редактировать сборникъ „Работникъ“ и тѣ брошюры, которыя она сама найдетъ нужнымъ издать. Однако Г. О. Т., согласившись на измѣненія въ томъ духѣ, какъ того желали „молодые“, сама отказалась принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Союза.

„Молодые“ ставили себѣ очень скромныя задачи. Въ уставѣ ихъ говорилось: Задачи Союза: 1) издавать и доставлять въ Россію агитаціонную литературу; 2) исполнять порученія партійныхъ организацій въ Россіи по представительству заграницей; 3) Союзъ не отказывается и отъ другихъ задачъ, имѣющихъ возникнуть и не противорѣчащихъ манифесту Партіи.

Большинство „молодыхъ“ только что пріѣхали тогда изъ Россіи, они принесли съ собою взгляды на задачи нелегальной

литературы, которые выработались у нихъ во время ихъ дѣятельности на мѣстахъ и потому изданія Союза начали выражать тѣ тенденціи, которыя въ то время характеризовали наше движеніе.

Союзъ упрекали въ томъ, что онъ шелъ въ хвостѣ движенія, что онъ былъ „съ большинствомъ“, что онъ опустился до уровня массъ вмѣсто того, чтобы руководить ими. Это совершенно лишенные основанія упреки. Союзъ въ той же мѣрѣ былъ отраженіемъ тогдашняго движенія, какъ нашъ настоящій съѣздъ является отраженіемъ современнаго движенія: онъ былъ частью однородной партіи и не могъ имѣть никакихъ иныхъ чертъ, кромѣ общихъ чертъ Партіи.

Позже, когда развитіе нашей Партіи дифференцировало ея части, меньшинство могло и должно было выдвинуть новыя болѣе широкія задачи. Этими задачами были — выработать формы политической борьбы пролетаріата и создать единую партійную организацію. Общепринято думать, что Союзъ явился при этомъ консервативной стороной, „экономистомъ“ и „кустарникомъ“. Я покажу ниже насколько это ошибочно и объясню почему создалась эта ошибка. — Теперь я возвращаюсь къ 98 г.

Я сказалъ, что задачи тогдашняго Союза были общими задачами Партіи. Каковы же были ея задачи?

Невѣроятно тяжелыя жизненныя условія русскихъ рабочихъ и наступившій послѣ промышленнаго застоя 80-хъ годовъ періодъ процвѣтанія вызвалъ среди рабочихъ цѣлый рядъ попытокъ добиться улучшенія своего положенія. „Социалдемократія поставила себѣ задачей вмѣшаться въ эту борьбу пролетаріата, придать ей правильную организацію и пробудить въ рабочихъ вполнѣ сознательное отношеніе къ этой борьбѣ, къ ея цѣлямъ, средствамъ и результатамъ, которые могутъ быть достигнуты.“ (Предисл. къ 1-му изд. Эрф. прогр. 1893 г.) „Для этого соціалдемократія взялась непосредственно за возбужденіе въ массѣ движенія на экономической почвѣ“. „Постоянно тереться въ массѣ, прислушиваться, схватить біеніе пульса толпы—къ этому сталъ стремиться агитаторъ“. Но онъ хотѣлъ „идти шагомъ дальше, чѣмъ пойдетъ масса“, онъ хотѣлъ „освѣтить въ ея глазахъ эту борьбу, объяснивъ ея значеніе съ болѣе общей точки зрѣнія“, не теряя изъ виду той связи, которая существуетъ между даннымъ его шагомъ и конечной цѣлью“. (См. брошюру „Объ Агитаціи“ 1895 г.)

Таковы были тогда задачи русской соціалдемократіи, которыя она себѣ сознательно поставила и формулировала; она ихъ выполнила съ полнымъ успѣхомъ. „Она подготовила между прочимъ почву для политической агитаціи“. „Измѣненіе политическаго строя теперь только вопросъ времени. Одна искра и накопленный горючій матеріалъ дастъ взрывъ“. (Предсказаніе брош. „Объ агитаціи“). Вотъ почему глубоко не правы тѣ, кто обвиняетъ сознательно накоплявшихъ этотъ матеріалъ въ забвеніи политическихъ задачъ нашей Партіи.

Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ желалъ присоединить свои силы къ тогдашней работѣ нашей Партіи и въ свою очередь, какъ

одинъ изъ отрядовъ ея, онъ сдѣлалъ то, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать въ той части работы, которую онъ взялъ на себя.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ онъ выпустилъ 72 выпуска агитаціонныхъ изданій въ количествѣ болѣе 200 тысячъ экземпляровъ или почти милліонъ листовъ. Онъ доставилъ въ Россію 215 пудовъ, т. е. по 55 пудовъ въ среднемъ ежегодно. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что работа Союза велась при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ существующія теперь.

„Теперь не хочется умирать, не хочется старѣться, теперь весело жить“, сказалъ нашъ предсѣдатель, открывая съѣздъ. Союзъ дѣйствовалъ, когда жить было не весело, когда надо было еще прокладывать дорогу для нелегальной литературы въ широкіе слои пролетаріата.

Особенно важна была работа Союза въ дѣлѣ устройства первомайской демонстраціи.

Когда Союзъ приступалъ къ своимъ изданіямъ манифестаціи еще считались невозможными большинствомъ товарищей. Въ первомайскомъ листкѣ 98 года Плехановъ писалъ, что „разумѣется“ демонстраціи въ Россіи теперь не возможны, что вышедшихъ на манифестацію рабочихъ перестрѣляли бы или, въ лучшемъ случаѣ, всѣхъ отвели бы въ тюрьму. Точно также Аксельродъ, уже въ августѣ 1900 года все еще считалъ уличныя демонстраціи чѣмъ то фантастическимъ и отклоняя нѣкоторые упреки, онъ писалъ: „точно я въ самомъ дѣлѣ хоть намекомъ предлагалъ кому бы то ни было заняться организацей террористическаго заговора или *уличныхъ демонстрацій.*“

Союзъ высказался за устройство политическихъ манифестацій, и первомайскихъ въ особенности, уже на первомъ съѣздѣ своемъ въ ноябрѣ 98 года и далъ редакціи соотвѣтствуюшія инструкціи. Съ тѣхъ поръ ежегодно онъ выпускалъ къ первому мая особую брошюру или майскій листокъ и всѣ эти изданія были полностью доставлены въ Россію. Особенно удачна была майская компанія 1901 г. Союзъ послалъ своего делегата объѣхать главнѣйшіе комитеты и выработать общія требованія; онъ выпустилъ 10.000 брошюръ, 10.000 прокламацій, 4.000 6-го номера листка „Раб. Дѣла“, посвященнаго цѣликомъ февральскимъ и мартовскимъ событіямъ 1901 г. 23 человѣка были отправлены въ Россію, чтобы развести эти изданія своевременно во всѣ концы отъ Петербурга до Тифлиса и отъ района дѣятельности „Бунда“ до Урала. Это потребовало расхода въ 8.000 фр. Весь выработанный планъ былъ полностью выполненъ и ни одинъ человѣкъ изъ этихъ 23-хъ не былъ арестованъ.

Кромѣ этой работы Союзъ задался цѣлью возстановить центральную организацію партіи, разгромленную тотчасъ послѣ перваго съѣзда. На вопросъ „съ чего начать“ Союзъ отвѣчалъ—съ созыва съѣзда. Союзъ считалъ съѣздъ кратчайшимъ путемъ для того, чтобы положить конецъ организаціонной и идейной разрозненности нашей партіи; и это потому, что отклоненія различныхъ организацій нашей партіи отъ правильнаго пути Союзъ считалъ лишь ошибками, неизбѣжно связанными съ неразвитымъ состо-

яніемъ движенія, а не проявленіемъ антиреволюціоннаго теченія въ социалдемократіи. Правильность этихъ взглядовъ Союза, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтвердилась тѣмъ, что ни одна изъ организацій тогда называвшихъ себя социалдемократическими не пошла ни за авторами credo, которое выставляется теперь совершенно ошибочно, какъ выраженіе тенденцій того періода, ни за какимъ бы то ни было другимъ антиреволюціоннымъ теченіемъ. Что касается Союза, то онъ первый опубликовалъ протестъ русскихъ социалдемократовъ противъ credo и присоединилъ къ нему и свой энергичный протестъ.

Для организаціи съѣзда Союзъ нѣсколько разъ посылалъ въ Россію своихъ делегатовъ. Они однако натолкнулись на инертность нашихъ мѣстныхъ организацій и даже на боязнь, что центральный комитетъ партіи, если онъ будетъ возстановленъ, станетъ навязывать свой собственный планъ дѣятельности, не считаясь съ мѣстными условіями агитаціи — въ то время еще не однородными во всей Россіи. Но Союзъ продолжалъ пропагандировать идею съѣзда и хотя непосредственныхъ результатовъ ему не удалось достигнуть, все же несомнѣнно, его работа и въ этомъ отношеніи не пропала даромъ и содѣйствовала, ускорила наступленіе времени, когда значеніе и необходимость съѣзда было сознано нашими комитетами и они живо откликнулись на новый призывъ О. К. Впрочемъ и О. К. былъ созданъ по идеѣ апрѣльской конференціи, созванной при участіи и по инициативѣ Союза и получилъ формальную санкцію, ссылаясь на постановленія этой конференціи.

Одно изъ круговыхъ писемъ Союза, обращенное ко всѣмъ комитетамъ въ ноябрѣ 1900 г. свидѣтельствуетъ о взглядахъ Союза на организаціонныя программныя и тактическія задачи нашей партіи. Этотъ документъ еще не былъ опубликованъ и потому я привожу его здѣсь. Нѣсколько выраженій въ немъ мы бытеперь не употребили, нѣсколько тезисовъ мы бы теперь обосновали иначе и болѣе рѣзко, но надо помнить, что это письмо относится ко времени до весеннихъ событій 1901 г. Во всякомъ случаѣ изъ него ясно видно, какъ далекъ былъ союзъ отъ приписанныхъ ему кустарничества и антиполитическихъ тенденцій. Порядокъ дня 2-го съѣзда былъ намѣченъ Союзомъ тотъ самый, который фактически будетъ по всѣмъ видимостямъ проведенъ нашимъ съѣздомъ; такимъ образомъ и идейное объединеніе партіи, выработка программы признавалось Союзомъ дѣломъ первой важности.—

Совершенно неосновательно обвинять Союзъ въ томъ, что онъ не руководилъ движеніемъ. Союзъ не бралъ на себя этой задачи и всегда ясно сознавалъ отсутствіе руководящаго органа. Поэтому то, въ самомъ началѣ онъ настаивалъ на изданіи подъ редакціей Г. О. Т. сборника „Работникъ", который служилъ бы научнымъ журналомъ, по образу „Die Neue Zeit" какъ тогда предполагалось; поэтому же позже, въ 99 году Союзъ предлагалъ „Г. О. Т." издавать брошюры отъ имени Союза, но подъ ея безапелляціонной редакціей. Вышло даже объявленіе объ этихъ изданіяхъ, въ которомъ „Гр. Осв. Тр." намѣчала основные вопросы, подлежащіе

разработкѣ въ изданіяхъ Союза подъ ея редакціей, тѣ тенденціи, которыя Г. О. Т. желала защищать и тѣ, противъ которыхъ она находила нужнымъ бороться. Союзъ издалъ это объявленіе отъ своего имени и этимъ подписался подъ взглядомъ Гр. О. Т. или по крайней мѣрѣ призналъ ихъ, въ ихъ основѣ, правильными и полезными для дѣла и брался распространять ихъ.

Впрочемъ Союзъ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что у него нѣтъ съ Г. О. Т. принципіальныхъ разногласій и не разъ высказывалъ этотъ взглядъ печатно.

Въ настоящее время дѣло обстоитъ не такъ. Союзъ не только не раздѣляетъ взглядовъ „Искры" и „Зари" на „третій періодъ" въ прошломъ русской соціалдемократіи. Но и остальные взгляды далеко не всѣ можетъ принять.

Задачи „четвертаго періода" Союзъ понималъ иначе, чѣмъ „Искра" и „Заря" и этими разногласіями объясняется, что теченіе „Искры" и „Зари", господствующее въ настоящее время въ русской соціалдемократіи, сочло за борьбу противъ принциповъ революціонной соціалдемократіи то, что было борьбою противъ нѣкоторыхъ тенденціи „Искры" и „Зари", которыя Союзъ считалъ и считаетъ ошибочными и идущими въ разрѣзъ съ интересами революціонной соціалдемократіи. Тѣмъ не менѣе, онъ, посылая на 2-ой съѣздъ Партіи двухъ своихъ делегатовъ, выражающихъ два крайніе оттѣнка мнѣній Союза, для защиты своей принципіальной позиціи, принялъ рѣшеніе, въ интересахъдисциплины и партійнаго единства безусловно подчиниться рѣшеніямъ съѣзда.

Круговое письмо Союза Русскихъ Соціалдемократовъ комитетамъ.

Русское соціалдемократическое движеніе стоитъ въ настоящій моментъ передъ новыми задачами. Развившись за послѣднія пять лѣтъ на почвѣ массового стачечнаго движенія, оно успѣло выработать цѣлесообразныя формы агитаціоннаго воздѣйствія на широкую массу въ области экономической борьбы. Старые споры начала и середины 90-хъ гг. о пропагандѣ и агитаціи были разрѣшены практическимъ опытомъ и навсегда отошли въ прошлое.

Но то же массовое движеніе, неизбѣжно поставившее лицомъ къ лицу борющіеся слои рабочихъ съ самодержавнымъ строемъ, всюду выдвинуло передъ соціалдемократами задачу политической агитаціи. Задача эта все болѣе и болѣе назрѣвала, по мѣр того какъ стачечное движеніе вовлекало въ борьбу рабочую массу и приводило ее въ столкновеніе съ царскимъ режимомъ. Подъемъ политическаго уровня нашего движенія замѣчается повсюду, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ. Однако этотъ подъемъ въ общемъ совершается, можно сказать, ощупью. Русскія соціалдемократическія организаціи еще далеки отъ тѣхъ систематическихъ пріемовъ и формъ политической агитаціи, которые уже выработаны нашими польскими и еврейскими товарищами. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что онѣ переживаютъ теперь такой

же переходный моментъ, какъ и въ серединѣ 90-хъ годовъ. Какъ тогда совершался переходъ отъ пропаганды къ агитаціи, такъ теперь совершается переходъ отъ преимущественно экономической агитаціи къ политической. Этимъ переходнымъ, а стало быть, неопредѣленнымъ состояніемъ нашего движенія объясняется та неудовлетворенность прежней дѣятельностью, которую можно прослѣдить на многихъ фактахъ послѣдняго времени.

Отдѣльныя уклоненія отъ общей соціалдемократической программы, вродѣ credo съ одной стороны, и замѣтно усиливающіяся террористическія тенденціи — съ другой, несомнѣнно отражаютъ чувство неудовлетворенности постановкой тактическихъ вопросовъ въ нашемъ движеніи. И, какъ это ни странно на первый взглядъ, и крайніе „экономисты“ и крайніе „политики“ въ сущности стоятъ на общей почвѣ, сознательно или безсознательно исходя изъ одного и того же взгляда на политическую самодѣятельность рабочаго класса. Если авторы credo отдѣляютъ политическую борьбу отъ экономической борьбы рабочихъ, предоставляя первую либеральной оппозиціи въ союзѣ съ соціалдемократами и иной интеллигенціей, то сторонники терроризма съуживаютъ политическую борьбу до заговорщицкой дѣятельности, которая по необходимости должна оставаться чуждой рабочей массѣ. Такъ что въ концѣ концовъ рабочая масса въ обоихъ случаяхъ оставалась бы въ сторонѣ отъ активной политической борьбы.

Обѣ крайности стали возможными единственно потому, что русскіе соціалдемократы еще не выработали опредѣленныхъ средствъ массовой политической борьбы.

Между тѣмъ въ настоящее время эта задача не только назрѣла, но и выполнима для силъ нашихъ организацій. Затишье, наступившее въ стачечномъ движеніи вслѣдствіе застоя въ промышленности и отчасти уже проявляющагося промышленнаго кризиса, освобождаетъ много силъ для чисто политической агитаціи, т. е. для широкаго политическаго воздѣйствія на массу, подготовленную къ этому предшествовавшимъ періодомъ стачечной борьбы. Этимъ затишьемъ можно и должно воспользоваться для выработки общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса.

Мы далеки отъ желанія нивеллировать движеніе во всей Россіи, отъ желанія связывать догматическими узами дѣятельность отдѣльныхъ организацій. Даже въ Западной Европѣ, даже въ такой сплоченной и единой партіи, какъ германская соціалдемократія, уживаются рядомъ разнообразные тактическіе пріемы въ соотвѣтствіи съ данными мѣстными условіями. Но единство партіи и ея успѣшное развитіе требуютъ, чтобы всѣ разнообразные пріемы служили не только одной и той же программной, но и одной и той же тактической цѣли. Для русской соціалдемократіи въ данный моментъ такой общей тактической цѣлью является какъ можно болѣе быстрое вовлеченіе рабочей массы въ политическую борьбу. Къ этой общей цѣли и должны быть направлены всѣ разнообразные способы дѣятельности нашихъ организацій.

Главнымъ препятствіемъ на пути къ тактическому объединенію русскихъ соціалдемократовъ является ихъ организаціонная разрозненность, отсутствіе центральной организаціи и даже центральнаго органа партіи. Организаціонное объединеніе является насущной задачей не только въ интересахъ чисто практическихъ или техническихъ, но и также — что еще важнѣе — въ интересахъ тактическаго объединенія нашей партіи, отъ котораго несомнѣнно зависитъ ея ближайшее будущее. Указанныя выше уклоненія въ противоположныя стороны отъ главнаго соціалдемократическаго русла — это симптомы, угрожающіе нашей партіи потерей силъ въ томъ случаѣ, если она въ ближайшемъ же будущемъ не сумѣетъ справиться съ назрѣвшими политическими задачами.

Вотъ почему настоятельно необходимо устройство 2-го съѣзда партіи, единственной инстанціи, которая въ состояніи положить конецъ организаціонной разрозненности, такъ вредно отзывающейся на всей дѣятельности русскихъ соціалдемократовъ. Нельзя ждать со съѣздомъ до тѣхъ поръ, пока дѣятельность отдѣльныхъ организацій, такъ сказать, сама собой разрѣшитъ тактическія и организаціонныя задачи въ духѣ единства.

Обязанность соціалдемократовъ ускорить этотъ подчасъ медленный процессъ, пользуясь уже выработанными элементами единства. Время не терпитъ. Намъ необходимо отрѣзать всѣмъ противникамъ соціалдемократіи всякую возможность сѣять тамъ, гдѣ они не пахали. Вспаханная соціалдемократами почва должна быть засѣяна соціалдемократическими же сѣменами политической агитаціи.

Первый съѣздъ партіи формулировалъ общіе программные принципы. Задачей второго съѣзда должна быть формулировка той детальной программы, которая предвидѣлась въ „Манифестѣ" партіи, но до сихъ поръ не была выработана, и въ связи съ этимъ, въ особенности выработка общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса — средствъ, примѣненіе которыхъ будетъ, разумѣется, зависѣть отъ состоянія движенія и количества наличныхъ силъ въ отдѣльныхъ районахъ, но которыя тѣмъ не менѣе, явятся общимъ руководящимъ правиломъ тактики, путеводной нитью для дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Возьмемъ примѣръ. Съѣздъ, положимъ, высказывается за необходимость политическихъ демонстрацій. Отсюда вовсе не будетъ слѣдовать, что всѣ наши организаціи обязаны немедленно же и при всякихъ условіяхъ устраивать такія демонстраціи; но рѣшеніе съѣзда несомнѣнно обяжетъ всѣ организаціи приложить всѣ усилія къ тому, чтобы устройство политическихъ демонстрацій стало возможнымъ въ ближайшемъ времени.

Далѣе, 2-ой съѣздъ долженъ будетъ положить прочное начало организаціоннаго объединенія партіи при помощи центральнаго комитета, главной функціей котораго будетъ являться, помимо изданія центральнаго органа, урегулированіе помощи отдѣльнымъ организаціямъ людьми, литературой и деньгами. О важности этой функціи распространяться незачѣмъ.

Всѣмъ дѣйствующимъ соціалдемократамъ хорошо извѣстно насколько наше движеніе страдаетъ въ практическомъ отношеніи отъ отсутствія или слабости связей между отдѣльными районами.

Наконецъ, созданіе центральнаго органа партіи обезпечило бы сохраненіе созданнаго съѣздомъ тактическаго единства, а также дальнѣйшее всестороннее выясненіе тактическихъ вопросовъ, которые могутъ рѣшаться только путемъ живого обмѣна мыслей между дѣятелями различныхъ районовъ, путемъ обмѣна результатами практическаго опыта всѣхъ мѣстныхъ организацій.

Уже первый съѣздъ, положившій основаніе партіи, сослужилъ нашему движенію большую службу. Что объединеніе, хотя бы только моральное, составляло жизненную задачу русской соціалдемократіи уже въ 98 г., — доказываетъ тотъ фактъ, что всѣ соціалдемократическія организаціи приняли названіе „Комитетовъ Р. С. Д. Р. П.", даже и тѣ, которыя не участвовали въ съѣздѣ или возникли позже. Притомъ названіе „Комитетовъ Партіи" отнюдь не было однимъ ярлыкомъ, такъ какъ оно предполагало и предполагаетъ солидарность съ „Манифестомъ" и организаціонными рѣшеніями 1-го съѣзда. За послѣдніе два года это названіе сдѣлалось популярнымъ среди интеллигенціи и рабочихъ и получило прямо агитаціонное значеніе. И никто, конечно, не думаетъ о томъ, чтобы отказаться отъ цѣнной моральной связи, установленной 1-мъ съѣздомъ.

Теперь наступило время возобновить дѣло 1-го съѣзда и превратить моральную связь въ тѣсную организаціонную связь, которая усилила бы наше движеніе качественно и количественно.

Въ виду сказаннаго, нижеподписавшаяся организація обращается къ вамъ, товарищи, съ предложеніемъ взять на себя иниціативу созыва 2-го съѣзда Р. С. Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ нижеподписавшаяся организація предлагаетъ слѣдующій порядокъ дня 2-го съѣзда:

I. Регламентъ работъ съѣзда (повѣрка мандатовъ, установленіе порядка дня, способъ составленія протоколовъ и пр.).

II. Доклады делегатовъ о состояніи движенія въ данномъ районѣ.

III Выработка детальной программы партіи.

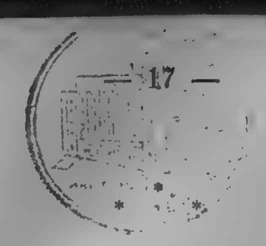
IV. Тактика партіи: а) экономическая и политическая борьба, в) средства и формы экономической борьбы, с) средства и формы политической борьбы рабочаго класса.

V. Отношеніе къ другимъ партіямъ.

VI. Организація партіи: а) районныя организаціи и Центральный Комитетъ, в) центральный органъ, районные органы партіи и проч.

Союзъ Русскихъ Соц.-Дем. заграницей.

Теперь я перехожу къ разсмотрѣнію трехъ важнѣйшихъ программныхъ вопросовъ: теоріи „наполненія", теоріи обнищанія и и диктатуры. Курсивъ въ цитатахъ, вездѣ, гдѣ это не оговорено, принадлежитъ мнѣ.

Програма Искры построена по типу Эрфуртской программы. Въ Эрфуртской программѣ три части: взглядъ на характеръ современнаго общества и ходъ его развитія, цѣли соціалдемократіи и средства ихъ осуществленія. Въ проэктѣ Искры прибавлено къ этому вступленіе о международномъ характерѣ соціалдемократіи.

Современное общество и тенденціи его развитія охарактеризованы въ Эрфуртской программѣ въ четырехъ тезисахъ: 1) Развитіе современнаго общества имѣетъ тенденцію раздѣлить его на два лагеря—капиталистовъ и пролетаріевъ 2) Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ богатство однихъ и нищета другихъ 3) Растетъ также антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей 4) Кризисы обостряютъ этотъ антагонизмъ и обнаруживаютъ внутреннія противорѣчія и несостоятельность существующаго строя.

Въ Вѣнской программѣ первый тезисъ Эрфуртской разчлененъ: раздѣленіе общества на классы сначала констатировано, какъ фактъ, а затѣмъ отмѣчена тенденція углубленія этого раздѣленія. Программа Искры въ этомъ мѣстѣ приближается къ конструкціи Вѣнской программы.

Слѣдующій, второй абзацъ Эрфуртской программы отвѣчаетъ на вопросъ, какъ же отзывается процессъ развитія общества на интересахъ отдѣльныхъ классовъ, а въ третьемъ абзацѣ отмѣчается антагонизмъ интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Въ проэктѣ Искры исчезаетъ ясность конструкціи Эрфуртской программы. Съ одной стороны моментъ недовольства, моментъ борьбы въ этихъ тезисахъ совсѣмъ отсутствуетъ, онъ перенесенъ въ дальнѣйшія пункты и изложенъ въ иной концепціи; съ другой стороны вліяніе развитія общества на интересы пролетаріата отмѣчено не только въ этомъ пунктѣ, но трижды, въ трехъ тезисахъ, и все же этотъ моментъ не точно формулированъ, неясно и неопредѣленно.

Мало того, сама эта неопредѣленность проистекаетъ изъ того, что авторы хотѣли формулировать здѣсь взглядъ устарѣлый, не могущій въ настоящее время выдержать критики и не соотвѣтствующій современной тактикѣ международной соціалдемократіи.

Между тѣмъ въ этомъ пунктѣ затрагивается въ высшей степени важный вопросъ, дебатировавшійся въ заграничной соціалистической прессѣ подъ именемъ теоріи обнищанія, Verelendungstheorie, Théorie de la misère grandissante.

Мнѣ казалось особенно важнымъ обратить на это вниманіе съѣзда. Въ моей вступительной рѣчи я только успѣлъ намѣтить этотъ вопросъ, развить же мысль мнѣ не дали. Между тѣмъ мои противники приписали мнѣ, по поводу моихъ словъ такіе взгляды, которые я не могу оставить безъ возраженія. То, что я хотѣлъ сказать на съѣздѣ по этому вопросу, я излагаю въ настоящей брошюрѣ.

Послѣдній пунктъ первой части программы соотвѣтствуетъ тексту Эрфуртской программы. На съѣздѣ я внесъ поправку также и по вопросу о кризисахъ, но такъ какъ эта поправка имѣетъ только косвенное отоношеніе къ тѣмъ тенденціямъ программы, противъ которыхъ я борюсь, то я не возвращаюсь здѣсь къ ней, какъ и къ большинству другихъ моихъ поправокъ.

Далѣе, вторая часть программы,—о цѣляхъ партіи—опять таки отступаетъ отъ Эрфуртской программы и, повидимому, должна была быть редактирована по схемѣ Вѣнской. Но сходство съ Вѣнской программой является только формальнымъ, по существу же здѣсь проведены взгляды на пролетаріатъ очень сильно отличающіеся не только отъ духа Вѣнской программы, но и Эрфуртской и, какъ мнѣ кажется, отъ самыхъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Указаніе мое въ этомъ смыслѣ было извращено тов. Ленинымъ. И такъ какъ я не могъ ему отвѣтить тогда, то отвѣчаю теперь.

Третья часть Эрфуртской программы — о задачахъ партіи— распадается на 5 пунктовъ и, формально, программа Искры и здѣсь копируетъ Эрфуртскую.

Первый и послѣдній пункты нѣмецкой программы, соотвѣтствующій послѣднему пункту русской, говорятъ объ отношеніи нашей партіи къ непролетарскимъ классамъ, второй—о завоеваніи политической власти, третій—о роли соціалдемократіи для пролетаріата, выясняется соотношеніе между понятіями партіи и класса; каждому изъ этихъ положеній отведено мѣсто и въ программѣ Искры. Четвертый абзацъ заявляетъ о международномъ характерѣ нашего движенія; этотъ пунктъ поставленъ въ программѣ Искры вначалѣ, въ видѣ вступленія. Но по существу каждый изъ этихъ тезисовъ самымъ рѣзкимъ образомъ отклоняется отъ идей Эрфуртской программы. Иногда только термины оригинальны, только оттѣнки выраженій, филологическія, почти лингвистическія отличія — но какая получается огромная разница между этими двумя программами! Она дѣлаетъ эти двѣ программы удивительно цѣльнымъ выраженіемъ двухъ рѣзко отличныхъ міровоззрѣній.

Въ настоящее время я не имѣю возможности разобрать всѣ эти пункты, но я коснусь, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, вопроса о завоеваніи политической власти.

Наконецъ, я разберу тѣ возраженія, которыми отдѣлались мои противники въ отвѣтъ на мою коротенькую десятиминутную рѣчь, зная, что защищаться мнѣ не будетъ позволено.

1. Предпосылки Соціализма.

Международная соціалдемокр. партія ставитъ своею цѣлью замѣну современнаго капиталистическаго строя соціалистическимъ, при которомъ „крупное производство изъ источника нищеты и порабощенія превратится въ источникъ высшаго благосостоянія.“ Это именно и заявляетъ Эрфуртская программа. И эту мысль, понятно, должна высказать всякая соціалдемократическая прог-

рамма. Но Вѣнская — предварительно указываетъ, что въ нѣдрахъ самого капиталистическаго строя неизбѣжно появятся тѣ силы и ср едства, которы его уничтожатъ и создадутъ новый міръ. Эти силы — пролетаріатъ, который приходитъ къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и идеаловъ, теоретическимъ выраженіемъ которыхъ является научный соціализмъ; эти средства —техническія усовершенствованія, позволяющія организовать коллективное производство. Программа Искры и въ этомъ мѣстѣ отступаетъ отъ Эрфуртской программы и слѣдуетъ схемѣ Вѣнской, но только схемѣ, а не идеямъ.

„Создаются необходимыя матерьяльныя и духовныя условія для новыхъ формъ коллективнаго производства,“ говоритъ Вѣнская программа. Матерьяльныя условія заключаются въ томъ, что производство уже въ капиталистическомъ строѣ становится коллективнымъ, совершается „вытѣсненіе индивидуальнаго производства“, а потому и „индивидуальная собственность становится излишней и вредной.“ Право частной собственности становится вреднымъ юридическимъ институтомъ, привилегіей, не отвѣчающей реальнымъ отношеніямъ, потребностямъ дальнѣйшаго общественнаго развитія. Дѣлается возможнымъ и необходимымъ орудія коллективнаго труда сдѣлать коллективною собственностью.

Духовныя же условія состоятъ въ томъ, что „чѣмъ больше съ развитіемъ капитализма увеличивается пролетаріатъ, тѣмъ больше онъ принужденъ начать борьбу противъ капиталиэма и тѣмъ способнѣе онъ дѣлается къ этой борьбѣ... Пролетаріатъ приходитъ къ сознанію, что онъ долженъ содѣйствовать развитію“ (общества) „и ускорять его и что переходъ средствъ труда въ общую собственность всего народа должно быть цѣлью“ его.

Въ проэктѣ Искры хорошо формулированъ процессъ, который создаетъ „матерьяльную возможность замѣны капиталистическихъ прозводственныхъ отношеній соціалистическими.“ Я бы сказалъ, что *только* о матерьяльныхъ условіяхъ говорится въ проэктѣ. Пролетаріи разсматриваются здѣсь только какъ instrumentum vocale; ихъ, этихъ инструментовъ, становится достаточное число (растетъ число... пролетаріевъ“). Подобно тому, какъ чудовища-машины свинчены изъ отдѣльныхъ нѣмыхъ инструментовъ, когда то разрозненно лежавшихъ и стоявшихъ въ мастерской ремесленника, такъ и современныя фабрики и заводы сплотили въ себѣ цѣлыя коллекціи живыхъ инструментовъ, нѣкогда разсѣянныхъ по пригородамъ („растетъ число и сплоченность пролетаріевъ“). Въ проэктѣ сказано также, что растетъ недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы“ и „обостряется борьба ихъ“ (пролетаріевъ) „съ ихъ эксплуататорами.“ Но эти признаки именно свойственны „говорящимъ инструментамъ“ древняго Рима. Рабы были „трудящейся и эксплуатируемой массой“, „недовольство“ которой расло; „борьба“ рабовъ „съ ихъ эксплуататорами обострялась.“ Но это было только техническимъ недостаткомъ инструментовъ; съ этимъ недостаткомъ эксплуататоры считались, какъ считаются съ несовершенствомъ машинъ, но ни у эксплуа-

таторовъ, ни у эксплуатируемыхъ не возникала мысль объ отмѣнѣ самаго института рабства.

Но развѣ эти качества пролетаріевъ даютъ намъ увѣренность въ побѣдѣ рабочаго класса? Развѣ они являются условіями наступленія соціалистическаго строя? Гдѣ же здѣсь духовныя творческія силы пролетаріата? Гдѣ его классовое сознаніе?

Обратимся къ комментаріямъ Плеханова. Онъ пишетъ на стр. 31:

Нашъ проэктъ говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ развиваются противорѣчія, свойственныя капиталистическому обществу, „растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы и обостряется революціонная борьба пролетаріата съ эксплуататорами.“

Цитируя текстъ, Плехановъ поправляетъ его. Въ заключенную въ ковычки цитату онъ вставляетъ передъ словомъ „борьба“ слово „революціонная“ и вмѣсто понятія „ихъ“, „пролетаріевъ“, т. е. суммы лицъ, ставитъ понятіе „пролетаріата“, т. е. класса. Это въ высшей степени важныя поправки. При формулировкѣ Плеханова разрозненная индивидуальная борьба пролетаріевъ представляется молекулярнымъ движеніемъ единой, мощной общественной силы. По формулировкѣ же проэкта пролетаріи — „людская пыль,“ которая порошитъ глаза эксплуататорамъ.

Поправка Плеханова необходима, но недостаточна. Послѣ вышеприведенныхъ словъ Плехановъ такъ продолжаетъ свои комментаріи-поправки.

Эти слова вѣрно выражаютъ, какъ намъ кажется, отношеніе къ капиталу разныхъ классовъ угнетаемаго имъ населенія: его гнетъ испытываетъ на себѣ теперь не одинъ пролетаріатъ, и не одинъ пролетаріатъ недоволенъ этимъ гнетомъ, но онъ одинъ *сознательно возстаетъ*“ (курсивъ Плеханова) „противъ него, онъ одинъ ведетъ съ капиталомъ *революціонную*“ (курсивъ Плеханова) „борьбу, т. е. такую борьбу, цѣль которой заключается въ *устраненіи капиталистическихъ отношеній производства.* (курс. Плеханова)

Итакъ, по мнѣнію Плеханова, въ проэктѣ идетъ рѣчь о „разныхъ классахъ угнетаемаго населенія“. У всей „трудящейся и эксплуатируемой массы,“ въ томъ числѣ и у пролетаріата, растетъ недовольство. Но пролетаріатъ, въ противоположность другимъ классамъ, не только недоволенъ, но и „сознательно возстаетъ,“ „ведетъ революціонную борьбу“.

Плеханову „кажется“, что эту совершенно вѣрную мысль „вѣрно выражаютъ слова проэкта.“ Плехановъ хочетъ увѣрить своихъ читателей, будто бы слова проэкта „растетъ недовольство, обостряется ихъ борьба съ ихъ эксплуататорами“ выражаютъ „сознательное возстаніе,“ „революціонную борьбу“ (*класса*) „пролетаріата“! Плехановъ и здѣсь исправляетъ проэктъ, въ которомъ нѣтъ даже и намека ни на сознательность, ни на революціонность, ни на классовый характеръ борьбы пролетаріата.

Плехановъ категорически, неустанно восхваляетъ проэктъ, называетъ его „вполнѣ ортодоксальнымъ“, „фотографически точнымъ изображеніемъ дѣйствительности“. Тотъ же, кто „ортодоксію“

„не любитъ“ — „тотъ можетъ даже и не читать проэкта; онъ не для него написанъ“. Но въ нѣсколькихъ мѣстахъ проэктъ вопіющимъ образомъ отступаетъ отъ „ортодоксіи“, тогда Плехановъ заявляетъ, что, какъ ему *„кажется“*, проэктъ выражаетъ такую то мысль и затѣмъ излагаетъ свою поправку къ проэкту.

Я поддерживаю поправки Плеханова. Я хочу, чтобы въ нашей программѣ было сказано, что „по мѣрѣ того, какъ растутъ противорѣчія свойственныя буржуазному обществу“ (проэктъ Искры) „растетъ также *сознательная, революціонная классовая борьба -возстаніе* пролетаріата“ (поправка Плеханова), а не только „борьба“ *ихъ* (пролетаріевъ) съ *ихъ* эксплуататорами“, которая свойственна всѣмъ угнетеннымъ людямъ и при всѣхъ производственныхъ отношеніяхъ прошлыхъ эпохъ.

Но какъ же это могло случиться, что ортодоксальная соціалдемократическая программа, отмѣчая предпосылки соціализма, не нашла нужнымъ отмѣтить сознательность, революціонность и классовый характеръ пролетарской борьбы? Это не можетъ быть случайностью и это не есть случайность. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду одного изъ составителей проэкта, т. Ленина на пролетаріатъ, какъ на пассивную среду, въ которой можетъ развиваться бацилла соціализма, внесенная туда извнѣ.

Въ книжкѣ „Что Дѣлать“ т. Ленинъ развилъ этотъ взглядъ:

Ученіе соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей. Основатели современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, принадлежали и сами, по своему соціальному положенію, къ буржуазной интеллигенціи. Точно также и въ Россіи теоретическое ученіе соціалдемократіи возникло *совершенно независимо* отъ стихійнаго рабочаго движенія, возникло какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли революціонной соціалистической интеллигенціи“ (стр. 21). „Взятые сами по себѣ эти стачки (96 г.) были борьбою трэдьюньонистской, но еще не соціалдемократической, онѣ знаменовали *пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ*, но *у рабочихъ не было, да и быть не могло* сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознанія соціалдемократическаго“. „Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдьюньонистское, т. е. убѣжденіе въ необходимости объединиться въ союзы, *вести борьбу съ хозяевами*, добиться отъ правительства изданія тѣхъ или иныхъ... законовъ“ (20) „Воображаютъ, что чисто-рабочее движеніе само по себѣ можетъ выработать и выработаетъ себѣ самостоятельную идеологію... Но это глубокая ошибка“ (стр. 26). „О самостоятельной, самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи“. „Рабочіе участвуютъ (въ выработкѣ идеологіи) не въ качествѣ рабочихъ, а въ качествѣ теоретиковъ соціализма, въ качествѣ Прудоновъ и Вейтлинговъ“ (стр. 27). „Стихійное развитіе рабочаго движенія идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіей“.

„Стихійное рабочее движеніе есть трэдьюньонизмъ, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а трэдьюньонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей“ (стр. 28).

Такимъ образомъ выраженія проэкта программы почти цѣликомъ взяты изъ приведенныхъ строкъ Ленина. „Обостряется борьба ихъ (пролетаріевъ) съ ихъ эксплуататорами“, говоритъ проэктъ; „стачки... (1896 г.) знаменовали пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ“, говоритъ Ленинъ. Плехановъ комментируетъ: „мнѣ кажется.., эти слова выражаютъ..., что пролетаріатъ *сознательно возстаетъ*, (кус. Плех.) ведетъ революціонную (курс. Плех.)борьбу.., цѣль которой *устраненіе капиталистическихъ отношеній производства.*“ (курс. Плех.); а Ленинъ поясняетъ, что у рабочихъ не было да и *быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному.... строю.*“ Какъ же могъ Ленинъ согласиться, чтобы то, что „кажется“ Плеханову, было дѣйствительно сказано въ программѣ?

Ленинъ, конечно, не противъ сознанья и революціонности, но эти прекрасныя качества являются достояніемъ не пролетаріата, а революціонно-соціалистической интеллигенціи; она, организовавъ соціалдемократическую партію, „внесетъ“ ихъ собою въ „рабочія массы“ и потому объ этомъ говорится въ проэктѣ позже, когда рѣчь идетъ о задачахъ партіи.

И такъ въ разбираемомъ пунктѣ проэкта формулированъ взглядъ Ленина, что для „возможности соціальной революціи“ необходимо „усовершенствованіе техники, ростъ числа и сплоченности пролетаріевъ и обостреніе борьбы ихъ съ ихъ эксплуататорами“; все остальное сдѣлаетъ „соціально-революціонная интеллигенція“, „профессіональные революціонеры“; они составятъ партію, которая и явится „сознательной выразительницей классоваго движенія пролетаріата“, „опираясь“ на большое число сплоченныхъ пролетаріевъ. Для подтвержденія своего взгляда на роль интеллигенціи Ленинъ цитируетъ въ „Что дѣлать“ (стр. 27) рѣчь Каутскаго на Вѣнскомъ партейтагѣ. Каутскій говорилъ:

„Совершено невѣрно, будто бы соціалистическое сознаніе представляется необходимымъ непосредственнымъ результатомъ пролетарской классовой борьбы“. „Соціализмъ и классовая борьба возникаютъ рядомъ одинъ съ другою, а не одинъ изъ другой, возникаютъ при различныхъ предпосылкахъ. Современное соціалистическое сознаніе можетъ возникнуть только на основаніи глубокаго научнаго знанія. Носителемъ же науки является не пролетаріатъ, а *буржуазная интеллигенція*“ (курсивъ Каутскаго). „Такимъ образомъ соціалистическое сознаніе естъ нѣчто извнѣ внесенное въ классовую борьбу пролетаріата, а не нѣчто стихійно изъ нея возникшее“.

Это мнѣніе Каутскаго безусловно ошибочно. Я ограничусь только цитатой изъ отвѣтной рѣчи Адлера на эти слова Каутскаго въ виду того, что взглядъ Ленина, какъ я постараюсь показать, идетъ гораздо дальше Каутскаго и, если Каутскій можетъ быть имѣлъ нѣкоторое основаніе сказать, что эти его раз-

ногласія съ Адлеромъ есть Doktorfrage и не являются програмными разногласіями, то въ формулировкѣ Ленина теорія наполненія пролетаріата соціализмомъ (Erfüllungstheorie) противорѣчитъ основнымъ положеніямъ научнаго соціализма.

Адлеръ отвѣчалъ Каутскому слѣдующее:

„Каутскій въ своей критикѣ, между прочимъ, утверждалъ, что въ проэктѣ есть противорѣчіе, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что соціалдемократія должна стремиться къ освобожденію всего народа изъ цѣпей экономическаго рабства и пр., а въ другомъ, — что это сознаніе, это стремленіе возникаетъ въ пролетаріатѣ само собой... Я считаю текстъ проэкта совершенно правильнымъ и не нахожу въ немъ ровно никакого противорѣчія. Здѣсь говорится, что пролетаріатъ приходитъ къ пониманію всего этого развитія, приходитъ къ сознанію того, что съ борьбѣ за освобожденіе рабочаго класса цѣлью долженъ быть коммунизмъ. Носителемъ этого развитія, говорится далѣе, можетъ являтьси никто иной, какъ самъ организованный пролетаріатъ. Пробудить же пролетаріатъ — это въ свою очередь можетъ быть задачей только соціалдемократіи. Такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ, я здѣсь не усматриваю противорѣчія, какъ и вообще я придерживаюсь того мнѣнія, что все развитіе теоріи соціализма относится къ рабочему движенію, какъ идеологическая надстройка къ матерьяльному экономическому развитію вообще. Я убѣжденъ, что все развитіе пониманія соціализма можетъ быть выведено изъ экономическаго движенія самого пролетаріата... я думаю, что соціалистическая идея представляетъ продуктъ рабочаго класса... соціалдемократія есть его мозгъ; ...мѣсто рожденія соціалдемократическаго мышленія — пролетаріатъ; соціалдемократія — продуктъ этого мышленія и она приводитъ пролетаріатъ къ познанію самого себя. (Протоколы стр. 108).

Однако же хотя у Каутскаго „соціализмъ и классовая борьба возникаютъ рядомъ одинъ съ другою“, но развиваются они такъ сказать параллельно и наконецъ струйка „сознанія“ вливается въ потокъ пролетарскаго движенія. Какъ фигуральное выраженіе развитія соціалистическаго рабочаго движенія эта мысль не разъ высказывалась.

„Теорія соціализма, говоритъ Вандервельдъ, (Соціализмъ въ Бельгіи стр. 14 изд. 98 г.) рожденная состраданіемъ, оставалась отдѣленной отъ соціализма практиковъ, рожденнаго страданіемъ. Нужны были долгіе годы, полные тяжелыхъ испытаній, чтобы мыслители и пролетаріи соединились и подали другъ другу руку“.

Но и у Вандервельда интеллигенты и пролетаріи являются лишь теоретиками и практиками одного и того же движенія.—соціализма, у Ленина же „интеллигенція“ развивается въ одномъ направленіи,—„изъ философскихъ, историческихъ и экономическихъ теорій“ „выростаетъ“ „ученіе соціализма“,—пролетаріатъ же идетъ въ другомъ направленіи, „идетъ къ подчиненію его буржуазной идеологіей“, стихійное рабочее движеніе есть тредъюньонизмъ. Поэтому интеллигенціи приходится начать борьбу противъ стихіи и „*совлечь*“ (курс. Ленина, стр. 28) рабочее движеніе съ этого стихійнаго стремленія“.

До такихъ парадоксовъ, кажется, еще никто изъ соціалдемократовъ не договаривался!

Достаточно взять первое попавшееся произведеніе Маркса или Энгельса, чтобы видѣть, насколько расходится этотъ основной взглядъ Ленина, такъ цѣльно отразившійся въ проэктѣ программы Искры, со взглядами основателей научнаго соціализма.

Я не стану здѣсь сопоставлять мнѣнія Ленина съ одной стороны, Маркса и Энгельса съ другой: это раньше меня и лучше меня сдѣлалъ тов. Мартыновъ въ своемъ докладѣ съѣзду отъ имени всей нашей организаціи; Тов. Мартыновъ ограничился одной поправкой въ проэктѣ программы (не считая мелкихъ), именно въ этомъ пуктѣ ея, указывая, что это мѣсто является самымъ главнымъ. Это, конечно, совершенно вѣрно. Но мнѣ кажется ошибкою со стороны тов. Мартынова, что онъ не пересмотрѣлъ всѣ тезисы программы и не отмѣтилъ, какъ отразилась основная ошибка программы на каждомъ изъ нихъ.

Въ Анти-Дюрингѣ Энгельсъ очень картинно рисуетъ процессъ выработки новыхъ идей и принциповъ дѣятельности на примѣрѣ военной тактики. Примѣръ не есть доказательство, но я его привожу не въ качествѣ доказательства, а какъ иллюстрацію.

„Мы прослѣдили, какъ введеніе техническихъ усовершенствованій каждый разъ почти насильно вело за собою измѣненія и даже цѣлые перевороты въ способѣ веденія войны, *часто, къ тому же противъ воли военнаго начальства.* Во франко-прусской войнѣ въ первый разъ ветрѣтились два войска, оба вооруженныя нарѣзными ружьями, заряжающимися съ казенной части, и оба придерживающіяся въ существенныхъ чертахъ одной и той же тактики, оставшейся отъ временъ старыхъ гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей. Прусаки попытались, правда, найти въ ротныхъ колоннахъ форму строя, болѣе соотвѣтствующую новому вооруженію. Но всякія попытки выставлять подъ непріятельскій ружейный огонь какія бы то ни было сомкнутыя массы войскъ были оставлены, и со стороны нѣмцевъ сраженія велись исключительно густыми стрѣлковыми цѣпями, на которыя, несмотря на сопротивленіе высшихъ чиновъ, въ началѣ сопротивлявшихся новымъ „безпорядкамъ“, сами собою обыкновенно распадались колонны, какъ только попадали подъ убійственный градъ пуль. Точно также бѣглый шагъ сталъ теперь единственно возможнымъ подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. *Солдатъ опять оказался умнѣе офицера: онъ инстинктивно нашелъ* единственную форму борьбы, возможную подъ огнемъ заряжающихся съ казенной части ружей, и успѣшно повелъ ее *вопреки упорству своихъ начальниковъ;* вліяніе геніальныхъ полководцевъ въ лучшемъ случаѣ ограничивалось лишь примѣненіемъ способа войны къ новому оружію и новымъ бойцамъ“.

„Ограниченная“ „примѣненіемъ способа войны къ бойцамъ“, роль вожаковъ все же остается не только необходимой для движенія, но и первостепенно важной.

Въ № 41 Искры Плехановъ говоритъ, что проэктъ программы Искры является такимъ, какимъ только и могъ бы быть проэктъ

Группы Осв. Труда. Но всякому читателю его сочиненій долженъ бросаться въ глаза чисто марксистскій взглядъ Плеханова на процессъ выработки идеологіи пролетаріата „самими рабочими массами, въ самомъ ходѣ ихъ движенія". „Идеологамъ остается только формулировать идеологію, теоретически обосновать ее и, исходя изъ созданной такимъ образомъ теоріи, указать лучшіе пути для достиженія цѣли и предсказать условія дальнѣйшей борьбы: Le but de toutes les sciences est savoir pour prévoir et pourvoir". Такова же цѣль и значеніе научнаго соціализма. И именно потому, что этой идеей проникнуты всѣ сочиненія Плеханова отъ перваго до самыхъ послѣднихъ, включая и комментаріи его, какъ я это уже показалъ, я ограничусь здѣсь только двумя ссылками.

„Идеи, представленія, понятія — словомъ, все міросозерцаніе людей мѣняется съ измѣненіемъ условій существованія, общественныхъ отношеній и общественнаго бытія" —такъ вырабатывается по мнѣнію Маркса „самостоятельная идеологія" класса.

Плехановъ, цитируя выше приведенныя строки Манифеста совершенно справедливо замѣчаетъ: эта теорія пропитываетъ собою весь манифестъ и составляетъ то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его *основной мыслью*".

Міросозерцаніе пролетаріата, такимъ образомъ, создается условіями его существованія; по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ становится самостоятельнымъ классомъ, его идеи слагаются въ стройную теорію.

Эта надстройка — самостоятельная идеологія отстаетъ отъ ея базиса — измѣнившихся условій существованія въ теченіе нѣкотораго періода времени. Вотъ почему пролетаріатъ нѣкоторое время находится во власти идеологіи того класса, господство котораго исторически предшествуетъ господству пролетаріата. Но послѣдній высвобождается изъ подъ этой власти.

1-го мая 1891 года въ Петербургѣ группа рабочихъ отпраздновала международный пролетарскій праздникъ. Были произнесены четыре рѣчи. Эти рѣчи были изданы заграницей и въ предисловіи къ нимъ Плехановъ писалъ: „Въ наиболѣе развитыхъ кружкахъ русскихъ рабочихъ, въ этомъ авангардѣ русскаго революціоннаго пролетаріата, сознаніе соціально-политическихъ задачъ рабочаго класса теперь уже приняло настолько опредѣленныя формы, что нашему брату революціонеру - „интеллигенту" остается лишь принять ихъ къ свѣдѣнію и руководству, навсегда прекративъ свои многолѣтнія исканія самой лучшей изъ всѣхъ возможныхъ программъ.... Это значитъ, что рабочіе опередили буржуазію и что всѣ дѣйствительно передовые люди должны стать подъ знамя рабочихъ".

Рабочая Мысль не шла далѣе въ суженіи роли, отводилой „нашему брату революціонеру-интеллигенту", можетъ быть, по той причинѣ, что дальше некуда.

Теперь, черезъ 12 лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, нашъ братъ революціонеръ - „интеллигентъ" могъ бы сказать Плеханову: „Мы готовы принять къ свѣдѣнію и руко-

водству идеи авангарда русскаго революціоннаго пролетаріата, но позвольте намъ пока не прекращать наши многолѣтнія исканія"! Въ отвѣтъ на это нашъ братъ съ удивленіемъ слышитъ, что программа группы Осв. Труда только и могла быть такою, какъ программа автора „Что дѣлать", который полагаетъ, что нашъ братъ революціонеръ - интеллигентъ (теперь уже безъ ковычекъ) не только „выработаетъ теоретическое ученіе соціалдемократіи совершенно независимо отъ стихійнаго рабочаго движенія", но и самое это движеніе онъ долженъ совлечь съ его ложнаго пути.

На международный соціалистическій съѣздъ въ 1891 году была представлена брошюра редакціи Соц.-Демократа, гдѣ между прочимъ говорилось: (цит. изъ Американской газеты „Прогрессъ", № 7):

„Излишне было бы отстаивать передъ вами, представителями революціоннаго пролетаріата, революціонную роль выпавшую на долю современнаго пролетаріата въ исторіи. Излишне также доказывать, что тамъ, гдѣ нѣтъ пролетаріата не можетъ быть соціалистическаго движенія достойнаго этого имени. Вы всѣ слишкомъ хорошо знаете, что *современный соціализмъ есть ничто иное — говоря словами Энгельса — „какъ теоретическое выраженіе движенія пролетаріата*".

Ничто иное! Соціализмъ есть только теоретическое выраженіе движенія пролетаріата! И такъ „движеніе пролетаріата" является соціалистическимъ. Въ какую нибудь опредѣленную эпоху, „движеніе пролетаріата" можетъ, конечно, еще не выставлять соціалистическихъ требованій; опредѣленныя формы „движенія пролетаріата" „сами-по-себѣ" могутъ, кончено, не быть соціалистическими, но по тѣмъ *тенденціямъ*, которыя проявляетъ развитіе „движенія пролетаріата"; но по тѣмъ идеаламъ, которые *неизбѣжно* рано и поздно *будутъ выставлены* пролетаріатомъ; по тому *значенію*, которое имѣютъ отдѣльные акты классовой борьбы пролетаріата оно является соціалистическимъ, оно стихійно развивается въ сторону соціализма и соціалдемократія только сознательно избираетъ своею цѣлью то, что явится неизбѣжнымъ исходомъ первоначально безсознательнаго „движенія пролетаріата".

Соціалдемократіи не зачѣмъ „*совлекать*" пролетаріатъ съ его пути, она можетъ и должна только ускорять его движеніе. Соц.-демократіи нечего бояться *этой* стихіи—это наша родная стихія. Мы — „поджигатели" и развѣ намъ страшно „благотворное, очищающее пламя"! Мы — „буревѣстники" и развѣ намъ бояться бури! Мы — „волны"; мы дѣти „стихіи сѣдой"! Пожаромъ зовемъ мы возстанье. Бурей зовемъ мы революцію. Бушующимъ моремъ — народное движеніе.

Въ своей объяснительной запискѣ къ программѣ Плехановъ говоритъ:

„Заботливо и не безъ ‚ортодоксальнаго' умысла оттѣнили мы въ нашемъ проектѣ роль соціалдемократіи, какъ передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя".

Далѣе Плехановъ показываетъ, какъ именно авторы программы

оттѣнили эту роль. Не заключая въ кавычки слова комментарія' онъ однако на стр. 30-й приводитъ почти буквально текстъ проэкта и у читателя получается иллюзія, что все то, что говоритъ здѣсь Плехановъ, дѣйствительно имѣется въ программѣ. Но въ программѣ нѣтъ самаго главнаго изъ того, что говоритъ Плехановъ, онъ и въ этомъ случаѣ цитируя исправляетъ одно слово и вставляетъ нѣсколько отъ себя и потомъ разражается филиппикой противъ „критической" „смуты", которая будто бы:

Напустила густого туману, благодаря которому русскіе соціалдемократы ‚экономическаго' направленія воображали, будто обязанность соц.-демократіи состоитъ не въ томъ, чтобы безустанно и какъ можно скорѣе двигать впередъ классовое сознаніе пролетаріата, а единственно въ томъ, чтобы выражать то, что уже создано безъ какой бы то ни было помощи со стороны революціонной бациллы.

Все это одинъ только „туманъ"! Никогда русскіе соціалдемократы ни „экономическаго", ни какого бы то ни было иного направленія „смуты" не воображали того, что имъ приписываетъ Плехановъ; даже тогда, когда говорилось, что роль интеллигенціи —„выражать то, что уже создано"—даже тогда это признавалось нужнымъ именно съ цѣлью „безустанно и какъ можно скорѣе двигать впередъ самосознаніе пролетаріата". Туманъ же понадобился Плеханову для того, чтобы подъ видомъ передачи мысли программы высказать совершенно иную мысль, рѣзко расходящуюся съ программою, но за то совершенно правильную.

Плехановъ передаетъ мысль программы слѣдующимъ образомъ.

Она (соціалдемократія) организуетъ рабочій классъ въ самостоятельную партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ этихъ послѣднихъ съ интересами эксплуатируемыхъ и вообще всѣми зависящими отъ нея средствами старается *ускорить* (курс. Плеханова) развитіе классового самосознанія пролетаріата и выяснить ему необходимость и характеръ предстоящей соціальной революціи.

Въ общемъ, эта цитата отличается отъ текста программы не больше, чѣмъ переводъ отличается отъ подлинника, но только слова „и вообще всѣми зависящими отъ нея средствами старается ускорить развитіе классового самосознанія пролетаріата" вставлены отъ себя Плехановымъ.

Плехановъ пишетъ во всей этой цитатѣ только одно слово курсивомъ: *ускорить*; очевидно, онъ совершенно справедливо придаетъ ему особенное значеніе. Но этого то слова какъ разъ и нѣтъ въ программѣ и не могло быть. Потому что тотъ, кто говоритъ, что соціалдемократія ускоряетъ развитіе самосознанія пролотаріата очевидно выражаетъ діаметрально противоположную мысль, чѣмъ тотъ, кто находитъ нужнымъ принести пролетаріату соціалистическое сознаніе „извнѣ", кто считаетъ, что „своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе тредъюнионистское". При такихъ условіяхъ естественно, что Плехановъ хочетъ „ускорять" развитіе самосознанія пролетаріата, а Ленинъ хочетъ „совлечь" пролетаріатъ съ его пути. Оба они

правы съ ихъ точекъ зрѣнія. Только эти точки зрѣнія полярны.

Я вовсе не настаивалъ--какъ это мнѣ приписалъ тов. Плехановъ, чтобы онъ развелся съ маршаломъ Ленинымъ. Но только пусть онъ предварительно открыто разведется со старымъ Плехановымъ, авторомъ приведенныхъ цитатъ. Иначе нельзя!

Но безъ *услугъ* сознанья мы не можемъ обойтись. „Пролетаріатъ долженъ прійти къ познанью самого себя" (Адлеръ); пролетаріатъ долженъ „породить систему соціализма" (Энгельсъ), теорію соціализма, которая будетъ „ничто иное какъ выраженіе движенія пролетаріата"; *сознательность* въ движеніи пролетаріата является *необходимымъ предварительнымъ условіемъ* соціальной революціи и это необходимо отмѣтить въ нашей программѣ. До тѣхъ поръ, пока одни только „профессіональные революціонеры" будутъ сознательно относиться къ борьбѣ, до тѣхъ поръ будутъ повторяться печальныя событія 1848-го года.

„Движеніе существовало, -- говоритъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Классовой Борьбѣ" (стр. 9 рус. пер.), — инстинктивное, самопроизвольное, неподавимое. Именно это движеніе заставляло вѣрить въ неизбѣжный успѣхъ революціи, которая, хотя и произойдетъ подъ руководствомъ меньшинства, но на этотъ разъ въ самомъ дѣйствительномъ интересѣ меньшинства. Если во всѣхъ болѣе или менѣе продолжительныхъ революціонныхъ періодахъ широкія народныя массы такъ легко поддавались на одни только заманчивыя обѣщанія передового меньшинства, то отчего же имъ оказаться менѣе доступными для идей, которыя являлись точнѣйшимъ отраженіемъ ихъ экономическаго положенія, которыя были ничѣмъ инымъ, какъ яснымъ, сознательнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ, еще не сознанныхъ, а только лишь неясно ощущаемыхъ потребностей? Правда, это революціонное настроеніе массъ почти всегда — и въ большинствѣ случаевъ очень скоро—смѣнялось утомленіемъ или даже реакціоннымъ настроеніемъ, какъ только исчезали иллюзіи и наступало разочарованіе. Но вѣдь здѣсь дѣло шло не объ обѣщаніяхъ, а объ удовлетвореніи самыхъ кровныхъ интересовъ огромнаго большинства. Правда, этому большинству далеко еще было до яснаго сознанія своихъ собственныхъ интересовъ, но ихъ практическое удовлетвореніе, наглядная дѣйствительность вѣдь должны были очень скоро открыть ему глаза. Возможно ли было тогда сомнѣніе въ томъ, что революція меньшинства превратится и въ революцію большинства? Исторія не оправдала нашихъ ожиданій и ожиданій всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляли наши взгляды".

Матеріальныя и духовныя предпосылки соціализма не были налицо.

1. „Экономическое развитіе континента далеко еще не созрѣло для устраненія капиталистическаго производства" (ib. стр. 10).

2. „Рабочая масса не имѣла передъ собою никакого опредѣленнаго плана дѣйствій" (ib стр. 9). движеніе пролетаріата было „инстинктивное, самопроизвольное, неподавимое", но ему не хватало сознательности, и оно оказалось безрезультатнымъ. Эти то условія побѣды пролетаріата, которыхъ не хватало революціи 48 года и которыя оказались необходимыми, мы и должны отмѣ-

тить въ томъ пунктѣ программы, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Поэтому я предлагалъ его редактировать такъ:

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, создаются матеріальныя и духовныя условія для соціальной революціи и установленія новыхъ формъ коллективнаго производства — усовершенствованія техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, создаютъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ; пролетаріатъ приходитъ къ сознанію, что онъ долженъ содѣйствовать естественному развитію общества и ускорить наступленіе соціалистическаго строя.

2. Теорія обнищанія.

Въ объяснительной замѣткѣ къ программѣ Плехановъ говоритъ:

„Самымъ важнымъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ“ („нашихъ дней, такъ сильно волнующихъ соціалдемократовъ всего міра“), „вокругъ котораго расположились всѣ остальные, былъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, увеличивается или уменьшается общественное неравенство—т. е. экономическое разстояніе между классами, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе капиталистическаго общества. Идеологамъ буржуазіи очень хотѣлось доказать, что оно уменьшается... Теоретики соціализма обнаружили... что разстояніе... постоянно увеличивается. И само собою разумѣется, что авторы предлагаемаго проэкта сочли своею обязанностью выставить въ надлежащемъ освѣщеніи этотъ важный результатъ спора, вполнѣ подтверждающій правильность марксовой теоріи.“

Споръ такой, дѣйствительно, происходилъ между теоретиками соціализма и буржуазіи. Но вѣдь онъ начался—какъ это показалъ самъ Плехановъ въ № 2-3 Зари—еще со времени Кэри и Бастья и развѣ теоретики соціализма только теперь пришли къ своимъ выводамъ, что составители русскаго текста программы международной соціалдемократіи сочли своею особою обязанностью выставить результатъ этого спора? Результаты *этого* полувѣкового спора уже были выражены во всѣхъ программахъ соціалдемократовъ. И, казалось бы, намъ достаточно изложить ихъ такъ, какъ это сдѣлали другія программы. Но дѣло въ томъ, что другія программы сдѣлали это не одинаково, и именно потому, что разногласія были также въ рядахъ самихъ соціалдемократовъ.

Плехановъ не отмѣтилъ, что подъ вліяніемъ литературной полемики, поднятой по этому вопросу, нашею соціалдемократическою печатью „жгучіе вопросы“ и между ними вопросъ о „теорія обнищанія“ получили и получаютъ неодинаковое рѣшеніе и въ средѣ соціалистовъ. Результатъ именно *этого* спора дол-

женъ былъ бы наложить отпечатокъ на русскую формулировку несомнѣнной для всѣхъ соціалдемократовъ истины, что антагонизмъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи растетъ. Но этого нѣтъ ни въ проэктѣ ни въ комментаріяхъ.

Споръ этотъ изъ литературы былъ перенесенъ на Вѣнскій съѣздъ Австрійской соціалдемократической партіи (XII 1901), гдѣ обсуждался проэктъ новой программы.

Въ старой Гайнфельдской программѣ 1886 г. по этому вопросу было сказано слѣдующее.

„Частное владѣніе средствъ производства... знаменуетъ, растущую нищету народныхъ массъ, растущее обѣднѣніе все болѣе широкихъ слоевъ народа“.

Въ новой программѣ это мѣсто замѣнено слѣдующимъ:

„Растетъ степень эксплуатаціи и ...жизненый уровень все болѣе широкихъ слоевъ трудящагося народа все болѣе находится въ противорѣчіи съ быстро растущей производительной силой его собственнаго труда и съ возрастаніемъ имъ самимъ созданнаго богатства“.

Такимъ образомъ, вмѣсто абсолютнаго ухудшенія положенія рабочаго класса въ новой австрійской программѣ указано на относительное ухудшеніе, на ростъ противорѣчія между тѣмъ, что получаетъ пролетаріатъ и тѣмъ, что онъ можетъ и долженъ получать.

Въ уставѣ Интернаціонала 64 г. было сказано:

„Экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ: нищеты, умтственнаго отупѣнія и политической зависимости“.

Готская программа гласила (75 г.):

„Въ современномъ обществѣ средства производства монополизированы классомъ капиталистовъ; вытекающая отсюда зависимость рабочаго класса является причиною бѣдности и порабощенія во всѣхъ ея видахъ“.

Въ Эрфуртской программѣ, выработанной позже Гайнфельдской, въ 91 г., говорится:

„Для пролетаріата и приходящихъ въ упадокъ среднихъ слоевъ этотъ переходъ“ (средствъ производства въ руки капиталистовъ) „равносиленъ возрастанію необезпеченности существованія, нищеты, гнета, порабощенія униженія и эксплуатаціи“.

Такимъ образомъ, старая австрійская программа была въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣми программами и тѣмъ болѣе значенія имѣетъ измѣненіе, внесенное въ програму въ Вѣнѣ и тѣмъ болѣе необходимо, чтобы русскій текстъ опредѣленно выразилъ бы тенденціи либо Вѣнской программы либо Гайнфельдской. Но этого не дѣлаетъ проэктъ Искры.

Если скомбинировать всѣ относящіяся къ этому вопросу положенія, разбросанныя, какъ уже было сказано, въ проэктѣ Искры въ трехъ пунктахъ, то получится слѣдующій текстъ.

„Увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи. Кризисы... еще больше увеличиваютъ

зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса. Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Такимъ образомъ на „жгучій вопросъ нашихъ дней“ мы не находимъ никакого опредѣленнаго отвѣта въ программѣ, принятой съѣздомъ.

Вотъ почему тов. Плехановъ не правъ, говоря, что авторы проэкта „выставили въ надлежащемъ освѣщеніи важный результатъ этого спора“. Вопросъ не освѣщенъ, а затемненъ, и въ такомъ изложеніи не можетъ никого удовлетворить.

Вотъ что говоритъ по этому поводу „ортодоксъ“ Рязановъ.

„Если вы убѣждены, что положеніе рабочаго класса ухудшается, говорите просто и ясно, не заикаясь: оно *ухудшается*“ (курсивъ Ряз.) „Мысль... должна быть выражена ясно и опредѣленно, а этого нельзя сказать о предлагаемомъ проэктѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ объ увеличеніи зависимости наемнаго труда отъ капитала и повышеніи уровня его эксплуатаціи, въ другомъ объ относительномъ *или даже* (курс. Ряз.) абсолютномъ ухудшеніи положенія рабочаго класса“.

Товарищъ Рязановъ полагаетъ, что „слѣдовало бы подчеркнуть, что положеніе рабочаго класса не можетъ *улучшаться* (курс. Ряз.) при сохраненіи капитализма“ (стр. 80)

Я, наоборотъ, полагаю, что слѣдуетъ отмѣтить, что положеніе рабочаго класса *можетъ* улучшиться *еще* и при капитализмѣ. Но мы оба недовольны формулировкой проэкта: „для чего въ программѣ шатанья? Для чего эта робость? „*Или* даже“!“

Между тѣмъ „результатъ спора“ имѣетъ не только большой теоретическій интересъ, но также опредѣляетъ основной характеръ нашей агитаціонной дѣятельности. Вотъ какъ выразилъ это въ наглядной формѣ составитель новой австрійской программы тов. Адлеръ:

„Я агитаторъ и говорилъ въ сотняхъ собраній. И я не говорилъ слушателямъ: вамъ, что ни день, хуже живется; добрыя времена прошли! Этотъ филистерскій вопль о плохихъ временахъ я предоставляю другимъ. Я бунтовалъ вотъ какъ: смотрите-ка, что на свѣтѣ дѣлается! Какъ богатство то выросло, которое вы создали. А вамъ, смотрите-ка, что даютъ: въ лучшемъ случаѣ крохи, чтобы Вамъ чуточку лучше жилось; и сравненія нѣтъ никакого съ тѣмъ, что вы могли бы получить... А къ этому я прибавляю: если вамъ все же немножко лучше живется, то это потому, что вы организованы, что вы соціалдемократы!“

И такъ, для Адлера рѣшеніемъ вопроса о томъ, происходитъ ли абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса, опредѣляется рѣшеніе другого вопроса: „*какъ бунтовать*“? Вотъ почему тов. Плехановъ былъ правъ, сказавъ, что этотъ вопросъ является цен-

тромъ, во кругъ котораго расположены всѣ остальные; вотъ почему составители проэкта были правы, если „считали своею обязанностью выставить... результатъ спора“ и вотъ почему они не выполнили своей обязанности, выставивъ не „въ надлежащемъ освѣщеніи этотъ важный результатъ“.

Чтобы охарактеризовать противоположный Адлеру взглядъ на „теорію обнищанія“ и на вопросъ „какъ бунтовать“, я приведу мнѣніе анархическаго журнала Les Temps Nouveaux (№ 13, 1901).

„Стачка не приноситъ — почти всѣ согласны на этотъ счетъ — никакой матерьяльной выгоды. Можно ли назвать выгодой ничтожное увеличеніе заработка, который тотчасъ же, какъ увеличится, снова падаетъ или уравновѣшивается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ безработицы. Съ точки зрѣнія революціонныхъ соціалистовъ все достоинство стачки заключается въ ея воспитательномъ значеніи. Если стачка есть дѣйствительное средство эмансипаціи, то это не потому, что она можетъ заставить хозяина сдаться.., но потому, что стачка является для рабочаго поводомъ сознать свое экономическое положеніе и въ то же время свои обязанности и права труженика; поводомъ чувствовать себя именно какъ рабочій и поскольку онъ рабочій, силою самостоятельною...; поводомъ проявить свою инииціативу и свои организаторскія способности, свой общественный инстинктъ и чувство взаимопомощи“.

Авторъ этой статьи, очевидно, будетъ совсѣмъ не такъ „бунтовать“, какъ это дѣлаетъ Адлеръ. И мнѣніе Les Temps Nouveaux вовсе не является специфически анархическимъ. Когда Мильеранъ внесъ законопроэктъ о стачкахъ во французскій парламентъ, соціалистическая печать всѣхъ странъ горячо обсуждала этотъ проэктъ, причемъ указывалось, между прочимъ, какъ на большой вредъ, что проэктъ закона устанавливаетъ длинный промежутокъ времени между моментомъ объявленія стачки и моментомъ ея начала. Vorwaerts писалъ по этому поводу (16 XII 01).

„Тѣ, кто еще стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что стачки имѣютъ единственною цѣлью агитацію, тѣ будутъ сожалѣть объ этой потерѣ времени. Но опытъ экономической борьбы показываетъ намъ, что стачки неподготовленныя, вызванныя энтузіазмомъ, кончаются неудачей. Свобода стачекъ уже и теперь ограничена во всѣхъ большихъ синдикатахъ стачечнымъ регламентомъ“.

У насъ въ Россіи также различно смотрятъ на значеніе экономической борьбы вообще и стачекъ въ частности, и различіе этихъ взлгядовъ имѣетъ огромное вліяніе на нашу тактику.

Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что *рабочая* партія должна взять на себя руководство борьбою рабочихъ за *всѣ* ихъ интересы и тѣмъ болѣе должна это сдѣлать *соц.-демократическая* рабочая партія. Поэтому для меня всякая побѣда въ экономической борьбѣ рабочихъ *кромѣ* огромнаго агитаціоннаго, воспитательнаго значенія имѣетъ еще и самостоятельный, самодовлѣющій интересъ; имѣетъ значеніе *уже и* потому, что рабочіе станутъ получать лишнюю „копѣйку на рубль“ и что „машину будутъ пускать по свистку, не больно торопиться“.

Я думаю, что только при такомъ отношеніи къ „чисто рабо-

чей“ борьбѣ мы будемъ рабочей партіей, а не партіей, опирающейся на рабочихъ. Соціалдемократы отличаются отъ тредьуньонистовъ вовсе не тѣмъ, что придаютъ меньшее значеніе непосредственнымъ завоеваніямъ рабочихъ. Соціалдемократы въ такой же мѣрѣ какъ и тредьуньонисты стремятся завоевать для рабочихъ въ капиталистическомъ строѣ максимумъ того, что можетъ имъ дать этотъ строй и они лучше умѣютъ осуществить эти стремленія. Но сверхъ этого, они хотятъ еще того, чего не хотятъ тредьуньонисты: именно—уничтожить самый капиталистическій строй. Лишь поэтому тредьуньонистическая организація рабочихъ не только недостаточна, но и излишня при существованіи соціалдемократической Партіи.

Тов. Рязановъ смотритъ иначе; онъ недоволенъ, что:

авторъ ‚Рабочаго Дѣла въ Россіи‘, какъ типичный экономистъ... рѣшительно не понимаетъ, какъ можетъ ‚стоять за экономическую борьбу человѣкъ, по мнѣнію котораго она не можетъ дать никакихъ ‚осязательныхъ‘ результатовъ, кромѣ воспитательныхъ. (стр. 143).

Тов. Рязановъ не противъ экономической борьбы, но каждымъ ея актомъ онъ хотѣлъ бы пользоваться *единственно* въ педагогическихъ, воспитательныхъ цѣляхъ.

И нѣтъ, и не можетъ быть такой „мелкой“ нужды, такого „мелкаго“ требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціалдемократія, не измѣняя своему знамени. Нѣтъ такого „чисто экономическаго“ требованія, — пусть это будетъ даже требованіе прибавки „копѣйки на рубль,“ — которое нельзя было бы поставить въ связь съ общими политическими условіями, которымъ нельзя было бы воспользоваться для пробужденія въ рабочей массѣ политическаго и классового сознанія. (стр. 144).

Очевидно, я и тов. Рязановъ бдуемъ совершенно различно руководить стачками. И мнѣ, и тов. Рязанову одинаково желательно, чтобы программа формулировала, какой тактики находитъ нужнымъ держаться партія, а это зависитъ отъ того, какого взгляда держится партія на возможность улучшенія положенія рабочаго класса въ его цѣломъ еще при капиталистическомъ строѣ.

Поэтому то мы одинаково, я и тов. Разянонъ, недовольны разбираемымъ текстомъ проэкта Искры. Неопредѣленность формулировки проэкта вытекаетъ изъ того, что составители его, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Плехановъ, стоитъ на точкѣ зрѣнія „теоріи обнищанія“, которая не можетъ быть принята.

Въ своей статьѣ во 2-3 номерѣ Зари Плехановъ доказываетъ, что абсолютное ухудшеніе положенія рабочихъ наблюдается; онъ ссылется на книгу анархиста Пеллютье и изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ былъ выработанъ проэктъ программы, Плехановъ высказывается за Лассалевскій „желѣзный законъ“ заработной платы. Въ брошюрѣ Лафарга и Геда „Чего хотятъ соціалдемократы“ (Изд. Лиги Р. Р. С.-Д., 1902 г.) на стр. 11 сказано, что слѣдствіемъ развитія капитализма является:

съ одной стороны накопленіе продуктовъ въ рукахъ... капиталистовъ, а съ другой—нищета производителей-несобственниковъ, *возрастающая* вмѣстѣ съ ростомъ самого производства.

На ихъ (рабочихъ) долю изъ произведенныхъ продуктовъ достается лишь количество безусловно необходимое на поддержаніе ихъ жизни и воспроизведеніе ихъ расы. Но капиталисты постоянно и неизбѣжно стремятся сократить даже эти необходимыя издержки, составляющія заработную плату.

Къ этому Плехановъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе:

Такія же точно опредѣленія „естественной цѣны труда" можно найти и у Тюрго, и у Смита, и у Сэя, и у всякаго „серьезнаго экономиста", какъ выражается Луи Брентано. Но со времени агитаціи Лассаля буржуазные экономисты поняли, что вышеприведенный законъ заработной платы долженъ являться въ глазахъ рабочихъ однимъ изъ важнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ буржуазныхъ общественныхъ отношеній. Вотъ почему въ настоящее время „серьезные экономисты" дѣлаютъ „серьезныя" усилія... не для измѣненія общественныхъ отношеній въ болѣе благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, а для новой, менѣе откровенной и рѣзкой *фомулировки* этого закона (курс. Пл.).

Естественно, послѣ этого Плехановъ не могъ въ проэктѣ программы привести „менѣе откровенную и рѣзкую формулировку закона" давно отвергнутаго теоретиками соціализма. Но съ другой стороны и теорію „нищеты... возрастающей вмѣстѣ съ ростомъ самого производства" было невозможно выставить.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Каутскій въ своемъ отвѣтѣ Бернштейну. „Въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ странахъ болѣе невозможно признать общій ростъ физической бѣдности" (абсолютное ухудшеніе В. А.) „напротивъ, все показываетъ, что физическая бѣдность уменьшается. Рабочій классъ живетъ теперь лучше чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ. Непрерывно растетъ не физическая бѣдность (не абсолютное ухудшеніе. В. А.), но соціальная бѣдность" (относительное ухудшеніе. В. А.) т. е. противоположность между потребностями, зависящими отъ уровня культуры, и средствами, которыя имѣетъ рабочій, чтобы ихъ удовлетворить: однимъ словомъ *количество* (курсивъ К.) продуктовъ приходящихся каждому рабочему можетъ расти но *часть* (курсивъ К.) производимыхъ продуктовъ приходящаяся рабочему уменьшается".

Точно также и Бебель возмущается въ своей рѣчи на Ганноверскомъ конгрессѣ (Изд. Жизни, стр. 42 и 44) Бернштейномъ за то, что тотъ приписываетъ Марксу признаніе „абсолютнаго обнищанія", и утверждаетъ, что соціалдемократія признаетъ за фактъ только относительное ухудшеніе положенія пролетаріата, ростъ контраста между его нуждой и роскошью эксплуататоровъ. Онъ говоритъ:

Конечно, положеніе большей части рабочихъ, если его разсматривать съ абсолютной точки зрѣнія, улучшилось, поднялось; но улучшилось ли оно и *относительно*, по сравненію съ положеніемъ господствующихъ классовъ?

Если бы Марксъ считалъ правильной теорію обнищанія въ смыслѣ Бернштейна, это было бы колоссальное противорѣчіе, которое можно было бы ему доказать. Если бы теорія обнищанія была вѣрна, то Марксъ не могъ бы полемизировать противъ желѣзнаго закона заработной платы.

Насколько сильно идутъ въ разрѣзъ взгляды Плеханова на этотъ вопросъ съ самыми основными принципами тактики международной соціалдемократіи, еще болѣе наглядно показываетъ другое его примѣчаніе въ той же книжкѣ. Гедъ высказываетъ на стр. 16 совершенно отсталый взгядъ, будто бы „профессіональное и всякое другое образованіе“... „только увеличиваетъ количество“ изготовляющихся „продуктовъ въ ущербъ интересамъ производителей, обреченныхъ на новую безработицу“. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ старому, давно всѣми оставленному взгляду, будто бы въ мірѣ все идетъ чѣмъ дальше тѣмъ хуже и что только временная диктатура какой нибудь революціонной организаціи можетъ совратить міръ съ его гибельнаго пути. Изъ такого взгляда вытекаетъ, что въ современномъ обществѣ никакая созидательная работа невозможна и въ частнести культурная дѣятельнесть безполезна и даже вредна, потому что отвлекаетъ силы отъ разрушительной дѣятельности. Плехановъ, чтобы ослабить этотъ выводъ, по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее:

Изъ этого не нужно, однако, заключать, что соціалдемократы высказываются *противъ* профессіональнаго и общаго образованія народа. Они только говорятъ, что общее образованіе *не улучшитъ*, а профессіональное *ухудшитъ* матеріальное положеніе рабочаго класса. Но если таково *непосредственное* экономическое вліяніе образованія, то *посредственное*, историческое вліяніе его, напротивъ, въ высшей степени полезно для рабочаго класса. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе будетъ пролетаріатъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ борьба его съ буржуазіей. (Курсивъ въ этой цитатѣ вездѣ Плеханова).

Такимъ образомъ оказывается, что соціалдемократы должны *терпѣть* распространеніе образованія, какъ терпятъ они введеніе машины, несмотря на вредное непосредственное вліяніе того и другого!! Это сравненіе дѣлаетъ самъ Плехановъ ниже въ томъ же примѣчаніи.

Подобно тому, какъ въ „теоріи наполненія“ взгляды Плеханова діаметрально противоположны взглядамъ Ленина, такъ точно въ „теоріи обнищанія“ убѣжденія его діаметрально противоположны убѣжденіямъ, напр. Адлера; называю его только, какъ наиболѣе типичнаго и цѣльнаго представителя друго теченія. И если выборъ той или иной позиціи относительно „теоріи наполненія“ самымъ радикальнымъ образомъ мѣняетъ взглядъ на роль и значеніе революціонной партіи по отношенію къ пролетаріату, то такое или иное отношеніе къ „теоріи обнищанія“ также измѣняетъ на 180 градусовъ направленіе дѣятельности партіи рѣшительно во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ руководства повседневною борьбою рабочихъ за „копѣйку на рубль“ и кончая ея политическими задачами на „улицѣ“ и въ парламентѣ. Вотъ почему еще разъ и еще разъ и тысячу разъ былъ правъ Плеха-

новъ говоря, что этотъ вопросъ есть центральный вопросъ всѣхъ споровъ.

И именно потому, что взгляды составителей программы Искры расходятся со взглядами большинства теоретиковъ международной соціалдемократіи и всей ея тактикой, программа Искры при изложеніи „теоріи обнищанія“ должна была неизбѣжно оказаться не только ошибочной, но и уклончивой.

Какъ же надо ее измѣнить?...

Товарищъ Рязановъ хотѣлъ бы это сдѣлать въ духѣ старой австрійской программы (и вмѣстѣ съ нею, всѣхъ другихъ), я же желалъ бы видѣть нашу программу формулированной въ духѣ новой австрійской программы, и предлагалъ редактировать этотъ тезисъ такъ:

„Усовершенствованія техники, дѣлая трудъ болѣе производительнымъ, обусловливаютъ ростъ общественнаго богатства но выгоды этого роста присвоиваются классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ монополизировавшихъ средства общественнаго производства; для пролетаріата же этотъ прогрессъ усиливаетъ гнетущую зависимость отъ класса капиталистовъ повышаетъ уровень эксплуатаціи, увеличиваетъ разстояніе между эксплуататорами и эксплуатируемыми, несоотвѣтствіе между растущими потребностями и ихъ удовлетвореніемъ, между тѣмъ, что создаетъ пролетаріатъ и тѣмъ, что онъ получаетъ“.

3. Диктатура пролетаріата.

Соціалдемократія имѣетъ своею цѣлью уничтоженіе основъ существующаго строя, частной собственности путемъ экспропріаціи всѣхъ средствъ производства и передачи ихъ въ распоряженіе всего общества.

Уже это распоряженіе предполагаетъ существованіе органа, который бы представлялъ общество въ его цѣломъ и обезпечивалъ бы съ одной стороны права отдѣльныхъ его членовъ съ другой стороны выполненіе ими ихъ обязанностей по отношенію къ обществу.

Для того чтобы этотъ органъ могъ выполнить свою важную функцію онъ долженъ обладать силой совершенно исключительной, властью. Переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому мы разсматриваемъ „какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время и тяжелая борьба можетъ растянуться на цѣлые десятки лѣтъ“. *) Прежде чѣмъ ее начать надо овладѣть властью. Актъ перехода политической власти отъ класса руководящагося буржуазными идеалами къ классу руководящемуся соціалистическими идеалами будетъ соціальной революціей пролетаріата. **)

---

*) Каутски. „Соц. Рев.“. Изд. Лиги Р. Р. С.-Д., стр. 96.

**) „Это всѣми употребляемое слово -- говоритъ Каутскій о со-

Актъ перехода политической власти къ пролетаріату будетъ дѣломъ созданія опредѣленной формы властвованія,—опредѣленной организаціи власти.

Проэктъ программы Искры говоритъ, что пролетаріату необходимо завоевать политическую власть. Эта мысль строго соотвѣтствуетъ одному изъ основныхъ взглядовъ соціалдемократіи, и я ничего не имѣлъ противъ нея возразить; редакція, которую я предлагалъ для этого тезиса программы, была такова:

Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи должна необходимо принять форму борьбы политической. Рабочій классъ не можетъ успѣшно вести своей экономической борьбы и развивать свои экономическія организаціи безъ политическихъ правъ. Онъ не можетъ произвести перехода средствъ производства въ общественную собственность, не достигнувъ предварительно обладанія политическою властью.

Я нарочно формулировалъ эту мысль почти буквально словами Эрфуртской программы, чтобы избѣжать споровъ изъ за выраженій. Редакція же соотвѣтственнаго мѣста проэкта программы мнѣ казалась и кажется неточной и ошибочной. Она гласитъ:

„Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ“.

Составители проэкта употребили выраженіе „диктатура пролетаріата“, не встрѣчающееся ни въ одной изъ соціалдемократическихъ программъ и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ проэктовъ программъ.

По крайней мѣрѣ, нѣтъ его въ программахъ Готской и Эрфуртской, Гайнфельдской, Вѣнской, Гедистской, Бельгійской, Шведской Итальянской; нѣтъ и въ Уставѣ Интернаціонала, нѣтъ ни въ одномъ изъ четырехъ проэктовъ внесенныхъ на Эрфуртскій конгрессъ, ни въ двухъ проэктахъ, для Вѣнскаго партейтага; въ проэктахъ программы Группы „Освобожденіе Труда“ тоже нѣтъ слова „диктатура“.

Такимъ образомъ терминъ „диктатура“, употребленный со-

ціальной революціи (ib стр. 7) употребляется въ различномъ смыслѣ не только разными людьми, но даже однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время“. Мнѣ кажется, что это относится также и къ самому Каутскому. Я употребляю это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ которомъ Каутскій употребляетъ его на стр. 10: „политическая революція есть завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ“. Ту политическую революцію, которая произведена въ цѣляхъ „эмансипаціи соціальной“, Каутскій называетъ соціальной революціей. — Поэтому мнѣ кажется неточностью выраженій, когда впослѣдствіи онъ называетъ соціальной революціей весь тотъ періодъ, когда вооруженный властью пролетаріатъ будетъ проводить свои реформы, постепенно измѣняя весь старый общественный строй.

ставителями нашей теперешней программы является совершенно новымъ въ программахъ международной социалдемократіи, и это новшество должно было быть обосновано; составители должны показать, что терминологія всѣхъ другихъ программъ неудовлетворительна и что потому необходимо намъ русскимъ въ этомъ случаѣ отступить отъ требованія парижскаго международнаго соціалистическаго конгресса, согласно которому мы должны стараться формулировать нашу программу по возможности въ общихъ съ другими программами выраженіяхъ. Но это не было сдѣлано ни въ объяснительной запискѣ Плеханова, ни на съѣздѣ. Никто изъ делегатовъ комитетовъ не нашелъ нужнымъ спросить, зачѣмъ понадобилось это отступленіе отъ обычной терминологіи, и этотъ пунктъ программы, какъ столькіе другіе, былъ принятъ безъ всякихъ разсужденій.

Посмотримъ же, является ли по крайней мѣрѣ новый (для программъ) терминъ удачнымъ. Слово „диктатура" выражаетъ особую форму власти. Она была создана Римскимъ правомъ и характеризовалась слѣдующими признаками:

1. Диктаторъ былъ всегда выбраннымъ. Власть его была диктаторской только по отношенію къ народу, его выбиравшему. Такъ какъ диктаторъ былъ избираемъ, то власть его была неотчуждаема. Если предположить, что пролетаріатъ, какъ коллективное цѣлое, станетъ обладать абсолютною властью, то это будетъ не по волѣ, а противъ воли всѣхъ тѣхъ, на кого будетъ простираться его власть. Такую власть можно назвать самодержавіемъ, деспотіей или тираніей, но только не диктатурой, если употреблять слова не за ихъ благозвучность, а по ихъ значенію.

Но кромѣ того пролетаріатъ, какъ единое цѣлое, не можетъ быть носителемъ власти. Поэтому когда говорятъ о власти пролетаріата, имѣютъ въ виду уполномоченныхъ на то пролетаріатомъ лицъ. Предположимъ, что пролетаріатъ изберетъ совѣтъ своихъ излюбленныхъ людей изъ десяти, ста или тысячи лицъ и передастъ ему абсолютную власть, „которая позволила бы ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ — rei opprimendi omnem resistentiam exploatatorum causa — согласно знаменитой формулѣ провозглашенія диктатора. Такая власть могла бы быть названа диктатурой; но кого и надъ кѣмъ? Это была бы диктатура революціоннаго правительства надъ пролетаріатомъ, правда, ради спасенія его отъ эксплуататоровъ. Желалъ ли этого нашъ съѣздъ, принявшій проэктъ Искры? Я думаю, что онъ этого не желалъ, и потому считаю несознательнымъ принятіе съѣздомъ этого пункта проэкта. Но я думаю кромѣ того, что составители проэкта именно въ этомъ смыслѣ понимали диктатуру, и потому я хотѣлъ и хочу бороться противъ бланкизма въ нашей Партіи.

2. Вторымъ признакомъ диктаторской власти являлось то, что диктаторъ не былъ ничѣмъ ограниченъ въ проявленіяхъ своей власти, единственно только интересами дѣла. Нужно ли, чтобы пролетаріатъ сталъ Суллою современнаго общества? Я думаю, что это не нужно, и что этого не будетъ.

Если мы считаемъ реакціоннымъ самодержавіе, лишающее насъ свободы слова, печати, собраній, организаціи и участія во власти, то развѣ только потому, что мы при этомъ являемся страдательными лицами? Развѣ мы допускаемъ возможнымъ и нужнымъ, чтобы пролетаріатъ, низвергнувъ деспотизмъ, самъ сталъ „просвѣщеннымъ деспотомъ" и ради спасенія человѣчества хотя бы на время отнялъ бы у народа его свободы? Это не такъ. Мы не ищемъ для пролетаріата „такой" власти. Власть, которой добивается пролетаріатъ, будетъ ограничена правами, которыя онъ признаетъ ненарушимыми. Пролетаріатъ будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности не только пользами и нуждами дѣла, но и своими взглядами на права личности. Такъ не поступаетъ диктаторъ.

Международное Товарищество Рабочихъ заявляло прежде всего: „Всѣ примыкающія къ нему общества и отдѣльныя личности принимаютъ истину, справедливость, нравственность за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ... Въ этомъ духѣ выработанъ Уставъ." (См. Уставъ М. Т. Р.).

„Для осуществленія свой программы Партія будетъ пользоваться всѣми цѣлесообразными и соотвѣтсвующими естественному правовому сознанію народа средствами" — говоритъ Вѣнская программа.

Такъ ограничивала себя сама международная соціалдемократія въ свей первой и въ своей послѣдней до сего дня программѣ. Такъ ограничитъ она и свое будущее революціонное правительство и потому она не вручитъ ему диктаторской власти.

Раньше я отмѣтилъ, что терминъ „диктатура" пролетріата *(для программы)* новый и что нововеденіе это необосновано.

Далѣе я сказалъ, что этотъ терминъ неудаченъ, потому что онъ выражаетъ или неосуществимую мысль — непосредственнаго властвованія цѣлаго класса надъ другимъ или чуждую соціалдемократамъ бланкистскую мысль — передачу абсолютной, ничѣмъ не ограниченной власти, временному революціонному правительству послѣ произведенной пролетаріатомъ революціи.

Теперь я обращаюсь къ комментаріямъ Плеханова, чтобы посмотрѣть какъ онъ объясняетъ этотъ пунктъ проэкта программы.

Когда буржуазія боролась съ аристократіей она сознательно искала *политическаго* господства, понимая, что безъ него не могутъ осуществиться ея *соціальныя* стремленія; она добилась политическаго господства и позаботилась о томъ, чтобы обезопасить свой общественный порядокъ отъ всякихъ посягательствъ со стороны пролетаріата; она аппелировала къ *силѣ*. Однимъ словомъ она понимала, что *ея диктатура* составляетъ необходимое *политическое условіе ея соціальнаго освобожденія и ея господства*. А теперь объявляетъ классовую диктатуру злостнымъ измышленіемъ узкихъ „*догматиковъ*", нелѣпой выдумкой революціонныхъ „*доктричеровъ*". Всѣ сторонники *революціонной соціалдемократіи* обязаны разъяснить пролетаріату, что ему надо стремиться къ диктатурѣ, если онъ хочетъ устранить *капиталистическія* производственныя отношенія и замѣнить ихъ *соціалистическими*. (курс. Плех.).

Эти комментаріи мотивируютъ — хотя и очень слабо—только все ту же мысль, что рабочій классъ необходимо долженъ завоевать себѣ политическую власть, какъ ее нѣкогда завоевала себѣ буржуазія.

Что эта власть должна принять форму диктатуры класса, этого Плехановъ не доказываетъ и вообще употребляетъ слово „диктатура" какъ синонимъ словъ „политическая власть".

Но если бы Плехановъ всякую политическую власть называлъ диктатурой, то ему не зачѣмъ было бы употреблять это новое (для программы) слово вмѣсто выраженій общепринятыхъ. На самомъ же дѣлѣ и Плехановъ и составители нашей программы вообще совершенно справедливо отличали понятія „диктатура класса" и „политическое господство класса"; а именно, подъ диктатурою они — съ полнымъ основаніемъ — разумѣли одну изъ формъ политическаго господства, которую они и считали необходимой для соціальной революціи.

Авторы нашей программы, написавъ слово „диктатура", сами сознавали, что его значеніе остается очень неяснымъ, и потому нашли нужнымъ тутъ же въ программѣ разъяснить его. Тамъ сказано: „...диктатура пролетаріата т. е. завоеваніе пролетаріатомъ *такой* политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ". Слѣдовательно авторы полагали, что есть еще *иная* политическая власть, чѣмъ диктатура, точнѣе говоря, иныя формы власти, которыя недостаточны пролетаріату для подавленія сопротивленія. Только это и говоритъ ихъ разъясненіе, потому что остается все же неизвѣстнымъ, какая же это *такая* политическая власть? На это есть только одинъ отвѣтъ, какъ я уже сказалъ, совершенно неясный— диктатура. Слѣдовательно изъ текста программы видно только, что диктатура есть одинъ изъ видовъ власти и что именно этотъ видъ власти признается необходимымъ для пролетаріата.

Плехановъ лучше разъяснилъ, что понимаетъ онъ подъ „диктатурой", въ предисловіи къ Манифесту Коммунистической Партіи.

„диктатура всякаго даннаго класса означаетъ *господство* (курс. Плех.) этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ эти интересы" (стр. 67).

Плехановъ добавляетъ: „Это прекрасно зналъ еще Минье", но изъ приведенныхъ имъ выдержекъ видно только, что Минье считалъ „извѣстнымъ, что сила, достигая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями". Это, дѣйствительно, извѣстно. Но политическая сила, овладѣвъ учрежденіями, преобразуетъ ихъ согласно своимъ принципамъ; для насъ важенъ вопросъ, какъ преобразуетъ пролетаріатъ политическія учрежденія, когда онъ достигнетъ власти? Плехановъ полагаетъ, что онъ ихъ преобразуетъ въ форму диктатуры класса, и тутъ же замѣчаетъ: это еще Минье зналъ. Но Минье этого не говорилъ.

Приведенное мною опредѣленіе диктатуры Плеханова все-таки

не ясно; можетъ казаться, что и тутъ подъ диктатурой Плехановъ разумѣетъ всякое господство класса, и слѣдовательно всякую политическую власть. Тогда слово „диктатура" было бы просто лишнимъ, затемняющимъ ту общепринятую мысль, что пролетаріатъ долженъ завоевать себѣ политическую власть. Однако же прибавка: „господство, позволяющее распоряжаться силой для защиты и подавленія", *можетъ* имѣть тотъ смыслъ, что не всякое господство позволяетъ это дѣлать и что авторъ желаетъ для пролетаріата ту форму его, которая это позволяетъ сдѣлать, а именно диктатуру.

На слѣдующей страницѣ Плехановъ поясняетъ свою мысль, и тамъ уже видно, что первую цитату не только *можно* понять такъ, какъ я ее понялъ, но и нельзя понимать иначе.

Давая новое опредѣленіе диктатуры, Плехановъ добавляетъ: „какъ мы сказали", но при этомъ онъ говоритъ иначе, чѣмъ сказалъ раньше — яснѣе и опредѣленнѣе.

Диктатура даннаго класса есть, какъ мы сказали, господство этого класса позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для подавленія всѣхъ общественныхъ движеній прямо или косвенно угрожающихъ этимъ интересамъ.

Вмѣсто прямого или косвеннаго подавленія движеній, нарушающихъ интересы пролетаріата, теперь говорится о подавленіи движеній, *прямо или косвенно* угрожающихъ этимъ интересамъ.

Итакъ, революціонное правительство должно будетъ слѣдить за тѣми движеніми, которыя, хотя бы *косвенно*, хотя бы не нарушая непосредственно интересовъ пролетаріата, *угрожали* бы этимъ интересамъ; всѣ такія движенія должны быть подавлены.

Да, это, дѣйствительно, диктатура революціоннаго правительства, которая можетъ принести пролетаріату только одни бѣдствія. Такое правительство неизбѣжно признало бы самыми „угрожающими" тѣ движенія, которыя угрожали бы ему самому, которыя боролись бы противъ тѣхъ или иныхъ его тенденцій, а такими движеніями послѣ революціи могутъ прежде всего оказаться движенія въ средѣ самого пролетаріата. Они будутъ названы „не настоящими пролетарскими", „стихійными" и проч., и имъ будетъ противопоставленъ „просвѣщенный деспотизмъ" революціоннаго правительства.

Такой взглядъ на возможный ходъ событій вовсе не есть предположеніе. Онъ составлялъ идеалъ бланкизма и онъ былъ еще гораздо раньше проведенъ въ жизнь правительствомъ 93-го года. И Плехановъ и Ленинъ, вліяніе которыхъ, несомнѣнно, было господствующимъ при составленіи программы, въ своихъ воззрѣніяхъ вообще многое сохранили отъ бланкизма, и ихъ представленія о способахъ завоеванія пролетаріатомъ политической власти являются лишь отдѣльнымъ проявленіемъ ихъ міровоззрѣнія.— „Мы — террористы въ смыслѣ террора 93-го года!" заявилъ однажды Плехановъ на своемъ рефератѣ въ Женевѣ. Но терроръ 93-го года возвелъ на гильотину не только враговъ революціи, но и ея лучшихъ друзей: и Камилла Демулэна, и Дантона и, наконецъ, самого Робеспьера. Если бы, по крайней мѣрѣ, этой цѣною было куп-

лено торжество ихъ идей! Наоборотъ, терроръ 93-го г. не достигъ своей, цѣли и мы должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы ошибки прошлаго не повторять снова.

Но выраженіе „диктатура класса“ было введено Марксомъ. Противъ „диктатуры“ писалъ Бернштейнъ. Это дало поводъ защитникамъ проэкта нашей программы назвать бернштейніанствомъ мое нежеланіе принять ихъ формулировку политическихъ задачъ пролетаріата.

Обратимся же къ Марксу и Бернштейну.

Въ „Классовой Борьбѣ во Франціи“ Марксъ много разъ употребляетъ слово диктатура для обозначенія политическаго господства, съ одной стороны, буржуазіи, съ другой — пролетаріата. Слѣдя шагъ за шагомъ за событіями 48-51 гг., Марксъ рѣзко критикуетъ дѣятельность всѣхъ партій, въ томъ числѣ и тогдашнихъ соціалистовъ. Всѣ его симпатіи принадлежатъ только Бланки и его единомышленникамъ, которыхъ онъ называетъ въ „18-ое Брюмера“ „истинными вождями пролетарьята.“ (стр. 15) Тотъ соціализмъ, къ которому переходилъ пролетарьятъ, былъ по словамъ Маркса „революціонный соціализмъ, коммунизмъ, для котораго сама буржуазія изобрѣла названіе *бланкизма.*“ (Кл. Борьба стр. 121) „Конституціонная республика — это диктатура соединенныхъ эксплуататоровъ; красная республика — это диктатура друзей и союзниковъ. — Такъ говорили соціалисты въ памфлетахъ, въ календаряхъ, во всевозможныхъ летучихъ листкахъ и брошюрахъ“ (Клас. Борьба стр. 115), и Марксъ принимаетъ эту терминологію.

Ему не приходилось искать случая, чтобы объяснить, что онъ подразумѣваетъ подъ „диктатурою буржуазіи.“ То, что онъ такъ обозначалъ, было ужаснымъ фактомъ, который онъ описывалъ; „Отъ 25-го іюня до 10 декабря 1848 г. — диктатура чистыхъ буржуазныхъ республиканцевъ. Отъ 13-го іюля 1849 г. до 31-го мая 1850 г. диктатура партіи порядка“. (18-е Бр. стр. 103 и 104) До этихъ періодовъ, между ними и послѣ нихъ велась борьба за власть, за диктатуру между различными фракціями буржуазіи.

Посмотримъ же, что это была за власть.

Буржуазная республика въ Европѣ означаетъ неограниченное деспотическое господство одного класса надъ другимъ. (18-ое Б. 17)*)

Кавеньякъ олицетворялъ собою диктатуру буржуазіи при помощи сабли. (К. Б. 61)*)

Наступаетъ согласіе обѣихъ властей конституціонной республики (законодательной и исполнительной) тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подавленіи всѣхъ тѣхъ клаасовъ, которые возстаютъ противъ диктатуры буржуазіи. (К. Б. 117)

Не дѣлала ли партія порядка непрерывно изъ своей парламентской прерогативы противоконституціоннаго употребленія? (18-ое Б. 78)

Конституція, конечно, запрещала всякое нападеніе на свободу чужеземныхъ народовъ; но въ глазахъ министерства французская армія нападала въ Римѣ не на «свободу», а на «деспотизмъ анархіи»

---

*) 18-ое Брюмера Луи Бонапарта. Изд. Соц. дем. Библ. 1894 г.

*) Классовая Борьба во Франціи. Изд. Союза Р. С. Д. 1903 г:

Толкованіе и примѣненіе конституціи принадлежитъ тѣмъ, кто е принялъ. (К. Б. 91)

Въ основѣ конституціи лежитъ избирательное право. Отмѣна всеобщаго избирательнаго права — вотъ послѣднее слово партіи порядка. (К. Б. 125.)

Отвергая всеобщее избирательное право, въ которое она драпировалась до тѣхъ поръ, буржуазія открыто признается: наша диктатура существовала до сихъ поръ по волѣ народа, отнынѣ она будетъ упрочена противъ воли народа! (К. Б. 126.)

Бонапартъ требовалъ возстановленія всеобщаго избирательнаго права... Собраніе это отвергло. Такимъ образомъ оно еще разъ разорвало свой мандатъ, еще разъ оно подтвердило, что изъ свободно выбраннаго народнаго представительства превратилось *въ узурпаторскій парламентъ класса*, еще разъ признало, что оно само разрѣзало мышцы, соединявшія парламентскую голову съ туловищемъ націи. (18-ое Б. стр. 100.)

Партія порядка говоритъ свое послѣднее слово: «надо сломить желѣзное кольцо душащей насъ легальности» (18-ое Б. 125)

Буржуазія отомстила за перенесенный ею смертельный страхъ неслыханными жестокостями и предала избіенію 3.000 плѣнныхъ. (К. Б. 50.)

Во все продолженіе господства Учредительнаго Собранія за кулисами происходило непрерывное торжество закланія плѣнныхъ іюньскихъ инсургентовъ, которыхъ безпрерывно осуждали военнымъ судомъ или ссылали безъ суда. Учредительное Собраніе имѣло тактъ признаться, что въ іюньскихъ инсургентахъ оно не судитъ преступниковъ, а уничтожаетъ враговъ. (К. Б. 57.)

Господство буржуазіи должно было непремѣнно перейти въ терроризмъ буржуазіи и оффиціально была провозглашена диктатура буржуазіи. (К. Б. 53.)

«Конституанта соглашается съ тѣмъ, что роялистскія фракціи буржуазіи являются естественными хозяевами въ устроенной ею республикѣ, что нарушеніе конституціи есть ея осуществленіе, что провозглашенный въ революціонномъ чаду пассивный союзъ республики съ борющимися за свое освобожденіе европейскими народами, означаетъ активный союзъ съ европейской контръ-революціей. (К. Б. 83.)

Буржуазія боготворила саблю... она уничтожила революціонную прессу... она отдала народныя собранія подъ надзоръ полиціи... она распустила демократическую (мелкобуржуазную) національную гвардію... она примѣняла осадное положеніе... она замѣняла судъ присяжныхъ военными комиссіями... она ссылала безъ суда... она подавляла всякое движеніе общества государственной силой... Франція избавилась отъ классового деспотизма, повидимому, лишь для того, чтобы подпасть деспотизму индивидуума.

Это—диктатура! Это *такая* власть, которой добивается пролетаріатъ? Неужели достаточно здѣсь вмѣсто слова „буржуазія" поставить слово „пролетаріатъ", а вмѣсто „пролетаріатъ" — „буржуазія" и получится нашъ идеальный общественный строй?

Жестокое, безжалостное, безпощадное подавленіе своего побѣжденнаго противника не лишено мрачнаго величія, поэзіи. Но „соціальная революція не можетъ черпать свою поэзію изъ прошлаго, она должна ее черпать изъ будущаго" (18-ое Б. стр. 10).

„Буржуазія открыто признается: отнынѣ наша диктатура будетъ упрочена противъ воли народа!" По крайней мѣрѣ, съ это-

го момента диктатура буржуазіи превратилась въ тиранію надъ народомъ. Кто будетъ это отрицать? Но намъ говорятъ, что пролетаріатъ долженъ съ этого начать! Развѣ это нужно пролетаріату? Нѣтъ, пролетаріату нужно какъ разъ обратное.

„Всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства. Движеніе пролетаріата есть самопроизвольное движеніе большинства въ интересахъ огромнаго большинства.“ (Ком. Маниф. стр. 15). При такихъ условіяхъ форма власти, необходимая для пролетарьята является антитезой формѣ власти буржуазіи; ему нужна широко демократическая организація власти и гарантія невмѣшательства власти въ сферу индивидуальной и общественной свободы. Это то, что охватывается однимъ терминомъ — демократія.

Какъ я уже сказалъ, Марксъ пользовался терминомъ „диктатура“ для обозначенія формъ власти, какъ буржуазіи, такъ и пролетаріата. Я старался показать, какою была, съ точки зрѣнія Маркса, форма властвованія буржуазіи — диктатура буржуазіи; теперь я постараюсь выяснить, какою представлялась Марксу форма властвованія пролетаріата — диктатура пролетаріата.

Нѣсколько мѣстъ въ Классовой Борьбѣ позволяютъ думать, что Марксъ обобщалъ свой взглядъ и приписывалъ всякому побѣждающему классу то, что характеризовало торжество буржуазнаго класса. Можетъ быть Бернштейнъ правъ (horibile dictu!), полагая, что въ это время взглядъ Маркса на форму политической власти пролетаріата подъ вліяніемъ Бланки былъ инымъ, чѣмъ впослѣдствіи. Онъ говоритъ:

Когда возстаетъ классъ, въ которомъ сосредоточиваются революціонные интересы общества, онъ не ищетъ матеріала для своей революціонной дѣятельности: онъ уничтожаетъ враговъ, принимаетъ мѣры, диктуемыя потребностями борьбы, и послѣдствія его собственныхъ дѣйствій толкаютъ его дальше. Такой классъ не занимается теоретическими изслѣдованіями своихъ собственныхъ задачъ. Французскій рабочій классъ не находился въ такомъ положеніи. онъ еще не былъ способенъ осуществить свою революцію. (Кл. Б. стр. 36.)

Революціонный соціализмъ — это *непрерывность революціи*, *классовая диктатура* пролетаріата, необходимая, какъ переходная ступень къ *отмѣнѣ всякихъ классовыхъ различій*, отмѣнѣ производственныхъ отношеній, на которыхъ покоятся эти различія, къ отмѣнѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ этимъ производственнымъ отношеніямъ, къ перевороту всѣхъ идей, вытекающихъ изъ этихъ общественныхъ отношеній. (Кл Б. стр. 121)

Но указанія эти на задачи пролетаріата, когда онъ станетъ способнымъ осуществить свою революцію слишкомъ недостаточны и это объяснятся именно тѣмъ, что во время событій, которыя описываетъ Марксъ въ этой брошюрѣ, пролетаріатъ былъ слишкомъ далекъ отъ власти.

И если Марксъ имѣлъ слишкомъ достаточно поводовъ, чтобы описать власть буржуазіи, то выходило за рамки его историческаго труда описаніе формъ, долженствующихъ характеризовать власть пролетаріата; онъ это и говоритъ на страницѣ 121:

„рамки нашего изложенія не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ.“

Случай же не предопредѣлять, а описывать формы власти пролетаріата пришлось ждать Марксу долго, двадцать лѣтъ. Но этотъ случай насталъ и суровый критикъ „диктатуры буржуазіи“ могъ намъ дать и далъ описаніе „диктатуры пролетаріата.“

Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Всмотритесь въ Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетаріата,—говоритъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Гражданской Войнѣ“. Обратимся же къ замѣчательному описанію Марксомъ коммуны.

Умѣренность коммуны впродолженіе двухмѣсячнаго неоспоримаго господства ея можетъ сравниться только съ геройствомъ ея защиты.

Съ 18-го марта до вторженія версальскихъ войскъ въ Парижъ, революція пролетаріевъ была такъ чиста отъ всякихъ насилій, которыми изобилуютъ революціи и, въ особенности, контръ-революціи высшихъ классовъ, что враги ея не могли взвести на нее никакого другого обвиненія, кромѣ обвиненія въ убійствѣ генераловъ Леконта и Клемана Тома и въ стычкѣ на Вандомской площади.

Бонапартовскій офицеръ, игравшій роль въ ночной экспедиціи противъ Монмартра, генералъ Леконтъ, четыре раза отдавалъ 81-му линейному полку приказаніе стрѣлять по безоружной толпѣ на площади Pigalle; когда же солдаты отказались исполнить его приказаніе, онъ осыпалъ ихъ самыми площадными ругательствами. Вмѣсто того, чтобы разстрѣливать женщинъ и дѣтей, его собственные солдаты разстрѣляли его самого.

Они такъ и должны были сдѣлать! скажетъ каждый читатель. Леконтъ былъ, очевидно, для французовъ тѣмъ, чѣмъ для насъ является фонъ-Валь или уже убитый Богдановичъ, если бы намъ удалось сдѣлать съ ними тоже! Но Марксъ говоритъ иное.

Солдатскія привычки, привившіяся къ нимъ въ школѣ враговъ рабочихъ, само собою разумѣется, не могли исчезнуть въ нихъ въ ту же минуту, когда они перешли подъ знамя рабочихъ. Эти же люди разстрѣляли и Клемана Тома. (стр. 16)

Центральный комитетъ и парижскіе рабочіе также отвѣтственны за смерть Клемана Тома и Леконта, какъ принцесса Уэльская за раздавленныхъ въ толпѣ людей при въѣздѣ ея въ Лондонъ. (стр .17)

Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ объяснить такое несомнѣнно чрезмѣрное желаніе Маркса снять съ коммуны малѣйшій упрекъ въ жестокости? Очевидно Марксъ находилъ, что необходимо подавлять всякое движеніе, хотя бы косвенно угрожающее интересамъ пролетаріата.

Единственнымъ наказаніемъ для буржуа былъ ихъ испугъ. Даже полицейскіе не только не были обезоружены и арестованы, какъ это бы слѣдовало, но ворота Парижа широко раскрылись передъ ними для бѣгства ихъ въ Версаль. «Людей порядка» не только оставили въ покоѣ, имъ дозволили даже укрѣпиться на многихъ сильныхъ позиціяхъ въ центрѣ самого Парижа. Эта снисходительность центральнаго комитета, это великодушіе вооруженыхъ рабочихъ, такъ противорѣчащія обычаямъ «партіи порядка», было сочтено этой партіей признакомъ сознательной слабости. (стр. 18)

Гдѣ же здѣсь „*такия* власть, которяя бы позволяла“ и проч.?

Вѣдь была же *такая* власть у буржуазіи, когда она дѣлала свою революцію, когда она создала свою диктатуру? Марксъ вспоминаетъ объ этомъ времени, о 48-мъ годѣ:

Дюфоръ провелъ въ національномъ собраніи рядъ новыхъ репрессивныхъ законовъ; произвели бездну арестовъ, ссылали массами; воцарился терроръ. Низшіе классы дѣйствуютъ иначе. Центральный комитетъ 1871 года, просто на просто оставилъ безъ вниманія бѣгство героевъ «мирной демонстраціи», такъ что уже черезъ 2 дня они могли снова предпринять подъ предводительствомъ адмирала Сессе на этотъ разъ уже вооруженную демонстрацію, которая разрѣшилась знаменитымъ бѣгствомъ въ Версаль. Настойчиво уклоняясь отъ гражданской войны, открытой Тьеромъ его ночной экспедиціей противъ Монмартра, центральный комитетъ сдѣлалъ на этотъ разъ роковую ошибку: надо было тогда же немедленно выступить на Версаль — у него не было въ то время достаточныхъ средствъ къ защитѣ — и тогда же разъ навсегда покончить съ конспираціями Тьера и его «деревенскихъ депутатовъ». (стр. 19)

Ошибку Центральнаго Комитета Марксъ видитъ только въ томъ, что онъ уклонился отъ открытой Тьеромъ гражданской войны въ ту минуту, когда слѣдовало не уклоняться.

Послѣ декрета коммуны отъ 7-го апрѣля, она грозила возмездіемъ, объявляя, что признаетъ себя обязанной «защищать Парижъ отъ каннибальства версальскихъ разбойниковъ и требовать око за око, зубъ за зубъ».

Но Тьеръ и его генералы узнали, что мѣры возмездія, декретированныя коммуной, были ни болѣе ни менѣе, какъ простой угрозой, оставшейся безъ послѣдствій, что даже шпіоны-жандармы, пойманные въ Парижѣ переодѣтыми въ національныхъ гвардейцевъ, и полицейскіе, схваченные съ зажигательными снарядами, были пощажены, — лишь только они узнали объ этомъ, какъ снова началось разстрѣливанье плѣнныхъ массами и продолжалось уже безостановочно до конца.

Едва ли коммунары думали, что версальскіе разбойники даже косвенно не угрожаютъ интересамъ пролетаріата.

Но гдѣ же тутъ диктатура? Мы же ее искали!

Могутъ отвѣтить, что вотъ потому то и побѣждена была коммуна, что не подавляла она всякое общественное движеніе прямо или косвенно угрожавшее ей, что не проявила „*такой*“ власти. Но зачѣмъ же тогда Энгельсъ указываетъ на коммуну, какъ на образецъ „диктатуры пролетаріата“?

Энгельсъ потому указываетъ на коммуну, что она, не смотря на ея ошибки и недостатки, дѣйствительно является образцомъ той формы власти, которую долженъ создать пролетаріатъ, какъ бы не называть эту форму, хотя бы совершенно неудачнымъ словомъ диктатура. О диктатурѣ можно здѣсь говорить развѣ только фигурально, подобно тому, какъ говорятъ о „диктатурѣ сердца“ *). На самомъ дѣлѣ это былъ антиподъ диктатуры класса, это была демократія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова:

Коммуна образовалась изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, выбран-

---

*) Министръ, къ которому было примѣнено это имя, конечно, совершенно не заслуживалъ этого.

ныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены ея были отвѣтственны и смѣняемы. Большинство ихъ состояло, само собою разумѣется, изъ рабочихъ или завѣдомыхъ поборниковъ рабочаго сословія. (стр. 26)

Всеобщая подача голосовъ, вмѣсто того чтобы служить народу для выбора черезъ каждые 3 года или 6 лѣтъ какого нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ коммуны, точно такъ, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю при прінсканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія. (стр. 26)

Коммуна, по самому духу своему, была враждебна замѣнѣ всеобщей подачи голосовъ іерархическою инвеститурою. (стр. 28)

Антагонизмъ коммуны съ государственною властью былъ ошибочно принятъ за искаженный видъ старой борьбы противъ чрезмѣрной централизаціи. (стр. 29)

Коммуна дала республикѣ чисто демократическія основы. (стр. 30)

Это была „диктатура пролетаріата"!

Посмотримъ теперь какъ смотритъ на этотъ вопросъ Бернштейнъ. Въ главѣ о политическихъ и экономическихъ условіяхъ осуществленія соціализма онъ говоритъ:

Извѣстная степень капиталистическаго развитія есть первое условіе общаго осуществленія соціализма; вторымъ же условіемъ является переходъ политической власти къ партіи рабочаго класса — къ соціалдемократіи. Формою пользованія этою властью по Марксу будетъ, въ переходную эпоху диктатура пролетаріата.*) Стр. 151.

Изложивъ свои соображенія о первомъ условіи и заявивъ, что нечего и разсчитывать на успѣхи этого развитія, такъ они еще малы, онъ переходитъ ко второму. При этомъ онъ говоритъ, во первыхъ, вообще объ идеѣ „перехода политической власти къ партіи рабочаго класса" и, во вторыхъ, о „формѣ пользованія этою властью" о диктатурѣ. И къ тому и къ другому онъ относится отрицательно. О диктатурѣ мы у него читаемъ:

Есть ли смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата, въ то время когда представители соціалдемократіи становятся гдѣ только возможно, на почву парламентской работы, пропорціональнаго народнаго представительства и народнаго законодательства — пріемовъ, прямо противорѣчащихъ диктатурѣ. Фраза о диктатурѣ настолько теперь пережила себя, что ее только тѣмъ связываютъ, съ дѣйствительностью, что слово «диктатура» лишаютъ дѣйствительнаго значенія и придаютъ ему смягченный смыслъ. (Стр. 228.)

Но Бернштейнъ отрицаетъ не только данную форму власти, но и вообще самый принципъ завоеванія власти пролетаріатомъ. Онъ говоритъ:

Марксистская дѣятельность носитъ преимущественно политическій характеръ и направлена на захватъ политической власти. (стр. 169) Нужно совершенно оставить въ сторонѣ мысль о немедленномъ принятіи на себя государствомъ функцій производства и распредѣленія продуктовъ. Государство не могло бы взять на себя даже среднихъ

---

*) Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изданіе «Знанія» 1901 г. Переводъ Канцель.

и крупныхъ производствъ. (Стр. 167.) Ни одинъ здравомыслящій соціалистъ не мечтаетъ уже теперь въ Англіи о предстоящей побѣдѣ соціализма путемъ рѣшительнаго переворота, никто не думаетъ о захватѣ парламента революціоннымъ пролетаріатомъ. (Стр. 301)

Я предлагалъ вставить въ нашу программу заявленіе, что для „рѣшительнаго переворота“ партія революціоннаго пролетаріата необходимо должна „захватить парламентъ“, завоевать политическую власть, для того, чтобы общество могло „принять на себя функціи производства и распредѣленія продуктовъ.“ Такимъ образомъ я расхожусь въ самомъ принципѣ съ Бернштейномъ по вопросу о завоеваніи политической власти и ни въ малѣйшей мѣрѣ не являюсь его сторонникомъ.

Правда я оказываюсь солидарнымъ съ Бернштейномъ въ моемъ отрицательномъ отношеніи къ одной изъ формъ власти, къ диктатурѣ. Но посмотримъ расхожусь ли я при этомъ съ виднѣйшими представителями международной соціалдемократіи.

Отвѣтъ Бернштейну на его книжку, какъ кажется раньше другихъ, дала Роза Люксембургъ въ Leipziger Folkszeitung въ февралѣ 1899 г. *) Одна изъ ея статей, третья, спеціально посвящена вопросу о „завоеваніи политической власти“. Роза Люксембургъ, конечно, высказывается рѣшительно противъ Бернштейна, доказываетъ необходимость для пролетаріата завоеванія политической власти, но ни разу не употребляетъ слово диктатура. Такъ какъ ей приходится буквально разъ двадцать упоминаетъ о завоеваніи власти пролетаріатомъ, то она, чтобы не повторять однихъ и тѣхъ же выраженій всячески комбинируетъ термины: Eroberung der politische Macht, Gebrauch der politische Macht, Ergreifung der pol. M., Ergreifung der Staatsgewalt, Eroberung der Staatsgewalt, Machtergreifung, Machteroberung.... Но очевидно нарочно ни одного разу не употребляетъ слова „диктатура пролетаріата“ не смотря на то, что вся статья написана противъ того мѣста книги Бернштейна, гдѣ говорится противъ этого понятія. Она не забыла этого выраженія, она приводитъ его. По поводу одной фразы Маркса, которую Бернштейнъ истолковывалъ въ смыслѣ отказа Маркса отъ идеи завоеванія власти пролетаріатомъ, она говоритъ: „что Марксъ здѣсь можетъ быть имѣлъ въ виду, такъ это возможность мирнаго проведенія въ жизнь диктатура пролетаріата, а не замѣну этой диктатуры соціальными реформами капитализма“.

Бернштейнъ въ принципѣ считалъ невозможнымъ и безполезнымъ переходъ политической власти въ руки партіи пролетаріата. Роза Люксемубргъ въ принципѣ возражаетъ ему и говоритъ, что этотъ переходъ и необходимъ, и возможенъ.

Но Бернштейнъ кромѣ того, въ частности, считаетъ диктатуру —дурной формой власти; на это ему Р. Люксембургъ не возражаетъ, но за то говоритъ о другой формѣ власти, которую она считаетъ необходимой для власти пролетаріата:

---

*) Они изданы въ 99 г. отдѣльной брошюрой Socialreform oder Revolution.

Демократія сдѣлалась для буржуазіи частью излишпей, частью стѣснительной; за то для пролетаріата она тѣмъ болѣе нужна и необходима. Нужна она потому, что она готовитъ политическія формы, которыя послужатъ пролетаріату исходнымъ пунктомъ при его преобразованіяхъ буржуазнаго общества. Необходима же она потому, что только въ ней, въ борьбѣ за демократію, при проведеніи въ жизнь своихъ правъ, пролетаріатъ можетъ прійти къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и своихъ историческихъ задачъ.

И такъ „политической формой", которую должна принять власть пролетаріата Роза Люксембургъ считаетъ демократію.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Р. Люксембургъ Бернштейну отвѣчалъ Бебель. 10-го октября 1899 г. онъ произнесъ на Ганноверскомъ конгрессѣ многочасовую рѣчь, въ которой разобралъ главнѣйшіе взгляды своего противника и рѣзко ихъ осудилъ. Въ заключеніе онъ предложилъ съѣзду резолюцію, которая была принята большинствомъ 216 голосовъ противъ 21. По вопросу о завоеваніи пролетаріатомъ политической власти въ ней говорится слѣдующее:

... Партія по прежнему стоитъ на почвѣ классовой борьбы, согласно чему освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ и потому считаетъ исторической задачей рабочаго класса — завоеваніе политической власти, чтобы съ ея помощью, посредствомъ обобществленія средствъ производства и введенія соціалистическаго способа производства и обмѣна основать возможно большее благополучіе всѣхъ.

Такимъ образомъ Бебель и вмѣстѣ съ нимъ весь съѣздъ въ своей резолюціи, ясно, точно, съ мотивировкою высказались противъ Бернштейна, противъ его взгляда на завоеваніе власти. Но по поводу той формы власти, противъ которой писалъ Бернштейнъ, по поводу диктатуры, ни резолюція ни рѣчь Бебеля не говорятъ ни слова. Въ этомъ они не возражаютъ Бернштейну.

Ко времени Ганноверскаго съѣзда Каутскій также спѣшилъ окончить свою большую работу противъ Бернштейна. Онъ хотѣлъ въ своей книгѣ исчерпать вопросъ и заявилъ, что больше къ нему не будетъ возвращаться. Что же онъ говоритъ о диктатурѣ?

«Бернштейнъ отталкиваетъ съ негодованіемъ идею диктатуры пролетаріата. Что же, развѣ дружа съ прусскими юнкерами, Штуммами, Кюнеманнами и проч., можно будетъ отъ нихъ избавиться? Я не хочу утверждать, что господство пролетаріата должно непремѣнно принять форму диктатуры класса. Но опытъ до сихъ поръ не доказалъ и, насколько можно предвидѣть, въ будущемъ нельзя надѣяться, что демократическія формы сдѣлаютъ излишнимъ господство пролетарскаго класса для его освобожденія.»

Въ этой книгѣ Каутскій не говоритъ, какая же иная форма власти, если не диктатура, нужна пролетаріату. Для того, чтобы узнать взгляды Каутскаго на этотъ счетъ, обратимся къ другому сочиненію его *) „На другой день послѣ революціи". Здѣсь прежде всего нашъ лучшій теоретикъ спѣшитъ

снять съ себя тяжкое подозрѣніе, которое можетъ у многихъ воз-

---

***) Изданіе Лиги Р. Рев. Соц.-Дем.**

никнуть при видѣ заглавія работы. «На другой день послѣ соціальной революціи»! Не доказываетъ ли это, что, мы «ортодоксальные» марксисты, — въ сущности, лишь переодѣтые бланкисты, которые полагаютъ, что въ одинъ прекрасный день они смогутъ сразу захватить въ свои руки соціальную диктатуру?

Автору кажется „тяжелымъ“ „подозрѣніе“ будто бы соціалдемократія надѣется въ одинъ прекрасный день „захватить въ свои руки соціальную диктатуру“. Авторъ отвергаетъ это подозрѣніе.

Спѣшу замѣтить, что революцію я разсматриваю, какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время и тяжелая борьба можетъ растянуться на цѣлые десятки лѣтъ.... но если мы хотимъ представить ее въ простѣйшемъ видѣ, то мы должны исходить изъ предположенія, что въ одинъ прекрасный день въ руки пролетаріата перейдетъ сразу вся политическая власть безъ всякаго ограниченія и что при пользованіи ею пролетаріатъ будетъ руководиться единственно своими классовыми интересами и примѣнять ее самымъ раціональнымъ образомъ.

Переходъ политической власти полностью и при томъ сразу въ руки пролетаріата нашъ ученый допускаетъ лишь схематически, для анализа, для изученія этого феномена, рѣзкія черты котораго дѣйствительность болѣе или менѣе ослабитъ. Но посмотримъ какою представляется Каутскому власть пролетаріата въ этой идеальной, предѣльной формѣ.

Прежде всего, разумѣется само собою, что пролетаріатъ наверстаетъ то, чего не додѣлала буржуазія. Онъ смететъ съ лица земли всѣ остатки феодализма и осуществитъ демократическую программу, которую защищала нѣкогда и буржуазія. Въ качествѣ низшаго изъ всѣхъ классовъ, пролетаріатъ является и самымъ демократическимъ изъ всѣхъ классовъ. Онъ введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ; онъ сдѣлаетъ государство независимымъ отъ церкви, онъ уничтожитъ всѣ наслѣдственныя привилегіи, онъ дастъ каждой общинѣ самоуправленіе и устранитъ милитаризмъ. (стр. 99)

Возражая Бернштейну Каутскій говорилъ, что онъ не утверждаетъ, что формою власти пролетаріата будетъ диктатура класса; здѣсь же онъ заявляетъ, что для него „само собой разумѣется“, что этой формой будетъ демократія и при томъ въ ея обоихъ составныхъ элементахъ: широко демократическая организація власти и невмѣшательство власти въ сферу личной и общественной свободы.

Такимъ образомъ и Каутскій смотритъ на власть пролетаріата такъ точно, какъ Роза Люксембургъ.

Въ декабрѣ 1901 г. на Вѣнскомъ Съѣздѣ австрійская соціалдемократія пересматривала свою программу. Въ старой Гайнфельдской программѣ и въ новомъ проэктѣ ни слова не было сказано о завоеваніи политической власти. Это вызвало цѣлый рядъ замѣчаній. Адлеръ говорилъ по этому поводу слѣдующее: *)

...Теперь о диктатурѣ пролетаріата, о ней въ проэктѣ ничего не

---

*) См. Протоколъ Вѣнскаго Партейтага.

сказано, но въ этомъ можетъ меня упрекать только одинъ товарищъ Бродъ. Напротивъ того, гораздо болѣе затрагиваетъ меня упрекъ, что въ проэктѣ нѣтъ ни одного слова о завоеванiи политической власти. (стр. 107)

Здѣсь Адлеръ уже прямо отличаетъ вопросъ о завоеванiи политической власти отъ вопроса о диктатурѣ. Относительно перваго онъ старается только объяснить, какъ это могло случиться, что въ программѣ ничего о немъ не сказано и выражаетъ готовность пополнить пробѣлъ; второй же вопросъ вызываетъ со стороны Адлера только презрительное замѣчанiе. Онъ еще разъ возвращается позже къ этому термину—диктатура.

...Теперь пришелъ Бернштейнъ и убилъ насъ старымъ боевымъ словечкомъ теперь уже совершенно безжизненнымъ, и улюлюкаетъ на диктатуру пролетарiата. Должны ли мы изъ страха, чтобы не прослыть бернштейнiанцами, вставить эту диктатуру въ программу?

И затѣмъ точно такъ, какъ въ уже приведенныхъ выше строкахъ, онъ рядомъ съ вопросомъ о вставленiи слова диктатура въ программу ставитъ вопросъ о внесенiи въ программу заявленiя о необходимости завоеванiя власти. Авторъ старой программы и проэкта, въ которыхъ нѣтъ и такого заявленiя, естественно находитъ, что это просто само собою подразумѣвается, но соглашается внести дополненiе въ текстъ программы и дѣйствительно его вноситъ:

Должны ли мы теперь ...когда наша партiя скорѣе слишкомъ политическая, чѣмъ мало политическая, внести въ программу то, что само собою разумѣется? Впрочемъ, если Вамъ это хочется — я ничего не имѣю противъ. (стр. 108) Что средствомъ достиженiя нашихъ цѣлей является завоеванiе политической власти, это совершенно ясно каждому социалдемократу. Никто изъ составителей проэкта — и я самъ меньше всего—не сомнѣвался въ этомъ; но такъ какъ многiе товарищи находятъ необходимымъ выразить эту мысль въ программѣ, то мы удовлетворяемъ это желанiе. (стр. 191)

...Завоеванiе политической власти должно быть средствомъ борьбы за освобожденiе рабочаго класса.

Возвращаюсь къ нашей программѣ. Составители ея будутъ спорить изъ за слова, если они, желая выразить лишь общепризнанную мысль, будутъ настаивать на выраженiи явно неудачномъ, явно избѣгаемомъ во всѣхъ программахъ, въ рѣчахъ и статьяхъ нашихъ лучшихъ теоретиковъ и агитаторовъ. Но если авторы проэкта, ставшаго нашей программой, подъ „такой" властью подразумѣвали не широкодемократическую форму политической власти, то они заслуживаютъ упрека въ двухъ отношенiяхъ: во первыхъ за то, что хотятъ внести въ нашу программу чуждую социалдемократiи идею заговорщицкаго захвата власти и во вторыхъ, за то, что вносятъ ее контрабандой, въ неясной, въ неопредѣленной формѣ, прячась за выраженiе, которое Марксъ позаимствовалъ у бланкизма въ то время, когда бланкизмъ былъ самымъ прогрессивнымъ теченiемъ. Между тѣмъ свою не новую мысль авторы могли бы передать достаточно опредѣленно. Для об-

разчика я привожу здѣсь слова одной старой программной прокламаціи:

Мы твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнья политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы доказываетъ прошлое Французское собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Л. Наполеона въ императоры.

Вотъ — просто, ясно, точно, сильно и красиво выраженная мысль! Единственный ея недостатокъ — она немного устарѣла: такъ писала Молодая Россія въ 1862 г. (См. у Бурцева „За сто лѣтъ“).

Если *такъ* смотрятъ авторы нашей программы на завоеваніе политической власти, тогда понятно — и только тогда понятно — какъ могутъ они говорить, что даже за всеобщее избирательное право и за свободу печати они не всегда будутъ стоять, что могли они отклонить въ программѣ пропорціональное представительство, требовать организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, вмѣсто революціонной организаціи пролераріата, въ которой профессіональные революціонеры были бы лишь слугами, какъ могли называть буржуазнымъ требованіе демократической организаціи для соціалдемократической партіи, заявлять о необходимости подавлять общественное движеніе, хотя бы косвенно угрожающее намъ... Все это свойственно было буржуазіи, когда она завоевала себѣ власть, но „низшіе классы дѣйствуютъ не такъ“. Имъ не надо никого подавлять, имъ нужна политическая власть лишь для того, чтобы ихъ не могли подавить. Освободившись отъ „классового деспотизма“ буржуазіи, пролетаріатъ противопоставитъ ему не свой классовой деспотизмъ, а широко и истинно демократическій строй.

Можетъ быть по поводу спора о диктатурѣ могутъ возразить словами Каутскаго все изъ того же отвѣта его Бернштейну:

Мы можемъ спокойно отложить на будущее рѣшеніе проблемы о диктатурѣ пролетаріата. Пока еще безполезно намъ связывать себѣ руки на этотъ счетъ.

Но намъ приходится заняться рѣшеніемъ этого вопроса во первыхъ потому, что въ противоположность составителю Эрфуртской программы, авторы нашей „связали“ насъ, вставивъ слово диктатура въ наше credo; а во вторыхъ потому, что вопросъ этотъ имѣетъ большое принципіальное значеніе и какъ и всякій принципъ программы отражается на всей тактикѣ и организаціи партіи: если намъ надо готовиться къ завоеванію „такой“ вла-

сти, то намъ надо создать „организацію революціонеровъ“ и пріучить народныя массы къ тому, чтобы онѣ дѣйствовали по „дирижерской палочкѣ“; если же намъ надо добиваться демократіи, и если наше будущее революціонное правительство должно будетъ лишь служить пролетаріату, какъ служитъ „рабочій, надзиратель и бухгалтеръ своему работодателю“, тогда намъ надо теперь же создать такой типъ организаціи и придерживаться во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ такой тактики, чтобы воспитать широкіе круги рабочаго класса и пріучить ихъ выражать черезъ посредство своей партіи свою волю. Вотъ почему рѣшеніе вопроса о диктатурѣ наложитъ свою печать рѣшительно на каждый шагъ нашей дѣятельности.

* * *

Огромное большинство на съѣздѣ было на сторонѣ Искры по вопросу о программѣ. Авторы программы, казалось бы, должны были желать, чтобы ихъ противники выступили съ критикой ея: это дало бы имъ поводъ обосновать ее, не рискуя уступить хотя бы пядь въ занятой ими позиціи; это придало бы программѣ по крайней мѣрѣ видимость коллективнаго произведенія. Но авторы программы не хотѣли дать возможности высказаться даже тѣмъ единичнымъ представителямъ противоположнаго имъ теченія русской соціалдемократіи, которые проникли на съѣздъ.

„Я считалъ необходимымъ - говорилъ на съѣздѣ Лиги т. Ленинъ —выбрать такое бюро, которое могло бы проявить твердую, стойкую политику, а въ случаѣ надобности сумѣло бы даже примѣнить такъ называемыя „ежевыя рукавицы.“ Цѣль т. Ленина была достигнута. Съѣздъ покорно поддерживалъ свое бюро, но иногда и его удивляла „стойкая политика“ „ежевыхъ рукавицъ“. Порядокъ обсужденія проэкта программы былъ намѣченъ совершенно правильно. Сначала предполагалось вести общія дискуссіи о программѣ, во время которыхъ каждый имѣлъ право говорить трижды по 10 минутъ. Затѣмъ — обсужденіе по пунктамъ и опять таки по каждому пункту программы, соотвѣтствующему особому теоретическому вопросу нашего profession de foi, каждый могъ говорить трижды, т. е. высказать свои взгляды и защищать ихъ. Но этотъ порядокъ скоро былъ насильственно нарушенъ.

Первымъ говорилъ о программѣ т. Мартыновъ. Уже тутъ обнаружилось, что члены съѣзда не намѣрены даже выслушивать своихъ противниковъ. Большинство, огромное большинство делегатовъ даже вышло изъ залы собранія, остальные занимались „своими дѣлами“. Одинъ только предсѣдатель, т. Плехановъ, демонстративно-внимательно слушалъ Мартынова.

Я увѣренъ, что читатели протоколовъ съѣзда отмѣтятъ, что рѣчь т. Мартынова была единственной программной рѣчью, но она не подверглась обсужденію: нѣсколько словъ т. Мартова (стр. 122 Протоколовъ), нѣсколько шутливыхъ замѣчаній т. Плеханова (стр. 122), да еще нѣсколько „философскихъ“ соображеній т. Горина (стр. 119) показались съѣзду достаточными, чтобы считать т. Мартынова разбитымъ. При такихъ обстоятельствахъ было пустою формальностью выслушивать насъ, недовольныхъ проэктомъ программы, и бюро „ежевыхъ рукавицъ“, конечно, не могло останавливаться передъ нарушеніемъ „формальностей“. Моя рѣчь (стр. 127), какъ мнѣ кажется, послужила непосредственнымъ поводомъ для проявленія „твердой, стойкой политики“. Такъ какъ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 10 минутъ, то я по необходимости въ *этой* рѣчи долженъ былъ намѣтить лишь общія черты тѣхъ возраженій, которыя я имѣлъ сдѣлать, но уже изъ этой первой моей рѣчи было видно, что я поставлю передъ съѣздомъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нельзя будетъ

отстранить шутками и смѣхомъ. Большинство делегатовъ было въ томъ счастливомъ заблужденіи, что ему приходится выбирать между программою революціонной соціалдемократіи и оппортунизмомъ, экономизмомъ, бернштейніанствомъ и проч. и проч., —въ заблужденіи, въ которомъ ихъ систематически поддерживали авторы программы. Но я доказалъ бы, что это только заблужденіе, такъ какъ я защищаю программу международной соціалдемократіи и проэкту Искры противоставляю не книжку Бернштейна, а Вѣнскую или Эрфуртскую программу; что кромѣ того отдѣльные тезисы программы различно понимаются представителями именно революціонной соціалдемократіи и что поэтому, принимая или отвергая то или другое программное положеніе, съѣздъ долженъ выбрать между мнѣніями Гэда и Бебеля, Каутскаго и Адлера, Плеханова и Ленина. Если бы эти вопросы были поставлены передъ съѣздомъ, то онъ, не желая подписывать свое свидѣтельство о бѣдности, былъ бы вынужденъ заняться ими, онъ былъ бы вынужденъ выслушать долгіе дебаты по программнымъ вопросамъ прежде чѣмъ рѣшиться отклонить мнѣнія—не Акимова, Мартынова, Либера— а Каутскаго, Бебеля, Адлера и Плеханова; Плеханова потому, что тогда Плехановъ былъ бы вынужденъ признать свое глубокое расхожденіе съ Ленинымъ въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ программы.

Конечно, это очень затянуло бы „пунктъ третій“ порядка дня. Но когда-то „Искра“ не боялась удѣлять именно этому „пункту“ столько времени, сколько нужно. Я помню, на „объединительномъ“ съѣздѣ 1901 г. т. Ленинъ сказалъ: Отдадимъ принципіальнымъ вопросамъ все наше время, а тогда, если мы сойдемся, организаціонные вопросы мы сможемъ рѣшить въ полчаса. — Въ этой гиперболѣ было много справедливаго. И если бы съѣздъ оцѣнивалъ всю важность принципіальной позиціи, если бы сознавалъ, что въ программѣ implicite заключены всѣ тактическія и организаціонныя рѣшенія, то онъ сократилъ бы до минимума всѣ пункты порядка дня и прежде всего занялся бы своею программою. Съѣздъ поступилъ какъ разъ обратно.

Если бы программа подверглась на съѣздѣ дѣйствительному обсужденію, а не только голосованію, то, вѣроятно, столкновеніе между „твердыми“ и „мягкими“ произошло бы на принципіальной почвѣ и было бы большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія нашей партіи. Она сдѣлаетъ, она уже и теперь дѣлаетъ этотъ шагъ, но дѣлаетъ его ощупью, исходя изъ критики отдѣльныхъ выводовъ, отдѣльныхъ приложеній общаго принципа, характеризовавшаго старую „Искру“—путь медленный, болѣзненный, обреченный на „зигзаги“, разслабляющій нашу партію.

На мою первую рѣчь мнѣ возразили Мартовъ, Карскій, Плехановъ, Горинъ, Ленинъ и Троцкій. Я долженъ теперь отвѣтить на ихъ возраженія, такъ какъ на самомъ съѣздѣ мнѣ этого не дали сдѣлать. Кромѣ Мартова и Карскаго, возражавшіе мнѣ уже знали, что я лишенъ возможности имъ отвѣтить. При такихъ условіяхъ не требовалось большой ловкости, чтобы „побить“ меня. Т. Ланге, спеціальность котораго заключалась во внесеніи предло-

женій о закрытіи дебатовъ, поспѣшилъ предложить остроумный способъ быстраго рѣшенія программныхъ споровъ: голосовать всю программу сразу, а для окончательной ея редакціи передать ее въ комиссію. Этотъ упрощенный методъ усмиренія критиковъ, конечно, не былъ никѣмъ поддержанъ, но т. Троцкій предложилъ, а т. Мартовъ поддержалъ его, чтобы списокъ ораторовъ былъ закрытъ. Это значило, что слово будетъ дано Плеханову, Горину, Ленину, Троцкому для посрамленія „критиковъ“, а эти послѣдніе будутъ лишены возможности защищаться. Т. т. Мартовъ и Троцкій мотивировали это тѣмъ, что еще будетъ достаточно времени спорить при обсужденіи программы по пунктамъ по возвращеніи ея изъ комиссіи (стр. 127). Съѣздъ съ этимъ согласился и списокъ ораторовъ былъ закрытъ.

Но вотъ проэктъ возвращается изъ комиссіи. (стр. 167)

Ставится на обсужденіе первый пунктъ программы. Т. Мартыновъ вноситъ поправку. Затѣмъ говорю я, защищая поправку, аналогичную поправкѣ Мартынова. Тотчасъ послѣ этого т. Русовъ предлагаетъ мѣру „ежовыхъ рукавицъ“. Онъ совѣтуетъ соединить всѣ мои поправки въ одну и вотировать сразу. Т. Мартовъ „не знаетъ никакого выхода, но ставитъ на видъ огромное неудобство превращать съѣздъ въ ученыя засѣданія“. Предсѣдатель, т. Плехановъ, оказывается догадливѣе т. Мартова. Онъ заявляетъ, что „понимаетъ регламентъ въ томъ смыслѣ, что говорить можно десять минутъ обо всей программѣ“. Это вопіющее нарушеніе регламента Плехановъ немедленно ставитъ на голосованіе, не смотря на мои протесты и требованіе прочитать текстъ регламента прежде чѣмъ голосовать его завѣдомо ложное толкованіе. Плехановъ былъ тогда еще „твердымъ“. Но съѣздъ, къ его чести, не имѣлъ уже и тогда такой степени „твердости“, и „пониманіе“ Плеханова не было имъ усвоено.

Тогда, наконецъ, т. Мартовъ „узналъ выходъ“. Онъ предложилъ „говорить по каждому пункту одинъ разъ по пяти минутъ“. Достоинство этой системы т. Мартовъ могъ испытать уже въ комиссіи: тамъ каждая моя поправка искажалась до неузнаваемости и затѣмъ высмѣивалась и разбивалась, я же долженъ былъ спокойно смотрѣть на это издѣвательство не имѣя права взять слово для борьбы. Я неизмѣнно оказывался мильерановцемъ, бернштейніанцемъ, оппортунистомъ, хвостистомъ и филистеромъ.

Нѣсколько делегатовъ впослѣдствіи высказывали удивленіе тому спокойствію, съ которымъ я выслушивалъ въ комиссіи всѣ эти комплименты. Но, съ одной стороны, въ комиссіи мнѣ не дано было возможности возражать, и всякій мой протестъ былъ бы безполезенъ, съ другой стороны, я надѣялся — и я долженъ здѣсь покаяться въ этихъ наивныхъ надеждахъ — что передъ лицемъ съѣзда мнѣ будетъ дана возможность — въ строгомъ соотвѣтствіи съ регламентомъ съѣзда — доказать всю вздорность возраженій моихъ противниковъ. Наивность моихъ надеждъ заключалась въ слѣдующемъ.

Если бы мои противники думали, что я получу право имъ отвѣчать, что имъ придется повторять и защищать свои возра-

женія на съѣздѣ и потомъ увидѣть ихъ въ печати, въ протоколахъ, то они не стали бы дѣлать такихъ, завѣдомо для нихъ самихъ, нелѣпыхъ возраженій. Я не принялъ этого къ свѣдѣнію.

Послѣ безтактныхъ предложеній т. т. Русова и Плеханова, политичное предложеніе Мартова показалось съѣзду очень удачнымъ и онъ принялъ его.

Тотчасъ же всѣ трудности пали. Послѣ этого ни одинъ человѣкъ даже не счелъ нужнымъ возразить ни т. Мартынову, ни мнѣ и первый пунктъ программы былъ тотчасъ же вотированъ и принятъ 42-мя голосами.

Далѣе все шло очень просто. „Обсужденіе" съѣздомъ всей принципіальной части программы изложено въ протоколахъ *на одной страничкѣ* (часть 165 и часть 166). Ни одинъ изъ 50 служителей „научнаго соціализма", съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи и Западной Европы не нашелъ нужнымъ сдѣлать ни одного замѣчанія, ни одной принципіальной поправки по поводу проэкта программы. Ни у кого не родилось ни одного сомнѣнья, ни одного вопроса; ни одного слова не понадобилось добавить, ни одного выраженія измѣнить, ни одного термина пропустить. Всѣ труднѣйшія проблемы международнаго соціализма, собранныя въ принципіальной части нашей программы, отняли у съѣзда столько времени, сколько вопросъ о томъ, устраивать ли ясли для дѣтей фабричныхъ рабочихъ или нѣтъ (стр 184 и 185).

„Партія сознательнаго пролетаріата, Россійская Соціалдемократическая Партія, отнынѣ имѣетъ свою программу.... Мы можемъ съ законною гордостью сказать, что принятая нами программа даетъ нашему пролетаріату прочное и надежное оружіе въ борьбѣ съ врагами.', Такъ нашелъ нужнымъ резюмировать т. Плехановъ работы съѣзда надъ программой (стр. 234).

*
* *

Постараюсь теперь разобрать тѣ краткія возраженія, которыя мнѣ были сдѣланы во время общей дискуссіи программы.

Первый возражалъ мнѣ т. Мартовъ (стр. 125). Началъ онъ свою рѣчь заявленіемъ, что ему „совершенно непонятно, гдѣ въ проэктѣ Акимовъ могъ усмотрѣть тенденцію къ умаленію значенія рабочаго движенія". „Не знаю, далѣе говоритъ онъ, что имѣетъ въ виду Акимовъ, когда говоритъ, что въ программѣ получило свое выраженіе пренебрежительное отношеніе къ экономической борьбѣ рабочихъ". „Гдѣ усмотрѣлъ Акимовъ наше излишнее упованіе на другія общественныя движенія?" Если такъ, если Мартовъ не зналъ, что я имѣю въ виду, критикуя программу, если онъ спрашивалъ, гдѣ усмотрѣлъ я ложныя упованія, если ему было непонятно, гдѣ я вижу въ программѣ ошибки, то т. Мартовъ обязанъ былъ прежде всего отклонить предложеніе т. Троцкаго о закрытіи списка ораторовъ; но онъ поддержалъ его

и самъ внесъ въ концѣ концовъ измѣненіе въ регламентѣ, сдѣлавшее невозможнымъ обсужденіе программы.

Т. Мартовъ, конечно, могъ бы просто не отвѣчать мнѣ; заявить, что рѣчь моя не заслуживаетъ возраженій. Но если уже онъ взялся отвѣчать, то онъ долженъ былъ прежде всего узнать то, чего онъ „не знаетъ", сдѣлать для себя понятнымъ то, что для него „непонятно". Вмѣсто этого т. Мартовъ предпочелъ просто высказать свои догадки, совершенно ничѣмъ не обоснованныя, голословныя, имѣвшія единственную цѣль, о которой я уже выше говорилъ, внушить съѣзду, что противники проэкта — оппортунисты. Такой характеръ носитъ напр. слѣдующая фраза: „И хочетъ ли онъ, что бы вмѣсто борьбы за общую экономическую цѣль всего рабочаго движенія — соціальную революцію, мы говорили о частныхъ задачахъ разныхъ группъ пролетаріата?" Т. Мартовъ отлично зналъ, что я этого не хочу.

Сами по себѣ взятыя, недоумѣнія т. Мартова вполнѣ основательны; и это по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ моей первой десятиминутной рѣчи я могъ изложить, предполагалъ изложить и дѣйствительно изложилъ только „тѣ общія соображенія, которыми я руководствовался, внося" поправки (стр. 123). Поэтому вполнѣ естественнымъ былъ вопросъ: „Гдѣ Акимовъ усмотрѣлъ", „что имѣлъ въ виду Акимовъ....?" Этотъ вопросъ былъ предусмотренъ моею рѣчью; моя рѣчь была разсчитана на этотъ вопросъ. Вѣдь это была *первая* рѣчь; вѣдь это могла быть только десятиминутная рѣчь. Она достигла цѣли, которую я себѣ ставилъ; она вызвала тѣ вопросы, которые я хотѣлъ вызвать и мои двѣ послѣдующія рѣчи должны были отвѣтить на нихъ. Только въ одномъ я ошибся: вопросы эти возникли у Мартова, но не у большинства съѣзда, проявившаго полную неподготовленность обсуждать принципіальные программные вопросы.

Во вторыхъ, еще и по другой причинѣ, именно т. Мартовъ долженъ былъ *такъ* реагировать на мою рѣчь; это потому, что онъ дѣйствительно не видитъ въ программѣ тѣхъ недостатковъ, которые я намѣревался указать; если бы онъ увидѣлъ тотъ глубокій смыслъ, который на самомъ дѣлѣ вложенъ въ программу, и который въ тактикѣ „твердыхъ" уже отчасти проявляется, то онъ не принялъ бы этой программы. И я глубоко убѣжденъ, что онъ увидитъ этотъ смыслъ и тогда окажется „еще разъ въ меньшинствѣ".

Здоровый элементъ нашей партіи, т. Мартовъ прошелъ вмѣстѣ съ нею всѣ стадіи ея развитія. „Теорія стадій" вызывала его негодованіе именно потому, что онъ цѣликомъ былъ слитъ съ той стадіей, на которой была наша партія и потому не могъ выдѣлить ее, какъ цѣлое, изъ ряда другихъ стадій, признать ее только одною изъ ступеней цѣлой лѣстницы. Нѣкогда поборникъ кружковщины, впослѣдствіи авторъ лучшихъ брошюръ „такъ называемаго экономизма", позже рѣзкій и прямолинейный „искристъ", онъ уже на съѣздѣ „подалъ мнѣ надежды" (стр. 283) на „возникновеніе иного теченія въ нашей партіи" и въ настоящее время уже сдѣлалъ свой — какъ онъ самъ выразился — „новый шагъ".

Но наша партія, какъ показалъ съѣздъ, къ несчастью еще не доразвилась до сознанія всей важности принципіальной программы, и ея — перефразируя выраженіе Рескина — „революціонеръ—эхо“ „не знаетъ“, ему „непонятно“, гдѣ видятъ въ программѣ, подъ которой онъ подписался, тѣ взгляды, которыхъ онъ не раздѣляетъ.

На вопросы, которые т. Мартовъ поставилъ, я частью отвѣтилъ уже въ этой брошюрѣ, частью отвѣчу въ связи съ возраженіями другимъ моимъ оппонентамъ на съѣздѣ; но одно его соображеніе я долженъ разобрать теперь. Онъ говорилъ: „Странная идея усматривать въ положеніи о другихъ слояхъ трудящихся приближеніе къ соціалистамъ-революціонерамъ. Послѣдніе, напротивъ, говорили, что этотъ пунктъ они бы приняли, если бы вмѣсто „точки зрѣнія пролетаріата“ стояло „точка зрѣнія соціализма“. Классовой характеръ партіи здѣсь выраженъ достаточно ясно. Слова „рабочаго класса“ здѣсь поставлены для того лишь, чтобы избѣжать повторенія въ одной фразѣ дважды слова „пролетаріата“....

Я не могъ въ моей брошюрѣ подробно разобрать послѣдній пунктъ программы, настолько же неудачный, какъ и вся она. Пользуясь возраженіемъ Мартова, я здѣсь по крайней мѣрѣ вкратцѣ отмѣчу его недостатки. Вотъ текстъ программы:

> Партія „обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціалдемократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.“

Прежде всего я разберу отдѣльныя выраженія, а затѣмъ постараюсь проанализировать общую мысль.

„Вся остальная трудящаяся и эксплуатируемая масса“ — что это такое? Кто, какіе слои народа принадлежатъ къ ней? Смѣло можно сказать, что это—огромное большинство гражданъ каждаго капиталистическаго общества; уже Беллами нарисовалъ его въ видѣ огромной колесницы, которую везутъ надрываясь и изнемогая сотни милліоновъ людей и на которой помѣщается крошечная группа лицъ. Каутскій также говоритъ, что въ современномъ обществѣ въ сущности подавляющему большинству приходится трудиться и быть эксплуатируемымъ.

Итакъ, подъ гнетомъ капитала находятся всѣ слои народа, за исключеніемъ того, который самъ является олицетвореннымъ капиталомъ — крупной буржуазіи. Всѣ эти слои имѣютъ основаніе бороться и дѣйствительно борятся противъ капитала; за исключеніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, всѣ эти слои являются также и трудящимися. Какъ же Соціалдемократія должна къ нимъ относиться?

Въ Готской программѣ говорилось, что всѣ другіе слои народа, кромѣ пролетаріата, представляютъ собою единую реакціонную массу. Марксъ, рѣзко критиковавшій проэктъ Готской программы

вообще, въ частности и это ея утвержденіе нашелъ совершенно невѣрнымъ. „Эта фраза уже прямо является цитатой изъ Лассаля“ —говоритъ онъ въ своемъ письмѣ Либкнехту отъ 5 V 1875 г.*) Прежде всего Марксъ выдѣляетъ изъ этой „массы“ противостоящей пролетаріату буржуазію. „Въ Коммунистическомъ Манифестѣ, говоритъ Марксъ, буржуазія разсматривается какъ революціонный классъ, какъ носительница крупной промышленности противъ феодаловъ и среднихъ слоевъ.... Эти слои, такимъ образомъ, не составляютъ съ буржуазіей единую реакціонную массу.“

Выдѣливъ изъ противостоящей пролетаріату массы буржуазію, какъ классъ безусловно революціонный, и феодаловъ, какъ классъ безусловно реакціонный, Марксъ переходитъ къ анализу „среднихъ слоевъ“, т.е. какъ разъ „трудящейся и эксплуатируемой массы“. Ее онъ тоже считаетъ неоднородной. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что эти слои угнетены капиталомъ и что они борятся противъ буржуазіи, но именно эту борьбу ихъ онъ считаетъ „консервативной, болѣе того,—реакціонной“. Однако же есть между этими слоями и такіе, которые могутъ быть революціонны. Это именно тѣ, которымъ предстоитъ переходъ въ состояніе пролетаріевъ, пролетаризирующіеся слои. Поэтому то Марксъ считаетъ глубоко-ошибочной мысль Готской программы, будто бы всѣ эти слои „составляютъ единую массу“.

Наша программа дѣлаетъ ту же самую ошибку, она говоритъ о „всѣхъ слояхъ трудящагося и эксплуатируемаго населенія“, какъ о единой массѣ, съ тою только разницей, что Готская программа считала „всю эту массу“ противостоящей пролетаріату, программа же Искры находитъ нужнымъ ей проповѣдывать необходимость соціальной революціи.

Далѣе. Соціалдемократія названа „партіей рабочаго класса“. Терминъ этотъ въ настоящее время употребляется въ двоякомъ смыслѣ. Соціалдемократы подразумѣваютъ подъ нимъ пролетаріатъ, соціалисты-революціонеры—пролетаріатъ, плюсъ „трудовое крестьянство“, плюсъ интеллигенцію. Конечно, мы не можемъ изъ за этого отказываться отъ термина, общепринятаго въ нашей международной литературѣ, но мы его должны употреблять только какъ синонимъ понятія „пролетаріатъ“. Такъ полагаетъ и т. Мартовъ. Онъ утверждаетъ, что терминъ „рабочій классъ“ поставленъ здѣсь единственно для того, что бы избѣжать повторенія въ одной и той же фразѣ слова пролетаріатъ. Но мы увидимъ сейчасъ, что это не такъ.

„Соціалдемократія зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія“. Она ихъ зоветъ въ свои ряды подъ нѣкоторымъ условіемъ. Это условіе мы позже разсмотримъ; теперь же предположимъ, что оно исполнилось. Такое предположеніе мы безусловно имѣемъ право сдѣлать, потому что, если бы

---

*) Die Neue Zeit № 18 за 1890—1891 г.

это условіе было бы неисполнимо, то оно не имѣло бы смысла въ нашей программѣ.

Итакъ, въ ряды нашей партіи вошли всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, понявъ „безнадежность своего положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ихъ собственнаго освобожденія".

Этого только и требуютъ соціалисты-революціонеры; это составляетъ основной, исходный пунктъ всей ихъ программы; всѣ остальныя особенности ихъ тактики и задачъ вытекаютъ изъ этого одного взгляда, что всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія составляютъ единый классъ, рабочій классъ, могутъ быть руководимы одною политической партіей. Принять этотъ пунктъ, значитъ принять въ принципѣ всю программу соціалистовъ-революціонеровъ. Но принявъ этотъ пунктъ, т. Мартовъ заявляетъ: „странная идея рсматривать въ положеніи о другихъ слояхъ трудящихся приближеніе къ соціалистамъ-революціонерамъ!" Однако, вѣдь, программы политическихъ партій опредѣляются не идеями ихъ вожаковъ, а какъ разъ наоборотъ, въ вожаки партіи попадаютъ тѣ люди, которые отвѣчаютъ идеаламъ „слоевъ населенія", входящихъ въ ряды партіи. Если бы въ ряды нашей партіи вошли всѣ слои трудящагося населенія—хотя бы и присягнувъ предварительно, что они принимаютъ условіе, которое имъ ставитъ программа—то скоро случилось бы одно изъ двухъ: или т. Мартовъ сдѣлалъ бы еще одинъ „новый шагъ" и сталъ бы соціалистомъ-революціонеромъ, или же онъ остался бы „еще разъ въ меньшинствѣ" и затѣмъ былъ бы выброшенъ изъ партіи.

Въ настоящее время уже и обновленная Искра замѣтила опасность; въ фельетонѣ № 62 она горюетъ, что прокламаціи „московскаго, одесскаго, николаевскаго и у нѣкоторыхъ другихъ очень вліятельныхъ организацій" (читай: и у Ц. К.), какъ двѣ капли воды похожи на прокламаціи, „напримѣръ", кіевскаго комитета Партіи Соц.-Рев." А мы, противники Искры, замѣтили это печальное явленіе за годъ до съѣзда, напримѣръ, на прокламаціяхъ „Одесской Революціонной Соціалдемократіи", въ которыхъ Искра (см. № 30) не нашла ничего предосудительнаго. Можетъ быть поэтому, и т. Мартовъ, и авторъ фольетона № 62 нашли бы на съѣздѣ наши соображенія не лишними, если бы они намъ не мѣшали ихъ высказать.

Искра вела долгую и рѣзкую полемику съ соц.-рев. Она заявляла, что они и не соціалисты, и не революціонеры. Это — пустяки. Они и соціалисты, и революціонеры. Говорю это не потому, что я близокъ къ нимъ. Какъ разъ, наоборотъ, потому, что я настолько далекъ отъ нихъ, что мнѣ незачѣмъ ихъ „размалевывать" для того, чтобы не быть съ ними. Искра же, старая Искра и теперешніе „твердые" искровцы представляютъ въ русской соціалдемократіи теченіе, самое родственное соціалистамъ-революціонерамъ, и потому имъ нужно было размалевывать ихъ такъ, чтобы даже т. Мартовъ не узналъ родственныхъ чертъ въ

программѣ Искры и въ программѣ Соціалистовъ-Революціонеровъ.*)

Партія „Соціалистовъ-Революціонеровъ“ является безусловно соціалистической партіей, только не партіей Научнаго Соціализма; и это потому и только потому, что она является не пролетарской партіей, а партіей всѣхъ эксплуатируемыхъ и трудящихся слоевъ населенія. Вотъ почему я „усмотрѣлъ“ несоціалдемократическія тенденціи между прочимъ и въ этомъ пунктѣ программы Искры.

Впрочемъ, и т. Мартовъ сообщаетъ, что соц.-рев. „говорили, что этотъ пунктъ они бы приняли, если бы“ было выставлено иное условіе для вхожденія „всѣхъ слоевъ“ въ нашу партію. Разсмотримъ же теперь это условіе, посмотримъ, дѣйствительно ли С. Р. не могутъ его принять.

„Соціалдемократія зоветъ въ свои ряды всѣ слои.... поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.“ По поводу этого условія высказалъ свои сомнѣнія т. Либеръ. „Могутъ ли непролетарскіе слои населенія, какъ *цѣлые* слои, переходить на точку зрѣнія пролетаріата? Мнѣ кажется, что никогда. Конечно, въ борьбѣ за свою минимальную программу соц.-дем. сможетъ привлекать на свою сторону симпатіи и другихъ слоевъ населенія, которые въ ней видятъ наиболѣе рѣшительную сторонницу демократіи, но за максимальную программу, за соціализмъ,**) можетъ бороться и будетъ бороться только пролетаріатъ, и лишь отдѣльныя лица изъ другихъ слоевъ могутъ рѣшительно переходить на точку зрѣнія пролетаріата.“

На это отвѣтилъ т. Либеру т. Плехановъ. Этотъ отвѣтъ очень характеренъ и типиченъ для него.

„Т. Либеръ спрашиваетъ, можетъ ли какой нибудь общественный слой цѣликомъ перейти на сторону пролетаріата. Это какъ бы возраженіе противъ того, что сказано въ нашей программѣ. Но она не затрагиваетъ этого вопроса; она говоритъ условно: мы, партія пролетаріата, приглашаемъ въ свои ряды всѣ другіе слои трудящагося населенія, *поскольку* (курс. П.) они переходятъ на нашу точку зрѣнія. Т. Либеръ думаетъ, что тутъ мы выражаемся недостаточно точно. Но такъ говоритъ и Манифестъ Коммунистической Партіи: всѣ другіе слои становятся революціонными лишь постольку, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата. Т. Либеръ хотѣлъ быть ортодоксальнѣе самого Маркса. Съ отдѣльными лицами это бываетъ, но цѣлой партіи въ этомъ нѣтъ никакой надобности.“

---

*) Взгляды мои на С. Р. выражаетъ передовая статья № 2 „Краснаго Знамени“.

**) Конечно, т. Либеръ имѣетъ въ виду здѣсь именно тотъ соціализмъ, который составляетъ основу нашей программы, т. е. Научный Соціализмъ.

Въ этомъ возраженіи Плеханова все идетъ по росписанію его всегдашнихъ возраженій: 1) легкое измѣненіе словъ противника, 2) уклончивая формулировка спорной мысли, 3) поверхностная ссылка на авторитетъ, 4) насмѣшка.

Т. Либеръ вовсе не спрашивалъ, можетъ ли какой-нибудь слой перейти *на сторону* пролетаріата. Конечно, можетъ; и это прямо говоритъ т. Либеръ. Но онъ спрашивалъ, можетъ ли какой нибудь слой перейти *на точку зрѣнія* пролетаріата? А это совсѣмъ другой вопросъ и т. Либеръ отвѣчалъ на него отрицательно, а т. Плехановъ отвѣтилъ на него уклончиво: мы приглашаемъ въ свои ряды всѣ слои, а уже это ихъ дѣло: пойдутъ—хорошо, нѣтъ — была бы честь предложена. Но такъ нельзя отвѣчать на програмные вопросы, и если „съ отдѣльными лицами это бываетъ", то съѣздъ не долженъ былъ бы санкціонировать заявленія этихъ лицъ. Программа зоветъ только тѣ слои, которые по нашему историко-философскому воззрѣнію могутъ и неизбѣжно будутъ дѣйствовать съ нами; программа указываетъ только тѣ задачи, которыя неизбѣжно предстанутъ передъ партіей; ея зовъ не есть любезное приглашеніе всѣхъ желающихъ. Программа—не прокламація и не газетная передовица; ея цѣль не агитировать и звать, а констатировать и объявить. Далѣе. Прямо поразительна поверхностность ссылки Плеханова на Манифестъ. Даже изъ его неточной цитаты слѣдуетъ только то, что „всѣ слои" становятся революціонными, поскольку и проч. Но Соціалдемократія не можетъ звать въ свои ряды всѣ слои, даже если они революціонны. Быть революціоннымъ еще мало для того, чтобы войти въ ряды нашей партіи. Поэтому цитата Плеханова вовсе не оправдываетъ текстъ программы. Но, кромѣ того, выраженіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, которое самъ Плехановъ подчеркиваетъ, и которое якобы „такъ говоритъ и Манифестъ", на самомъ дѣлѣ въ Манифестѣ отсутствуетъ, а имѣется только въ неточномъ переводѣ Плеханова. Выходитъ, что Плехановъ ссылался на свой собственный авторитетъ. Въ нѣмецкомъ текстѣ Манифеста это мѣсто гласитъ такъ:

Die Mittelstände.... sie sind nicht revolutionär, sondern konservativ. Noch mehr, sie sind reaktiomär.... Sind sie revolutionär, so sind sie es im Hinblick auf den ihnen bevorstehenden Übergang ins Proletariat.... so verlassen sie ihren eigenen Standpunkt, um sich auf den des Proletariats zu stellen.

Переводъ Плеханова является не только неточнымъ, но и двусмысленнымъ. „Они реакціонны. Революціонны же они постольку, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата." Выходитъ такъ, что эти слои съ одной стороны реакціонны, съ другой стороны революціонны. Слово „поскольку", котораго нѣтъ въ нѣмецкомъ текстѣ и которое изъ перевода Плеханова попало въ нашу программу, можетъ быть истолковано въ двухъ смыслахъ:

I — Трудящееся и эксплуатируемое населеніе страдаетъ отъ капитализма и борется противъ него. Но историческое значеніе

этой борьбы не однородно для всей массы. Большая ея часть въ борьбѣ противъ буржуазіи, задерживая естественный процессъ развитія общества, является реакціонной, но нѣкоторая ея часть, именно тѣ ея слои, которымъ предстоитъ переходъ въ пролетаріатъ, способна понять идеалъ пролетаріата, стать на точку зрѣнія пролетаріата. Поэтому мы должны „звать“ не всю массу трудящихся и эксплуатируемыхъ, а только часть ея, столько изъ нея, сколько будетъ способно стать на точку зрѣнія пролетаріата. Если такъ понять выраженіе нашей программы „поскольку“, то не нужно говорить, что мы зовемъ всѣ слои, слѣдовало бы сказать „тѣ слои, которые и проч.“. Кромъ того, даже и тѣ слои мы не можемъ звать въ свои ряды. Манифестъ признаетъ за ними лишь революціонное значеніе и потому мы можемъ звать ихъ на борьбу рядомъ съ нами, но не въ нашихъ рядахъ, куда они неизбѣжно внесли бы и свои предразсудки переходныхъ слоевъ.

II — Но текстъ программы можетъ быть истолкованъ и иначе. Средніе слои, вообще говоря, реакціонны; но отчасти, въ нѣкоторыхъ своихъ требованіяхъ, именно въ тѣхъ, которые могутъ быть выставлены и съ точки зрѣнія пролетаріата, они революціонны и поскольку они революціонны, постольку они могутъ войти въ ея ряды. Напримѣръ, низверженіе самодержавія есть актъ, желаемый и съ точки зрѣнія пролетаріата, а потому онъ революціоненъ и такъ какъ онъ желателенъ для всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ слоевъ, то всѣ они могутъ и должны войти въ нашу партію, но лишь постольку, поскольку она ставитъ себѣ эту цѣль, когда же эта цѣль будетъ достигнута, эти слои уйдутъ изъ нашей партіи, пока же все таки полезно воспользоваться ихъ помощью. Такую „защиту“ программы Искры мнѣ приходилось выслушивать отъ ея сторонниковъ во время моихъ рефератовъ противъ этой программы. Я отвѣчалъ имъ, что авторы программы едвали будутъ благодарны за такую защиту. Искра начнетъ бороться противъ этой мысли тогда, когда она будетъ высказана въ прокламаціяхъ нашихъ комитетовъ, но тогда эта борьба будетъ связана съ новою ломкою, расколами и ссорами. Авторы такихъ прокламацій будутъ ссылаться на нашу программу, указывать, что вѣдь она зоветъ въ наши ряды всѣ слои.... разумѣется, поскольку они переходятъ „на точку зрѣнія пролетаріата“. Но что же это за „точка зрѣнія“? И дѣйствительно ли она можетъ испугать соціалистовъ-революціонеровъ?

Когда соціалдемократы писали перомъ Плеханова, что интеллигенты должны навсегда прекратить свои споры о наилучшей изъ программъ, потому что пролетаріатъ высказалъ свою программу, то конечно соціалисты-революціонеры не могли съ этимъ примириться и не только потому, что эта фраза — парадоксъ, но и потому, что лежащая въ ней вѣрная мысль чужда взглядамъ С. Р. Эта вѣрная мысль заключается въ томъ, что „точка зрѣнія пролетаріата“ создается самимъ пролетаріатомъ. Но разъ эта „точка зрѣнія“ не есть нѣчто опредѣленное, классовымъ движеніемъ пролетаріата созданное, что нами можетъ быть или приз-

пано, или отклонено, а наоборотъ, нами вырабатывается и является въ пролетаріатѣ „извнѣ внесенной“, какъ говоритъ Ленинъ, или — какъ еще лучше говоритъ т. Горинь — „ученіемъ импортированнымъ“ (стр. 128), то тогда С. Р.-амъ нечего бояться, они могутъ вполнѣ согласиться на формулировку этого пункта въ программѣ Искры. Конечно. они расходятся съ авторами программы въ вопросѣ о томъ, какова должна быть точка зрѣнія пролетаріата и всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ населенія, которые будутъ въ рядахъ нашей партіи, точнѣе говоря, какова должна быть точка зрѣнія, на которую мы должны поставить всѣ эти слои; но вѣдь это дѣло убѣжденій, это наше дѣло, а не дѣло тѣхъ, кому мы понесемъ нашу программу, а потому можно надѣяться, что путемъ доводовъ и опыта намъ удастся столковаться.

Такое отношеніе С. Р. къ „точкѣ зрѣнія пролетаріата“ вовсе не гипотетически мною высказывается, оно формулировано въ **Вѣстникѣ Русской Революціи № 3:**

„Мы понимаемъ, что когда.... ставятъ соціалистическій переворотъ въ зависимость отъ воли «громаднаго большинства» націи.... то между такой точкою зрѣнія и народовольческой должна открываться глубокая пропасть. Но когда революціонный марксизмъ признаетъ неизбѣжность вмѣшательства сознательнаго меньшинства въ извѣстный моментъ общественной эволюціи, то разница между такимъ марксизмомъ блѣднѣетъ и совершенно исчезаетъ.... Пусть революціонный марксизмъ не думаетъ дѣлать на этой почвѣ какихъ нибудь тонкихъ и фиктивныхъ различій между своими и народовольческими взглядами. Послѣ всего, что мы слышали отъ соціалдемократической ортодоксіи, такихъ различій нѣтъ и не можетъ быть. ....И для той и для другой партіи рабочій классъ играетъ роль революціоннаго орудія, поскольку соціалистическая мысль вышибаетъ его изъ колеи чисто классовой борьбы.“

Соціалисты-Революціонеры хотятъ соединить въ одну политическую партію сознательные элементы трехъ различныхъ слоевъ „трудящагося и эксплуатируемаго населенія“. Это потому, что въ Россіи эти слои населенія еще недостаточно обособились, населеніе недостаточно дифференцировалось. Но именно по этой причинѣ и среди русскихъ соціалдемократовъ существуютъ „шатанія“, отклоненія отъ пролетарской точки зрѣнія; возможнымъ является частый переходъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ, даже рабочихъ организацій, изъ одной партіи въ другую. Эта то путаница понятій должна была отразиться и дѣйствительно отразилась на программѣ. „Безсознательный историческій процессъ“, окончательно дифференцировавъ эти слои, создастъ для каждаго изъ нихъ свою собственную, особую идеологію и сдѣлаетъ невозможнымъ такое смѣшеніе Но съѣздъ, если бы онъ былъ сознательнымъ выразителемъ этого процесса, долженъ бы былъ теперь же особенно внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе устранялись изъ программы соціалдемократіи

естественные пережитки прошлаго. Этого то и не сдѣлалъ съѣздъ, принявъ безъ критики программу Искры и въ частности пунктъ о „всѣхъ слояхъ“, санкціонирующій самую основу ошибокъ, противъ отдѣльныхъ проявленій которой теперь приходится бороться Искрѣ. Но такъ какъ она и теперь не видитъ ни идейной, ни реальной основы этихъ ошибокъ, то борьба ея для своей побѣды неизбѣжно должна будетъ ждать, пока безсознательный историческій процессъ самъ ослабитъ эти основы. Ожиданье это сопряжено съ болѣзненными раздорами внутри партіи. Съѣздъ сократилъ бы этотъ мучительный процессъ, если бы.... если бы онъ самъ стоялъ на высотѣ своихъ задачъ. Нравственная отвѣтственность за безуспѣшность работъ съѣзда въ этомъ направленіи лежитъ на его организаторахъ, поставившихъ фракціонные интересы выше общепартійныхъ и устранившихъ отъ съѣзда или заставившихъ молчать всѣхъ тѣхъ, кто своей критикой программы могъ бы помочь товарищамъ правильно взглянуть на цѣли и задачи партіи.

Но если такъ, если мы не можемъ собрать въ свои ряды всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, то значитъ наша партія является дѣйствительно узко классовой и печется объ интересахъ только одного пролетаріата? Ничуть! Напротивъ. Наша партія должна взять на себя борьбу противъ всего реакціоннаго, противъ всего несправедливаго, противъ всего жестокаго, противъ всего безнравственнаго въ нашемъ обществѣ и потому она можетъ и должна бороться за всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ. Этимъ она завоюетъ себѣ симпатіи и во многихъ случаяхъ поддержку всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ населенія. Но чтобы она могла сохранить свои моральныя силы для этой великой своей задачи, надо, чтобы она оставалась чисто пролетарскою партіей по своему составу, а тѣмъ самымъ и по своему духу, по своей программѣ. Ошибка Искры, какъ соціалдемократической группы, именно состояла въ томъ, что съ одной стороны она „отправляла отряды“ всюду и „звала въ свои ряды“ всѣ слои населенія, даже не только одного трудящагося и эксплтатируемаго, съ другой стороны хотѣла изгнать изъ нашей партіи чисто пролетарскія оргонизаціи, не желавшія стать на ея точку зрѣнія, и не раздѣлявшія программу, которую группа Искры считала „истинно пролетарскою“, которую, по мѣткому выраженію фельетониста въ № 62 „сочинила редакція Искры.“

Но настаивая на иной редакціи нашей программы, не отклоняюсь ли я тѣмъ самымъ отъ программы революціонной Соціалдемократіи, не становлюсь ли оппортунистомъ, бернштейніанцемъ и проч. и проч. Всякій, кто пожелаетъ прочитать программы нашихъ западно-европейскихъ товарищей, легко убѣдится въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ: 1) въ современныхъ программахъ, гдѣ имѣется пунктъ о „другихъ слояхъ“, онъ редактированъ такъ, какъ я хотѣлъ редактировать нашу программу. 2) *Ни въ одной программѣ* этотъ пунктъ не содержитъ той мысли, которая выражена въ программѣ Искры.

Вотъ текстъ Эрфуртской и Вѣнской программъ:

„Соціалдемократическая партія Германіи борется не за новыя классовыя привиллегія и преимущества, но за уничтоженіе классового господства и самихъ классовъ, за равенство правъ и обязанностей всѣхъ, безъ различія пола и происхожденія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, она борется въ современномъ обществѣ не только съ эксплуатаціей и угнетеніемъ рабочихъ, но и со всякимъ видомъ эксплуатаціи и порабощенія, все равно, направлено ли оно противъ класса, партіи, пола или расы.“ (Эрф. Пр.)

„Соціалдемократическая Рабочая Партія въ Австріи.... осуждаетъ и борется противъ всѣхъ ограниченій свободно выражать свое мнѣніе, а также противъ всякой опеки со стороны государства и церкви. Она добивается законной защиты жизненнаго уровня трудящ*ихся* клас*совъ* и борется за то, чтобы доставить пролетарьяту какъ можно больше вліянія во всѣхъ областяхъ общественной жизни.“ (Вѣнск. Пр.)

„Возраженія“ т. Троцкаго были еще менѣе существенны, если это возможно. И т. Троцкій началъ съ „сожалѣнія“, что я „не связалъ съ проэктомъ программы“ „широкаго размаха“ моей критики. Уже изъ этого видно, на сколько просто смотрѣлъ т. Троцкій на задачу критики программы: онъ очевидно ждалъ, что я въ десять минутъ со всѣмъ покончу и принялъ мое вступленіе за критику и сожалѣлъ, что оно не связано съ проэктомъ.

Какъ видно изъ протоколовъ (стр. 123, 124), это мое вступленіе было связано съ проэктомъ программы нѣсколькими комментаріями моей общей мысли, а именно четырьмя, и въ томъ числѣ, между прочимъ, краткой ссылкой на пунктъ о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ. Т. Троцкій къ сожалѣнію замѣтилъ только этотъ послѣдній пунктъ: „Только въ одномъ пунктѣ т. А. вполнѣ ясно и принципіально противопоставляетъ себя разбираемому проэкту, это въ пунктѣ о диктатурѣ пролетаріата.“ (стр. 132)

Далѣе т. Троцкій резюмируетъ мою мысль о диктатурѣ. Я сказалъ, что „пунктъ о завоеваніи политической власти получилъ по сравненію со всѣми соціалдемократическими программами такую редакцію, что.... роль руководящей организаціи должна будетъ отодвинуть назадъ руководимый ею классъ“; или, какъ это резюмировалъ т. Троцкій, „переноситъ центръ тяжести.... съ класса на партію“. Но такъ какъ т. Троцкій „зналъ“, что я оппортунистъ и бернштейніанецъ, то кстати онъ прибавилъ—резюмируя якобы мою мысль—будтобы я вижу недостатокъ проэкта еще и въ томъ, что онъ „переноситъ центръ тяжести съ повседневной борьбы на революціонную диктатуру.“ Но я такого взгляда никогда не высказывалъ. Приписавъ мнѣ такимъ образомъ мысль, будто бы я хочу реформами замѣнить революцію, т. Троцкій болѣе или менѣе убѣдительно раскритиковалъ этотъ соціалреформизмъ; то, что онъ говорилъ—вѣрно,*) только къ моимъ взглядамъ это

---

*) Не касаюсь здѣсь взглядовъ Троцкаго на Соц.-Рев., которые

никакого отношенія не имѣетъ, какъ это видно изъ настоящей брошюры. Въ заключеніе т. Троцкій высказалъ свой взглядъ на „диктатуру пролетаріата", съ которымъ я совершенно согласенъ, но именно поэтому то я и считаю нашу программу плохо передающей мысль о завоеваніи политической власти. „Его пугаетъ диктатура пролетаріата, какъ якобинскій актъ." Да, именно; пусть т. Троцкій спроситъ у т. Т., автора фельетона въ № 62. Оказывается, что многіе смѣшиваютъ диктатуру пролетаріата съ диктатурой надъ пролетаріатомъ. Вотъ это самое я говорилъ на съѣздѣ и предлагалъ ясно и опредѣленно высказать мысль о завоеваніи власти въ соотвѣтствіи со всѣми западно-европейскими программами, такъ, чтобы наша программа вносила свѣтъ въ разсужденіе тѣхъ, кто смѣшиваетъ эти понятія, теперь же она вноситъ только туманъ.*)

ему вообще представляются въ ложномъ свѣтѣ.

*) Въ только что вышедшемъ № 67 Искры, въ приложеніи, т. Мартовъ говоритъ:

„Акимовъ неправильно утверждалъ, что диктатура въ нашей программѣ понимается народовольчески, какъ диктатура партіи, а не класса. Отвѣтъ на этотъ упрекъ см. въ рѣчи Троцкаго, протоколы, стр. 132. Съ тѣхъ поръ, какъ Акимовъ жирондистскій говорилъ это, появились Акимовы якобинскіе—сирѣчь уральскіе, и не шутя заговорили о диктатурѣ диктатора надъ партіей, а партіи надъ классомъ." — На съѣздѣ и въ комиссіи я высказывалъ опасеніе, что пунктъ программы о завоеваніи пролетаріатомъ политической власти можетъ быть понятъ многими въ извѣстномъ смыслѣ, нежелательномъ ни мнѣ, ни Троцкому. Троцкій отвѣчалъ мнѣ, что я напрасно „пугаюсь". Теперь уральскіе товарищи доказали, что оптимизмъ Троцкаго былъ, къ сожалѣнію, неоснователенъ, а мои опасенія къ несчастью подтвердились. Поэтому т. Мартовъ совершенно неумѣстно ссылается на рѣчь Троцкаго, какъ якобы меня разбивающую. Вмѣсто этого т. Мартовъ обязанъ бы былъ признать, что дѣйствительность *и въ этомъ* осудила невнимательное отношеніе его и его товарищей къ указаніямъ „такъ называемыхъ экономистовъ". Говорю „и въ этомъ", потому что тоже самое случилось и во многихъ другихъ вопросахъ и новой Искрѣ слѣдовало бы прямо заявить, что она признаетъ ошибочной позицію старой Искры по отношенію къ „такъ назыв. экономистамъ". Искра указывала одесскому комитету, что если его коробитъ всякое признаніе заслугъ новой Искры, то онъ можетъ перепечатывать статьи Искры безъ указанія источника. Я тоже ничего не имѣю противъ того, что новая Искра въ каждомъ своемъ номерѣ повторяетъ цѣлыя фразы и мнѣнія изъ статей Кричевскаго и Мартынова, и даже Schlagwort'ы изъ литературы „такъ наз. экономистовъ". Но я считаю не корректнымъ и вреднымъ для дѣла, когда Искра, дѣлая это, въ тоже время дѣлаетъ видъ, что измѣнилась не она, а „такъ наз. экономисты". Я однако увѣренъ, что наши общіе друзья

Что же возражалъ мнѣ „революціонеръ—голосъ“, т. Ленинъ? Для него было совершенно ненужно и нежелательно подхватывать возраженія, отвѣчать на нихъ по существу. Онъ не думалъ, что съѣздъ можетъ чему нибудь его научить. Онъ самъ хотѣлъ научить съѣздъ, согласно своему представленію о роли вожака. И для этого онъ выработалъ или, какъ выразился т. Т. въ № 63 Искры, „сочинилъ“, точнѣе — поручилъ сочинить программу. Всякія разсужденія, всякія споры могли бы только заронить въ членовъ съѣзда сомнѣнія, вызвать критику его программы. Поэтому онъ просто сдѣлалъ видъ, что всѣ возраженія противъ программы несомнѣннѣйшимъ образомъ оппортунистичны. Что онъ понималъ, насколько могутъ быть „опасны“ всякія разсужденія, показываютъ его тщательныя старанья устранить отъ съѣзда всѣхъ „критиковъ“. Опасность даже и тогда не была устранена, когда эта цѣль была достигнута и понадобились „ежевыя рукавицы“ бюро съѣзда. Читая теперь, post factum, въ протоколахъ съѣзда Лиги, о томъ, какія мѣры предосторожности принимались, чтобы съѣздъ не проявилъ непослушанья, невольно спрашиваешь: „на кого-же, матушка,“ эти рукавицы, вѣдь враги то уже всѣ были устранены, а тѣ, которые всетаки проникли на съѣздъ, составляли микроскопическую часть съѣзда и легко могли быть усмирены „безъ пролитія крови“. Послѣдующія событія показали, что „ежевыя рукавицы“ нужны были „на себя“, и оказались средствомъ недостаточно сильнымъ. Но это обнаружилось позднѣе, когда съѣздъ перешелъ къ конкретнымъ вопросамъ *) организаціи и тактики, въ области же программныхъ и принципіальныхъ вопросовъ его легко было удержать въ предѣлахъ желательнаго, даже безъ ежовыхъ рукавицъ, одною только дирижерскою палочкою.

Какой же знакъ дала дирижерская палочка по отношенію къ „критикамъ“ проэкта программы? „Они показали наглядно, что именно объ эпизодѣ борьбы съ экономизмомъ идетъ здѣсь рѣчь. Они выступили съ воззрѣніями, которыя уже были названы—и

„изъ твердыхъ“ не преминутъ доказать сопоставленіями и цитатами „сродство душъ“ новаго искризма съ „такъ наз. экономистами“ Кажется только въ этомъ одномъ „такъ наз. экономисты“ сходятся съ твердыми: les extrêmes se touchent!

Въ то время, какъ я читалъ послѣднюю корректуру этихъ страницъ, я получилъ только что вышедшую брошюру Черевашина. Я очень желаю самаго широкаго распространенія этой брошюры; она прекрасно резюмируетъ самыя насущныя организаціонныя задачи нашей партіи. Но ея авторъ вѣроятно будетъ удивленъ найти въ вышеприведенномъ документѣ, относящемся къ періоду „такъ наз. экономизма“, именно тѣ принципы, которые онъ защищаетъ теперь въ борьбѣ съ искризмомъ.

*) Члены съѣзда, какъ настоящіе искровцы, очень презирали людей „мыслящихъ конкретно“. Но протоколы съѣзда показываютъ, что только конкретныя, непосредственныя задачи оказались доступны съѣзду, да и то не могли быть имъ разрѣшены.

справедливо названы—оппортунизмомъ. Они дошли до „опроверженія“ теоріи обнищанія и до оспариванія диктатуры пролетаріата.“ (Ленинъ. Протоколы, стр. 129)

Въ это время, какъ я уже сказалъ, съѣздъ еще оправдывалъ надежды т. Ленина, а потому даже эти слова его онъ принялъ безъ „критики“. По отношенію къ т. Мартынову эти упреки были приведены уже исключительно по соображеніямъ à la guerre — comme à la guerre, потому что т. Мартыновъ не только никогда не „опровергалъ“ и не „оспаривалъ“ вышеуказанныхъ догматовъ, но только что передъ тѣмъ заявилъ, да еще и подчеркнулъ, что онъ „не отрицаетъ ни теоріи обнищанія, ни диктатуры пролетаріата“ (стр. 127). Что касается меня, то, какъ бы кто ни относился къ моимъ взглядамъ на теорію обнищанія и на диктатуру, думаю, что никто не можетъ приписать оппортунизму тѣ поправки, которыя я требовалъ для нашей программы, хотя бы уже потому, что мои поправки были взяты мною цѣликомъ изъ Вѣнской и Эрфуртской программъ, специально для успокоенія тѣхъ, кто самъ не можетъ отличить оппортунизма отъ ортодоксіи. Несомнѣнно и Ленинъ понималъ, что подобныя обвиненія онъ можетъ выставлять только голословно, а потому и постарался прекратить дальнѣйшіе споры.

Другое „возраженіе“ Ленина мнѣ кажется особенно возмутительнымъ: „Они дошли даже до Erfühllungstheorie, какъ выразился т. А. Правда, я не знаю, что это значитъ....“ Тутъ и т. Ленинъ „не знаетъ“, но это, конечно, и ему, какъ и Мартову, какъ и Троцкому, не мѣшаетъ „разбивать“ то, чего онъ не знаетъ. „Не хотѣлъ ли т. А. сказать объ Aushöhlügstheorie, о „теоріи опорожненія“ капитализма, т. е. объ одной изъ самыхъ популярныхъ ходячихъ идей бернштейніанской теоріи.“

Такимъ образомъ т. Ленинъ подставилъ вмѣсто одной теоріи совершенно другую, ничего общаго съ первою не имѣющей; мало того: я въ моей рѣчи говорилъ *противъ* первой теоріи, онъ же сдѣлалъ видъ, будто я *защищалъ* вторую теорію, будто „дошелъ до“ самыхъ популярныхъ идей бернштейніанства.

Съѣздъ и это слушалъ спокойно.

Насмѣшки нужны были, конечно, и т. Ленину. Безъ нихъ можно ли вести программный споръ? „Т. А. въ защитѣ старыхъ базисовъ экономизма выступилъ даже съ такимъ невѣроятно оригинальнымъ доводомъ, что у насъ въ программѣ слово пролетаріатъ не стоитъ ни разу въ именительномъ падежѣ. Итакъ, оказывается, что именительный падежъ почетный, а родительный стоитъ на второмъ мѣстѣ по почетности!“

Дѣйствительно, падежи не одинаково „почетны“. Для краткости приведу только одинъ примѣръ: „Въ вопросахъ, возникшихъ послѣ съѣзда, т. Мартовъ побѣдитъ т. Ленина“. Если только перемѣнить падежи, то получится: „т. Мартова побѣдитъ т. Ленинъ“.

Тутъ только падежи измѣнены.

Я указалъ на съѣздѣ на то обстоятельство, что въ проэктѣ программы понятія „соціалдемократія“ и „пролетаріатъ“ рѣзко разграничены и первая фигурируетъ вездѣ какъ субъектъ, какъ

активное лицо и потому ея имя вездѣ стоитъ въ имянительномъ падежѣ, а второй какъ объектъ дѣятельности соціалдемократіи, какъ пассивная среда, и его имя всегда поставлено въ косвенныхъ падежахъ. Въ противоположность этому я защищаю тотъ взглядъ, что соціалдемократія есть самъ сознател ный пролетаріатъ, точнѣе, сознательная часть пролетаріата и это онъ самъ дѣйствуетъ какъ партія. Можно различно относиться къ этому моему возраженію противъ программы. Но если человѣкъ завѣдомо не невѣжественный заявляетъ, что мое возраженіе есть „оригинальный доводъ о почетности надежей“, то.... Когда то Люгеръ, вожакъ вѣнскихъ антисемитовъ, говорилъ, что его партія приметъ такое рѣшеніе, какое онъ хочетъ, она даже выберетъ чучело въ депутаты, если Люгеръ ей это посовѣтуетъ. Можетъ быть т. Ленинъ испытывалъ преданность себѣ съѣзда, когда позволялъ себѣ подобныя выходки? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ остаться доволенъ своими опытами.

Перехожу, наконецъ, къ возраженіямъ „революціонера—дипломата“, т. Плеханова.

Міровоззрѣніе т. Плеханова сложилось въ эпоху Готской программы. Обыкновенно считаютъ Готскую программу компромиссомъ между тогдашними фракціями нѣмецкой соціалдемократіи. Но уже Мерингъ указалъ, что въ сущности она выражала общія тогда Лассальянцамъ и Эйзенахцамъ взгляды еще недостаточно развитой, не совсѣмъ сложившейся нѣмецкой соціалдемократіи. Но именно формулы слагавшейся соціалдемократіи всего ближе могли быть представителямъ русскаго соціализма, въ свою очередь въ то время едва подготовленнаго обстоятельствами русской жизни, ходомъ развитія русскаго революціоннаго движенія къ признанію принциповъ международной соціалдемократіи. Въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайный интересъ изученіе программы Гр. Осв. Тр,, выдѣленіе тѣхъ ея особенностей, которыя явились пережитками чисто русскихъ революціонныхъ программъ, тѣхъ, которыя общи тогдашнимъ формамъ движенія и русскаго, и европейскаго, и тѣхъ, которыя были подсказаны авторамъ болѣе передовымъ движеніемъ на Западѣ и явились для русскаго движенія новшествомъ, предвозвѣстіемъ идей, еще не подсказанныхъ условіями русской дѣйствительности.

Съ тѣхъ поръ наше русское движеніе примкнуло къ международному пролетарскому движенію и вмѣстѣ съ нимъ развивалось, усложнялось; параллельно съ нимъ развивались и его формулы—программы. Отъ нѣкоторыхъ важныхъ положеній своей старой программы Г. О. Т. уже отказалась — и это дѣлаетъ ей честь, потому что доказываетъ, что она жила вмѣстѣ съ движеніемъ—отъ другихъ она еще должна будетъ отказаться.

Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, „теорія обнищанія“ и „диктатура“. Т. Плехановъ является ихъ защитникомъ; но онъ лучше, чѣмъ кто нибудь, знаетъ, что въ рядахъ международной соціалдемократіи у него въ этомъ отно-

шеніи слишкомъ мало единомышленниковъ. Если бы споръ поднялся на съѣздѣ по существу этихъ вопросовъ, то Плеханову пришлось бы убѣждать съѣздъ отступить отъ общепринятыхъ въ настоящее время взглядовъ соціалдемократіи. Гораздо проще было устранить эти вопросы.

Однако, одно мое возраженіе, которое было собственно направлено не противъ Плеханова, а противъ Ленина, Плехановъ не могъ оставить безъ „отвѣта". Я отмѣтилъ, что „основная мысль книжки „Что дѣлать", которая нашла себѣ выраженіе въ въ проэктѣ программы, совершенно не совпадаетъ съ тѣмъ, что писалъ Плехановъ въ своихъ комментаріяхъ, и я убѣжденъ, что Плехановъ не согласенъ съ Ленинымъ." (стр. 123) Делегатамъ— какъ отмѣчаетъ протоколъ—это показалось смѣшнымъ.

Плехановъ сдѣлалъ въ своей жизни двѣ непростительныя и непоправимыя ошибки. Своимъ молчаніемъ онъ сознательно поддержалъ, санкціонировалъ два раза тяжелыя отклоненія, которыя дѣлала русская соціалдемократическая мысль въ мучительныхъ поискахъ правильнаго пути. Когда среди, тяжелой борьбы, среди трудной всечасной революціонной работы „экономизмъ" въ злободневныхъ задачахъ умалилъ наши задачи политическія, съузилъ нашу программу, нашъ посохъ согнулъ въ лукъ — онъ молчалъ. Когда появилась брошюра „объ агитаціи" — онъ молчалъ; когда она была переиздана въ его типографіи — онъ молчалъ и только черезъ 6 лѣтъ послѣ этого, когда наступило новое время, онъ сказалъ: — мнѣ очень жаль, но это неоспоримая истина: брошюра эта написана очень серьезными и умными людьми, но въ ней— корень экономизма. Когда лукъ былъ перегнутъ въ другую сторону, и отъ этого нашъ посохъ по прежнему не годенъ былъ быть нашей опорой, когда въ книжкѣ Ленина были искажены основные принципы научнаго соціализма — онъ молчалъ; когда публиковался и пропагандировался проэктъ программы партіи, явно расходящійся съ тѣмъ, что онъ самъ писалъ по поводу этого проэкта —онъ молчалъ о его недостаткахъ и поддерживалъ его.

Я говорилъ ему все это. Онъ, какъ товарищъ и теоретикъ соціалдемократіи, обязанъ былъ мнѣ отвѣтить, но онъ этого не сдѣлалъ.

Я задавалъ ему этотъ вопросъ на его публичныхъ рефератахъ —онъ уклонялся отъ отвѣта. Я доказывалъ это въ своихъ рефератахъ—онъ не являлся на нихъ. Я вызывалъ его на отвѣтъ передъ лицемъ нашего съѣзда—онъ отдѣлался шуточкой.

Вотъ его слова (стр. 133): „У Наполеона была страстишка разводить своихъ маршаловъ съ ихъ женами. Иные маршалы уступали ему, хотя и любили своихъ женъ. Т. Акимовъ въ этомъ отношеніи похожъ на Наполеона, онъ во что бы то ни стало хочетъ развести меня съ Ленинымъ. Но я проявлю больше характера, чѣмъ наполеоновскіе маршалы. Я не стану разводиться съ Ленинымъ и надѣюсь, что и онъ не намѣренъ разводиться со мною."

Съѣзда смѣялся. Оно и дѣйствительно смѣшно: одною шуткою теоретикъ русской соціалдемократіи отклонилъ указаніе на

то, что два лидера нашей партіи принадлежатъ въ кардинальномъ вопросѣ программы къ двумъ различнымъ направленіямъ международной соціалистической мысли. Ничего! Теперь, когда книжка „Что дѣлать“ отживаетъ свой вѣкъ, теперь мы навѣрное скоро узнаемъ отъ Плеханова, что онъ никогда съ нею не былъ согласенъ.

Протоколы отмѣчаютъ также, что и т. Ленинъ смѣялся и качалъ головой въ знакъ нежеланія разводиться. Мой бѣдный маршалъ Ленинъ! Предчувствовалъ ли онъ тогда, какъ скоро онъ останется соломеннымъ вдовцемъ? Плехановъ даже въ этой шуткѣ былъ неправъ. Я не былъ похожъ на Наполеона даже и въ его страстишкахъ. Я не разводилъ Ленина съ Плехановымъ, я только предсказывалъ — и предсказалъ вѣрно. Это даетъ мнѣ теперь смѣлость сдѣлать дальнѣйшее предсказаніе: Маршалъ Мартовъ — готовьтесь! Скоро и Вамъ понадобится разводная, потому что Вы съ Плехановымъ принадлежите къ разнымъ теченіямъ соціалдемократіи.

Плехановъ, какъ и всѣ мои возражатели на съѣздѣ, тоже сомнѣвается, вѣрно ли онъ меня понялъ. Но, само собою разумѣется, это не могло и ему помѣшать разбивать меня.

„По мнѣнію т. Акимова — говоритъ т. Плехановъ (стр. 127) — если я его правильно понялъ, положеніе рабочаго класса въ буржуазномъ обществѣ не только не ухудшается абсолютно, но не ухудшается и относительно.“ Я сидѣлъ тутъ же, и Плеханову ничего не стоило спросить меня, такъ ли онъ меня понялъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ этомъ не былъ увѣренъ. Но онъ, конечно, не спросилъ; я перебилъ его (стр. 127) и крикнулъ ему, что онъ не вѣрно меня понялъ. Но не смотря на мой протестъ, онъ все таки продолжалъ доказывать, что этотъ приписанный имъ мнѣ взглядъ—съ этого момента уже завѣдомо для него не принадлежащій мнѣ взглядъ—„логически и неизбѣжно долженъ привести къ оппортунизму.“ Сверхъ этого Плехановъ приписалъ мнѣ еще и другой взглядъ, который я нигдѣ никогда не высказывалъ и съ которымъ ничего общаго не имѣю: „постепенныя улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ существованія рабочаго класса могутъ привести къ соціализму“. Послѣ этого, разсужденіями о сущности капитализма, ссылками на нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ настоящаго и прошлаго столѣтій Плехановъ торжественно доказалъ, что отрицаніе Акимовымъ „и относительнаго“ обѣдненія „ставитъ его подъ знамя оппортунизма“. Послѣ этой торжественной ученой рѣчи Плехановъ прибавилъ: „Но нѣтъ, т. Акимовъ, мы туда не пойдемъ, насъ зоветъ непрерывно совершающееся и относительное, и *абсолютное* ухудшеніе положенія.... пролетаріата.“ Такимъ образомъ. „самый важный изъ жгучихъ вопросовъ нашихъ дней, такъ сильно волнующихъ соціалдемократовъ всего міра, вокругъ котораго расположились всѣ остальные“ вопросы (Плехановъ, Заря № 3-4, стр. 10) былъ обойденъ, и мысль объ абсолютномъ ухудшеніи положенія рабочихъ высказана какъ бы между прочимъ, какъ не требующая доказательствъ, а между тѣмъ я только противъ нее и спорилъ.

Что же это такое? Значитъ у насъ, въ нашей партіи, возможны такіе факты, возможно, чтобы лидеры партіи въ присутствіи 50 делегатовъ всей соціалдемократіи Россіи, лишивъ возможности возражать имъ, на глазахъ у всѣхъ искажали съ баснословной, невѣроятной.... смѣлостью взгляды своего противника, и никто, ни одинъ изъ этихъ товарищей, не возмутился, не перебилъ ихъ, не крикнулъ, что это—позорно!....

Одинъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей и пріятелей, которому я писалъ обо всемъ этомъ, отвѣтилъ мнѣ, что хотя я и правъ въ моихъ чувствахъ къ этимъ фактамъ, но не слѣдуетъ придавать такое большое значеніе поступкамъ отдѣльныхъ лицъ. Но для меня эти событія имѣли огромное принципіальное значеніе и можетъ быть за двѣнадцать лѣтъ моей революціонной работы ни одно событіе не производило на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ этотъ фактъ. Я считалъ себя членомъ партіи, которая „въ основу своей дѣятельности полагаетъ правду и справедливость“, какъ гласитъ уставъ Интернаціонала. Сколько ни видѣлъ я неправды и несправедливости, я переживалъ ее какъ болѣзненное, мучительное разочарованіе въ отдѣльныхъ, хотя и дорогихъ мнѣ когда то, лицахъ. Но здѣсь неправда и несправедливость была совершаема передъ лицомъ пятидесяти представителей соціалдемократіи и не вызвала ни одного, ни одного протеста....

Не раціонально было бы объяснять все это чертами личнаго характера тѣхъ изъ участниковъ съѣзда, которые не могутъ сказать въ свое оправданіе: „не вѣдали, что творили“. Необходимо найти тотъ общій принципъ, изъ котораго исходили члены съѣзда, сознательно совершившіе, какъ нѣчто должное, то, что мнѣ представляется возмутительнымъ и недопустимымъ.

Мнѣ кажется, что такой принципъ есть и что онъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другіе теоретическіе принципы, опредѣлялъ тактику старой Искры. Онъ долженъ быть формулированъ, для того чтобы всѣ члены нашей партіи могли занять по отношенію къ нему опредѣленную позицію. Здѣсь я хотѣлъ бы только высказать увѣренность, что въ этомъ вопросѣ будутъ заняты со временемъ русскими соціалистами двѣ рѣзко враждебныя, непримиримыя позиціи, которыя измѣнятъ не только группировки внутри нашей партіи, но и отразятся на группировкѣ по партіямъ.

Съѣздъ не занимался выясненіемъ этого вопроса, но одна коротенькая рѣчь т. Посадовскаго вызвала инцидентъ, который, я увѣренъ, не будетъ забытъ.

По поводу поправки, предложенной въ комиссіи т. Брукэръ, о внесеніи въ программу требованія пропорціональнаго представительства, т. Посадовскій сказалъ (стр. 168):

„Заявленія, сдѣланныя здѣсь за и противъ поправокъ, представляются мнѣ споромъ не изъ-за деталей, а серьезнымъ разногласіемъ; несомнѣнно, что мы не сходимся по слѣдующему основному вопросу: *„нужно ли подчинить нашу будущую политику тѣмъ или другимъ основнымъ демократическимъ принципамъ, при-*

знавъ за ними абсолютную цѣнность, или же *всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи?* Я рѣшительно высказываюсь за послѣднее. Нѣтъ ничего такого среди демократическихъ принциповъ, чего мы не должны были бы подчинить *выгодамъ нашей партіи.*" (курсивъ П.)

Т. Посадовскаго перебили восклицанія: „И неприкосновенность личности?"

Да, отвѣтилъ т. Посадовскій, и неприкосновенность личности! Какъ партія революціонная, стремящаяся къ своей конечной цѣли — соціальной революціи — мы исключительно съ точки зрѣнія выгодъ нашей партіи должны относиться къ демократическимъ принципамъ. Если то или другое требованіе будетъ невыгодно намъ, мы его не будемъ вводить.

Т. Плехановъ тотчасъ же взялъ слово, чтобы поддержать Посадовскаго: „Вполнѣ присоединяюсь къ словамъ т. Посадовскаго... если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или иного демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться. Какъ личное свое, мнѣніе я скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основного принципа демократіи — salus populi suprema lex est. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда то его политическія права."

Въ отвѣтъ на эту рѣчь раздались рукоплесканія и шиканье. Кто то протестовалъ противъ шиканья; т. Егоровъ всталъ и сказалъ: „Разъ такія рѣчи вызываютъ рукоплесканья, то я обязанъ шикать."

Посадовскій коротко формулировалъ спорный принципъ. Плехановъ еще короче выразилъ свою позицію по отношенію къ нему. Онъ сказалъ: salus revolutiae suprema lex est. Это значитъ: цѣль оправдываетъ средство.

Я же думаю, что самая соціальная революція есть только средство уничтожить іезуитизмъ современной жизни.

То, что одни ставятъ себѣ цѣлью уничтожить, то другіе считаютъ основнымъ принципомъ своимъ. Всѣ остальные вопросы программы являются частными по сравненію съ этимъ....

Изъ девиза „твердыхъ" съ естественной необходимостью и съ логической послѣдовательностью вытекаетъ „нечаевщина". Теперь т. Мартовъ возмущается ею; жаль, что только теперь онъ ее замѣтилъ, но, конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда. Только пусть т. Мартовъ потрудится найти принципіальные и реальные корни этой нечаевщины въ нашей партіи. Слишкомъ поверхностно объяснять ее тѣмъ, что „у Ленина мѣдный лобъ". Ленинъ бланкистъ и все бланкистское ему не чуждо.

* * *

„Меньшинство“ заявляетъ, что оно раздѣляетъ всѣ принципы программы, но расходится съ организаціонными принципами ея главнаго автора. Но для чего же нужна программа, если она не опредѣляетъ собою даже такихъ основныхъ, рѣшающихъ событій въ жизни партіи, какъ выборъ организаціоннаго принципа? Мнѣ вспоминаются горячія слова Розы Люксембургъ: „Наша программа была бы жалкимъ клочкомъ бумаги, если бы она не могла служить намъ при всѣхъ случайностяхъ и въ каждый моментъ нашей борьбы и служить именно тѣмъ, чтобы быть проводимою въ жизнь!“ Чѣмъ же нужно считать программу, чтобы заявить о своемъ согласіи со всѣми пунктами программы и потомъ признать невозможной совмѣстную работу, разойтись въ организаціонныхъ принципахъ? Это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ не понимаетъ той программы, подъ которой подписывается. Въ данномъ случаѣ или Ленинъ и Плехановъ не понимаютъ той программы, которую они сами составляли или не понимаютъ ее ихъ противники, которые приняли ее не обсуждая. Какъ смотритъ Ленинь на организацію, всѣмъ было извѣстно изъ его книжки „Что дѣлать“. Какъ смотритъ на это Плехановъ, было извѣстно — если уже не изъ всего прошлаго Плеханова — изъ его заявленія въ самомъ началѣ его комментаріевъ къ проэкту программы:

„Теперь уже никто изъ нашихъ товарищей не сомнѣвается писалъ онъ тамъ, въ необходимости крѣпкой организаціи того типа, который существовалъ въ Россіи во второй половинѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ — организаціи общества ‚Земля и Воля‘ и ‚Народной Воли‘ — Плехановъ и Ленинъ сходились въ своихъ организаціонныхъ принципахъ и эти принципы были только выводомъ изъ ихъ программы.

Но Плехановъ расходится съ Ленинымъ въ одномъ очень важномъ пунктѣ программы и тѣмъ приближается къ „меньшинству“. Вотъ почему Плехановъ занимаетъ промежуточную позицію въ организаціонномъ вопросѣ, вотъ почему онъ колеблется, какую выбрать формулировку перваго параграфа устава и не видитъ въ этихъ двухъ формулировкахъ рѣзкаго противорѣчія.

Если происходитъ абсолютное ухудшеніе положенія рабочихъ, если рабочій оказывается все въ болѣе и болѣе худшихъ жизненныхъ условіяхъ, если онъ поэтому становится все менѣе и менѣе способнымъ къ сознательной борьбѣ, — то, конечно, намъ надо создавать организацію нашей партіи, расчитанную не на широкіе слои пролетарскихъ массъ, а лишь на профессіональныхъ революціонеровъ, которая въ одинъ прекрасный день захватитъ диктаторскую власть и подавитъ „всякое общественное движеніе прямо или косвенно угрожающее“... диктаторамъ. Этотъ выводъ изъ данныхъ посылокъ совершенно правиленъ.

И тогда нечего роптать на самодержавно-бюрократическій принципъ организаціи, тогда надо вмѣстѣ съ Лассалемъ признать,

что организація должна быть лишь молотомъ въ рукахъ одного человѣка. Если съѣздъ раздѣлялъ основныя положенія программы, онъ долженъ былъ искать этого одного человѣка. Онъ нашелъ его и можетъ быть не ошибся. Во всякомъ случаѣ другого онъ не могъ никого избрать. Пусть же товарищи изъ меньшинства подчинятся выбору съѣзда, этого требуетъ ихъ долгъ революціонеровъ и... пусть будутъ молотомъ.

Они чувствуютъ инстинктивно, что это не такъ, что этого не можетъ быть. Но вмѣсто того, чтобы пересмотрѣть тѣ посылки изъ которыхъ былъ сдѣланъ выводъ, они признаютъ ихъ правильными, они признаютъ программу и объявляютъ, что не они отступаютъ отъ нея, а Ленинъ отступилъ отъ тенденцій „Искры“ и „Зари“.

Но это, конечно, не вѣрно. Ленинъ не только не отступилъ отъ взглядовъ, которые онъ развивалъ съ первыхъ номеровъ „Искры“ и „Зари“, но онъ все время продолжалъ развивать взгляды, которые сквозятъ уже въ первыхъ его брошюрахъ и въ первыхъ шагахъ его дѣятельности.

Ошибочны были вовсе не выводы Ленина, а программа, которую съѣздъ принялъ, вся, начиная съ основныхъ ея положеній— *ея* положеній, тѣхъ положеній, которыя въ ней характерны и отличны отъ другихъ соціалдемократическихъ программъ — и кончая отдѣльными ея выраженіями, потому что этотъ документъ отличается удивительной цѣльностью, стройностью и выдержанностью своей основной ошибочной мысли.

И если это такъ, если въ дѣйствительности, въ противоположность этой мысли, положеніе пролетаріата въ современномъ капиталистическомъ обществѣ постоянно улучшается, благодаря его непрерывной молекулярной борьбѣ, если онъ становится все въ лучшія и лучшія условія для развитія его духовныхъ силъ, если эти силы дѣлаютъ его самого, какъ классъ, способнымъ стать также и творцомъ своей идеологіи, какъ и борцомъ за нее, если ему самому, огромному большинству народа надо завоевать политическую власть—тогда конечно мы должны сказать человѣку съ молотомъ: отойдите! Мы отворимъ дверь широко, широко; много тѣхъ, кто долженъ войти въ нашу партію, чтобы она могла выполнить свою великую миссію, потому что партія наша есть весь „борющійся подъ знаменемъ соціалдемократіи пролетаріатъ, руководимый своимъ демократически организованнымъ революціоннымъ авангардомъ!“

